

ТАЙНЫ КНИЖНЫХ ПЕРЕПЛЁТОВ

Борис Тебиев

50 ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНЫХ ИСТОРИЙ

Борис Тебиев

**Тайны книжных переплётов.
50 почти детективных историй**

«Издательские решения»

Тебиев Б. К.

Тайны книжных переплётов. 50 почти детективных историй /
Б. К. Тебиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987145-9

Каждый, кто интересуется историей и культурой нашего Отечества, найдёт в этой книге малоизвестные факты о жизни известных писателей и поэтов, книгоиздательской деятельности, о книжных увлечениях интересных людей прошлого, о цензурной истории публицистических и художественных произведений и о многом другом. Книга адресована массовому читателю, но будет интересна и для исследователей-книговедов, историков. Особая ценность книги в том, что она написана на основе личного книжного собрания автора.

ISBN 978-5-44-987145-9

© Тебиев Б. К.
© Издательские решения

Содержание

Из библиотеки – в память.	6
Загадка «Г. С. С. Б.»	9
Издано Н. И. Новиковым	16
Философ горы Алаунской	21
Друзья поэта	25
Загадочный томик Жуковского	30
Броневские на службе России	37
«Молодые якобинцы негодовали»	42
Реконструктор бессмертной	47
«Шекспир комедии», его	53
Великий охотник до книг	61
Познание России	72
Тайны книжных переплётв	77
Памятник таланту	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Тайны книжных переплётов 50 почти детективных историй

Борис Константинович Тебиев

Корректор Т. В. Леонова

© Борис Константинович Тебиев, 2020

ISBN 978-5-4498-7145-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из библиотеки – в память. Вместо предисловия

*«После удовольствия иметь библиотеку нет
ничего приятнее, как говорить о ней и делиться с другими
невинными богатствами мысли, приобретёнными в занятиях
словесностью».*

Шарль Нодье

Вышло так, что среди многочисленных высказываний о книгах и библиотеках мне почему-то особенно запомнились два «иноземных», а точнее, доставшихся всему человечеству. Одно из них, принадлежащее «здравомыслящему насмешнику», французскому писателю-романтику и библиофилу Шарлю Нодье (1780 – 1844), я взял в качестве эпиграфа к настоящему изданию своих очерков. Другое высказывание принадлежит Франческо Петрарке (1304 – 1374). Звучит оно так: «Нельзя держать книги запёртыми, словно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память».

Произнесённые в разные исторические эпохи эти высказывания хорошо дополняют друг друга. Смысл эпиграфа ясен и прост: если в твоей библиотеке есть интересная и редкая книга, расскажи о ней друзьям, знакомым, напиши о ней заметку или очерк. Смысл слов Петрарки, при видимой простоте, более глубокий. Задумаемся, что стоит за словами: книга должна «переходить из библиотеки в память»? Конечно же, это не только призыв посредством книги обогащать свою память знанием выработанных человечеством богатств, а нечто большее. Великий итальянец хорошо понимал, что книги, будучи орудием познания мира, позволяющим человеку уменьшить необозримые пространства неведомого, одновременно являются и хранилищами исторической памяти человечества, памяти поколений.

Никогда не считал себя библиофилом, книжным кладо-искателем и не стремился таковым слыть. Рассказать о книгах из личной библиотеки вовсе не означает похвастаться тем, какие редкости вам удалось добыть, поведать, через какие тернии лежит путь к звёздной коллекции. Рассказы о книжном кладо-искательстве с лихо закрученными детективными сюжетами, порой не менее увлекательные, чем истории о поиске золота в развалинах легендарной Трои, ценны, на мой взгляд, лишь тогда, когда в них фигурируют реальные люди, судьбы которых тесно связаны с судьбами их книг, с духом эпох. Для меня как обладателя преимущественно деловой книжной коллекции всегда было важным разузнать, при каких конкретно обстоятельствах найденное мною редкое печатное издание появилось на свет, кто его автор, какова судьба книги и её создателя в бурном водовороте житейского моря. Хорошая книга – драгоценная редкость, книги с «биографиями» – драгоценны вдвойне. Известный педагог А. С. Макаренко когда-то точно заметил: «Книги – это переплетённые люди». А ещё книги учат нас наполнять смыслом каждое мгновение жизни, служат для многих «архивами вдохновения».

Среди авторов книг, о которых я пишу, много людей известных, знаменитых, но много и тех, чьи имена оказались незаслуженно забытыми, а может быть, никогда и не были на слуху. Долгие годы раскрыть страницы жизни многих незаслуженно забытых писателей, поэтов, учёных, откровенно признаюсь, мне не удавалось в силу целого ряда обстоятельств. Молчали архивы, научные библиотеки, музеи. С появлением Интернета многое изменилось в лучшую сторону. Хотя моё отношение ко Всемирной паутине в целом критическое, надеюсь, что со временем Интернет станет иным – более полезным для развития и менее располагающим к бездумному время-препровождению. Конечно, для этого потребуются годы, а главное – существенный рост культуры интернет-пользователей.

«...Из библиотеки – в память» – какая прекрасная мысль. И какое чудесное свойство человека обладать памятью! Книги связывают нас с прошлым, они помогают лучше понять настоящее и глубже задуматься о будущем. Поколение людей, к которому я принадлежу, мне представляется последним поколением истинных ценителей книги. Причём книги не только как источника знания, но и книги как таковой, как материальной и духовной субстанции, как сгустка человеческой энергии, как порождения эпохи, как полиграфического, наконец, продукта. Хотите – верьте, хотите – нет, но каждая книга для меня – существо одушевлённое. Есть книги-триумфаторы, есть книги-страдалицы, есть книги-скиталицы. Прижми такую книгу к груди и испытаешь всю сложную гамму человеческих чувств и переживаний. Многие книги прошли через войны и революции, скитания их владельцев по городам и весям, другие превратности судьбы.

Книжное собирательство составляло увлечение многих интересных людей XX века: и учёных, для которых личная библиотека – это всё. И не совсем учёных, а просто грамотных, просто культурных, просто любящих книгу. В довоенные и первые послевоенные десятилетия в нашей стране существовали целые артели книжных «копателей» и «старателей», объединённых в кружки и клубы книголюбов, общества библиофилов. Плоды их копаний и стараний – не только прекрасные домашние библиотеки, многие из которых после ухода из жизни владельцев стали украшением государственных публичных библиотек и музеев (такое бывало и в прошлом), но и особый вид научно-художественной и научно-популярной (а может быть, и научной в прямом смысле этого слова) литературы: *книги о книгах*.

Я воспитан на этих книгах и безмерно благодарен их авторам за то, что приобщили меня к «книжному счастью». Не могу не назвать имена вдохновенных книжников, ставшие, к сожалению, забываться: В. Г. Лидин, П. Н. Берков, Н. П. Смирнов-Сокольский, А. И. Маркушевич, Е. И. Осетров, О. Г. Ласунский, Е. Д. Петряев, В. Г. Утков...

Их бескорыстная и пламенная любовь к книге заразительна. Да, да! Книжное копание, книжное старательство, книжное собирательство – опасная болезнь! Каждый «заболевает» по-своему. Ко мне эта болезнь пришла в юности, и вот уже почти 60 лет я роюсь в книгах и по возможности пишу о самом интересном из того, что «нарыл».

За пристрастие к книгам я благодарен Туле. Считаю, что мне повезло родиться в городе русских оружейников, городе героическом и литературном. Мои детство и отрочество прошли в доме на перекрестке двух тихих «литературных» улиц, одна из них называлась Гоголевской, а другая – Тургеневской. Впрочем, они и сейчас так называются, только выглядят по-иному, чем в первые послевоенные десятилетия.

Скажу более: я родился и вырос в своеобразном «литературном четырёхугольнике». Судите сами. На улице Тургеневской в двух минутах ходьбы от моего дома стоял дом деда писателя Глеба Ивановича Успенского, где он часто бывал в детстве. На улице Гоголевской в трёх кварталах от меня – дом, где родился и вырос писатель Викентий Викентьевич Вересаев. На параллельной Тургеневской улице Коммунаров (ныне Проспект Ленина), центральной улице Тулы, в пяти минутах ходьбы располагались бывшие присутственные места и старое здание губернского суда, где много раз бывал Лев Николаевич Толстой. Еще несколько десятков шагов мимо Пушкинского сквера – и здание бывшей Казённой палаты, в которой в 1867 году служил управляющим Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Я признателен тульским областным газетам «Коммунар» и «Молодой коммунар», на страницах которых появились мои первые рассказы о книгах и краеведческие очерки. Я благодарен журналу «В мире книг» и моему незабвенному редактору Юрию Алексеевичу Попкову, человеку исключительной доброты и душевной отзывчивости, убедившему меня в том, что собирать книги и писать о них – дело святое и благородное.

А теперь о главном. Цель данной книги предельно проста: ненавязчиво поведать читателю, как романтичен и интересен поиск редких книг, какой волнующей может быть радость

открытий, даже самых маленьких, как много значит в нашей жизни умная добрая книга. Большинство собранных в книге очерков связано с Тулой и Тульским краем, моей малой Родиной. Однако люди, события, книги, о которых я пишу, не имеют местной прописки. Они принадлежат русской культуре, нашей истории.

Эта книга не претендует на полноценное научное исследование, хотя я не забываю, что книговедение даже по своему определению – наука. Больше мне хотелось, чтобы она была интересна всякому, кто любит Россию, её историю и культуру, кто гордится и дорожит мудростью и славой наших предков, кто хочет больше знать о жизни предшествовавших поколений.

Я благодарен всем, кто словом и делом оказал содействие в подготовке книги к печати, и в первую очередь доктору философских наук И. Е. Задорожнюку, вице-президенту Международной педагогической академии Г. М. Киселёву, доктору экономических наук Н. Н. Калининой, доктору исторических наук А. И. Юрьеву и, конечно, моей жене Т. Н. Павлюковой. Искренне признателен Е. В. Колесниковой, создателю сайта ruslita.ru, и О. Г. Востриковой, редактору сайта «Тульские бренды», познако-мивших с фрагментами этой книги читателей сайтов.

Загадка «Г. С. С. Б.»

Порывистый ветер срывал с деревьев последние жёлтые листья, метался над крышами домов, залетал в печные трубы. Ленивое осеннее солнце лишь изредка выглядывало из-под низко нависшей над городом громады серых облаков, ласкало холодеющими лучами оголённые ветви деревьев, черепичные крыши, покрытые лужами мостовые. Лишь на мгновения солнечные блики проникали сквозь квадраты оконных стёкол в небольшую комнату, освещая её скромное убранство: шкафы, заполненные книгами, письменный стол, глубокое кресло рядом с ним.

В кресле, казалось, неподвижно сидел седовласый старик. Время от времени, вспоминая о чём-то, он медленно наклонялся к лежавшей перед ним на столе распахнутой тетради, делал какие-то записи, пометки и уточнения. Две такие же тетради, исписанные рукой прилежного переписчика и дополненные многочисленными поправками старика, лежали поодаль. Тетради были единственным, что еще связывало его с жизнью, заставляло забывать про боль старых ран и усталость. В них он описал всё, что пришлось прочувствовать и пережить за годы трудной и насыщенной событиями жизни.

Он не жалел о прожитом, перебирая в памяти и воскрешая на бумаге эпизоды далёких дней и лет, не тужил о том, что честное служение Отечеству не принесло ему ни славы, ни богатства. Тяжело было сознавать, что остаток жизни он проводил в одиночестве. Всю жизнь судьба носила его с места на место, как те жёлтые листья, что кружили сейчас за окном. И не было у него ни уютного домашнего очага, ни семьи, ни близких друзей. Старик угасал и чувствовал, что дни, а может быть, уже и часы его сочтены. И он крепился, сжимая в руке перо. Но вот оно в последний раз коснулось чернильницы, скрипнуло, скользнуло по голубоватой бумаге...

Судьба безжалостно обошлась не только с этим человеком, но и с предсмертным его творением. Он не успел ни договориться с издателями о публикации автобиографических записок, ни передать их в надёжные руки. Для тех, кто попытался бы ознакомиться с тетрадями, не зная имени автора, они оказались бы загадкой, поскольку все личные имена в тексте были обозначены только начальными буквами. Загадочно-интригующим было и название рукописи: «Жизнь и похождения Г. С. С. Б. Повесть справедливая, писанная им самим».

Прошло более ста лет с того осеннего дня, прежде чем рукопись загадочного «Г. С. С. Б.», а точнее, лишь одна, последняя ее часть, третья по счёту тетрадь, попала в руки исследователей. Незадолго до Первой мировой войны ее случайно обнаружил в Киеве, на Подоле, в лавке букиниста, среди груды старых бумаг и книжного хлама известный художник и историк искусств Степан Петрович Яремич. Вскоре рукопись привлекла внимание замечательного литературоведа и большого знатока русской старины Бориса Львовича Модзалевского, одного из создателей Пушкинского дома, собравшего его основные книжные, рукописные и изобразительные фонды.

«Жизнь и похождения Г. С. С. Б.» с обстоятельными комментариями и вступительной статьёй Модзалевский опубликовал в 1918 году на страницах исторического и историко-литературного журнала «Голос минувшего». Поводом к публикации и тщательному разбору загадочной рукописи послужили как несомненные художественные достоинства записок, так и явная их историческая ценность, документальность, правдивость. Модзалевского заинтересовала колоритная фигура автора – служилого дворянина времён Екатерины II и Павла I. С обветшалых страниц рукописной тетради проглядывалась личность незаурядная и самобытная, не чуждая передовым стремлениям своей эпохи, оставившая свой след в истории отечественной культуры и общественной мысли.

Тщательно сопоставляя текст рукописи с сохранившимися архивными документами, исследователь установил, что её автором является некто Пафнутий Сергеевич Батури́н, а загадочные буквы «Г. С. С. Б.» расшифровываются как «Господин статский советник Батури́н».

На фоне исторических событий второй половины XVIII столетия и первых лет XIX века, времени, когда жил и работал П. С. Батури́н, его имя в науке и литературе оставалось незамеченным. Вряд ли что знали бы о Батури́не и мы, не попади записки в руки Яремича и Модзалевского.

Биографические сведения о Батури́не скудны. Единственное дополнение к уцелевшей части записок – его послужной список 1800 года, обнаруженный Модзалевским в делах сенатского архива. Вот что удалось установить благодаря этому списку.

Пафнутий Сергеевич Батури́н происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода, который, по преданию, вёл своё начало от средневекового венгерского рыцаря Батугерда, состоявшего на русской службе. Батури́н родился около 1740 года, но где именно, неизвестно. Отсутствие недвижимого имущества, поместий с крепостными крестьянами и других источников дохода вынудило Батури́на с раннего возраста поступить на военную службу. Четырнадцатилетним подростком его определили в лейб-гвардии конный полк, где он получил чин вахмистра. Через пять лет Батури́на выпустили поручиком в полевые полки.

Бедный молодой офицер имел возможность отличиться. Война 1756 – 1762 годов между Россией и Пруссией, вошедшая в историю как Семилетняя, находилась в разгаре. Однако случилось непредвиденное. Во время одного из сражений Батури́н был взят в плен и семь месяцев провёл на чужбине узником. О дальнейшей военной карьере мечтать особенно не приходилось. На следующий после окончания войны год Батури́на уволили в отставку в чине капитана.

После этого почти семь лет Батури́н провёл не у дел. В эти годы он, судя по всему, усиленно изучал науки, знакомился с литературными произведениями, совершенствовался в знании иностранных языков, скромно путешествовал по Западной Европе. В 1770 году, когда Россия вступила в войну с Турцией, Батури́н вновь надевает офицерский мундир.

В это время произошла встреча, которая во многом определила дальнейшую судьбу молодого офицера. Во время штурма турецкой крепости Браилова Батури́н был ранен в руку. Рана оказалась пустяковой, и на период излечения его направили в военный корпус под командованием генерал-майора Михаила Никитича Кречетникова. Образованный и смелый офицер понравился удачливому генералу. Кречетников взял Батури́на под своё покровительство.

Дальнейшая военная служба Батури́на проходила в Апше-ронском и Ревельском пехотных полках. С 1780 года, периода службы в Ревельском полку, которым Батури́н временно командовал, и начинается дошедшая до нас часть его автобиографической повести. Последние ее страницы касаются событий 1798 года. Рукопись обрывается на полуслове. Заключительные ее листы оказались утерянными, как и первые две тетради.

Сохранившаяся часть автобиографических записок Батури́на позволила уточнить многие факты его дальнейшей жизни, особенно интересные для нас. В 1782 году в звании подполковника Батури́н окончательно выходит в отставку. Около года живет в Петербурге, а затем, воспользовавшись неодно-кратными приглашениями своего покровителя Кречетникова, переходит на гражданскую службу под его начало. К этому времени Кречетников, оставив войска, по высочайшему повелению императрицы был назначен калужским и тульским наместником. Для управления наместничеством Кречетникову нужны были свои люди, и он предложил Батури́ну должность советника Калужской палаты гражданского суда.

В 1788 году Кречетников переводит свою резиденцию из Калуги в Тулу. Сюда же переезжает и Батури́н, получив должность советника Тульского губернского правления. Вскоре вновь последовали перемены. В конце 1790 года, после назначения Кречетникова генерал-губернатором Малороссии, Батури́н получает место директора Киевской экономии, а в 1793 году –

председателя уголовного суда Изяславского наместничества. Впоследствии Батури́н служил в Волыни, Воронеже и Минске, где и скончался в ночь с 22 на 23 октября 1803 года.

Занимая высокое общественное положение – последним чином Батурина был чин статского советника, равный согласно «Табели о рангах» воинскому званию бригадира, – Батури́н, как свидетельствуют его записки, был человеком чести и долга. Он открыто презирал тунеядство и праздную жизнь, активно боролся с коррупцией, которой был подвержен чиновничий мир, защищал интересы крестьян от произвола помещиков и властей, был неподкупен и строг с теми, кто пренебрегал законами и нормами морали.

Особое значение киевской находки состояло в том, что она открыла для науки имя замечательного мыслителя, философа-материалиста. Человек широкой эрудиции и энциклопедических познаний Батури́н был к тому же талантливым литературным критиком и переводчиком, драматургом и театральным постановщиком.

Автобиографические записки Батурина дали, казалось, безнадежно утерянный ключ к разгадке ряда историко-литературных тайн, давно занимавших учёных. Оказалось, например, что именно Батури́н являлся автором нашумевшей в своё время критической статьи, написанной по поводу известной державинской «Оды к Фелице». Статья эта была опубликована в IV выпуске издававшегося в Петербурге в 1783 – 1784 годах журнала «Собеседник любителей русского слова» под названием «Сумнительные предложения г-м издателям Собеседника от одного невежды, желающего приобрести просвещение». Статья, содержащая критический разбор творения Г. Р. Державина, была направлена Батуриным в журнал анонимно, дабы не навлечь на себя «высочайший гнев». Ведь ода восхваляла достоинства самой «русской Фелицы» – Екатерины II, а критик дерзнул высказать своё неприятие византийской лести и подобиострастия, с какими было написано это поэтическое произведение.

Наиболее значительной из многочисленных опубликованных анонимно работ Батурина, поставившей его в один ряд с выдающимися русскими мыслителями XVIII столетия, стало его «Исследование книги о заблуждениях и истине», написанное в 1788 году и отпечатанное в Туле в 1790 году. Авторство этого серьёзного философского сочинения Батури́н скрыл, приписав на титуле: «Сочинено особливим обществом одного губернского города».

Судьба «Исследования...» необычна и интересна. Книга Батурина появилась на свет как опровержение вышедшей в Москве в 1785 году в русском переводе работы французского мистика Сен-Мартена «О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знаний». Претенциозная шарлатанская книжонка, содержащая самые нелепые антинаучные измышления, проповедовавшая мрак и невежество, стала программным документом российских масонов, пользовалась в их среде немалой популярностью. Многие из них, и в первую очередь московские масоны, буквально преклонялись перед новоявленным французским «пророком», не без гордости называя себя мартинистами.

Бредовые идеи Сен-Мартена вызвали справедливое негодование передовых кругов русской общественности. С подозрением относилось к мартинистам и правительство, вынужденное вскоре наложить на книгу французского мистика цензурный запрет. Но эта мера лишь подлила масла в огонь. Вокруг книги развернулись жаркие споры. Её защитники с пеной у рта старались доказать, что Сен-Мартен – гениальный мыслитель, а его учение – наивысшее достижение современной философии.

Спорить с мартинистами было трудно. Ни один из их оппонентов не смог сколько-нибудь убедительно и аргументированно опровергнуть Сен-Мартена. Развенчать французского мистика, показать несостоятельность его теории удалось лишь Батури́ну. Строя свое исследование книги Сен-Мартена на основе новейших достижений естествознания и подходя к их оценке с передовых материалистических позиций, Батури́н проявил себя блестящим полемистом, истовым защитником просвещения, подлинно научных знаний об окружающем чело-

века мире. Книга не оставила и камня на камне от «масонских бредней», как называл лжеучение Сен-Мартена сам Батуриин.

Киевская находка пролила свет и на историю издания «Исследования...». Оказалось, что Батуриин был талантливым книгоиздателем. Арендуя типографию наместничества, он выпустил в Калуге ряд интереснейших книг. Среди них «Собрание различных нравоучительных повествований и басен» (1785), отчасти переведённых Батуриным с немецкого, отчасти сочинённых самим, исторические сочинения «Колумб в Америке» (1786) и «Краткое повествование об Аравлянах» (1787). Эти книги были написаны Батуриным.

Переехав в 1788 году в Тулу, Батуриин перевозит сюда и оборудование калужской типографии. Здесь он завершает главный свой труд – «Исследование книги о заблуждениях и истине» и печатает это сочинение.

Позволю себе одно небольшое отступление. Ещё до публикации записок Батурина некто В. Н. Рогожин, автор примечаний к суворинскому изданию «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова, высказал предположение, что «Исследование...» печаталось не в Туле, как указано на титульном листе книги, а в Москве, в типографии Х. Клаудия. Поводом для такого предположения послужило изучение шрифта, которым была напечатана книга Батурина. В типографии калужско-тульского наместничества подобного шрифта не значилось. Типографские литеры поступали сюда из Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса в Петербурге и имели несколько иное начертание. Однако в своих записках Батуриин прямо указывает на то, что книга его печаталась в Туле. И этому нельзя не верить. Возможно, для издания «Исследования...» Батуриин воспользовался шрифтом другой тульской типографии, учреждённой в 1784 году, или специально выписал новые шрифты из московской типографии Х. Клаудия.

Краткие упоминания об «Исследовании книги о заблуждениях и истине» содержатся во многих каталогах и справочниках редких русских книг XVIII столетия. Вокруг его авторства велись долгие и жаркие споры. Высказывались самые разные, порой противоречивые и даже нелепые предположения. «Исследование...» причисляли к литературным мистификациям, которыми так богат был екатерининский век. Его приписывали то правительственной инициативе, то церковным писателям. (Вникнуть в содержание «Исследования...» спорщикам было, очевидно, недосуг.) Подвергалось сомнению не только место, но и время издания. Среди возможных авторов назывались различные лица, вплоть до самой Екатерины II. Известный русский книговед Александр Бурцев, составитель многотомного «Описания редких российских книг», высказывал предположение, что «Исследование...» принадлежало перу ректора Московской духовной академии епископа Аполлоса – сочинителя богословских трактатов, нескольких драматических произведений и повестей.

В 1857 году в отделе «Библиографические записки» журнала «Современник» была напечатана статья библиографа М. Н. Лонгинова. Автор предпринял интересную попытку определить, кто именно из проживавших в 80-е годы XVIII столетия в Туле лиц мог входить в состав «особливого общества одного губернского города». Имя Батурина в списке Лонгинова не значилось. Тем не менее сама попытка, предпринятая библиографом, интересна. Она даёт наглядное представление о литературном круге типичного города русской провинции екатерининских времен.

М. Н. Лонгинов называет имена восьми туляков, имевших отношение к литературной деятельности. Первый среди них – советник Казенной палаты Семён Никифорович Веницев. В 1764 году, еще будучи студентом Московского университета, Веницев как переводчик с латинского принимал участие в издании журнала «Доброе намерение». В 1776 году в Петербурге и Москве в его переводе вышло сочинение Фомы Гобезея (Томаса Гоббса. – *Б. Т.*) «Начальные основания философские о гражданине». Один из первых тульских краеведов Н. Ф. Андреев, основываясь на воспоминаниях старожилов, писал в 1842 году в журнале

«Москвитянин» о Веницееве как о человеке, который «был одарён умом быстрым и наблюдательным, имел воображение живое, пламенное и превосходную память, верный взгляд на вещи, глубокие юридические познания и писал простым, естественным слогом».

Имя Веницеева можно встретить и в знаменитом «Опыте исторического словаря о российских писателях», составленном в 1772 году Н. И. Новиковым. С 1785 по 1794 год Веницеев служил командиром (управляющим) Тульского императорского оружейного завода, оставив о себе, по свидетельству другого тульского историка-краеведа И. Ф. Афремова, «незабвенную память в Туле» перестройкой завода и арсенала, учреждением Баскаковского инвалидного дома и Александровского дворянского военного училища.

Среди других возможных соавторов «Исследования...» Лонгинов называет секретаря казённой палаты В. Протопопова, губернского прокурора И. Беляева, заседателя совестного суда И. Ильина, прокурора верхнего земского суда А. Хрущова, секретаря приказа общественного призрения М. Бенедиктова, казначея уездного казначейства И. Иванова, провинциального секретаря верхнего земского суда И. Воскресенского.

Это были по-своему талантливые и интересные люди. Видимо, Батури́н знал их по службе. Но никто из них, как свидетельствуют записки Батурина, не был в числе его близких друзей и единомышленников. Хотя на титуле своей книги Батури́н и указал, что сочинена она «особливым обществом», авторство «Исследования...» принадлежало, бесспорно, лишь ему одному. Более того, Батури́н, по всей вероятности, испытывал душевное одиночество, готовя к печати свой труд. Не случайно в качестве эпиграфа к «Исследованию...» он избрал четверостишие из духовных од М. В. Ломоносова:

Хоть полк противных мне восстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь.

Говоря о Батури́не и его книге, нельзя не упомянуть о его «благодетеле» генерале Михаиле Никитиче Кречетникове (1729 – 1793). Несмотря на то, что Батури́н был многим обязан екатерининскому вельможе, в биографических записках он даёт ему не очень лестную характеристику: «Генерал-губернатор Кречетников при выборе людей к местам мало смотрел на их способности к делам или исправлению должностей, на них возлагаемых; но больше на способности их угождать ему или, чтобы, по свойственным каждому качествам, могли приятно проводить с ним свободное его время, или бы имели возможность жить с великолепием и пышностью».

Стремление жить «с великолепием и пышностью» отличало и самого Кречетникова. Вступление на должность калужского и тульского генерал-губернатора он ознаменовал, например, открытием в этих городах профессиональных театров, вошедших вскоре (во многом благодаря стараниям и таланту П. С. Батурина!) в число лучших провинциальных театров России.

Когда-то, работая над книгой по истории тульского театра (она вышла в 1977 году к его 200-летию), я совершенно упустил из вида тот факт, что Кречетников являлся воспитанником знаменитого Сухопутного кадетского корпуса в Петербурге. «Что это меняет?», – спросите вы. Да очень многое! Любой знаток истории отечественной драматической сцены знает, что Сухопутный кадетский корпус был колыбелью театрального искусства в России, а его воспитанники (все до одного!) – заядлыми театрами. Это привилегированное учебное заведение было открыто в 1731 году для подготовки дворянских детей к офицерской и гражданской государственной службе. В Сухопутном шляхетском корпусе наряду со специальными дисциплинами преподавался широкий круг обще-образовательных предметов, большое внимание уделялось эстетическому воспитанию кадетов, в том числе и средствами театрального

искусства. В 1749 году воспитанники Сухопутного шляхетского корпуса исполнили на сцене учебного заведения одну из первых национальных русских пьес – трагедию А. П. Сумарокова «Хорев», отличавшуюся ярким гражданским пафосом, возвышенными и прекрасными страстями. Спектакль имел огромный зрительский успех и был повторен молодыми исполнителями на сцене Зимнего дворца. Вскоре кадетами были поставлены такие произведения получившего одновременно с театром популярность автора, как трагедии «Гамлет», «Синав и Трувор», «Аристона», комедии «Чудовища» и «Пустая ссора».

Примечательно, что именно в Сухопутном шляхетском корпусе дополнили художественное образование уже проявивший своё сценическое дарование сын костромского купца, создатель русского профессионального театра Федор Григорьевич Волков (1729 – 1763) и его брат Григорий, выдающийся русский актер, театральный педагог и летописец русского театра И. А. Дмитревский (Нарыков), сподвижник Волкова актер А. Попов.

Аналогичную батуринской характеристику генералу Кречетникову дал в рассказе «Тульский кречет» известный в своё время писатель и историк Даниил Мордовцев (1830 – 1905). В основу рассказа положен реальный факт посещения Тульской губернии в июне 1787 года императрицей Екатериной II. Мордовцев рисует Кречетникова как человека, желающего во всем угождать императрице, любителя «втирать очки», создавать видимость благополучия, организовывать пышные приемы и строить потёмкинские деревни.

Знакомство с подлинной биографией Кречетникова свидетельствует о том, что реальные заслуги перед отечеством он, безусловно, имел. Екатерина II хорошо разбиралась в людях, чинов и званий зря не раздавала. Она ценила Кречетникова как крупного военного деятеля и талантливого администратора. О делах генерала красноречиво свидетельствует надпись на его могильном постаменте в соборной церкви Слуцкого Свято-Троицкого монастыря, сделанная на русском, латинском и польском языках:

«Российских Императорских войск генерал-аншеф, сенатор, Тульский, Калужский и новоприсоединённых областей от Речи Посполитой Польской к Империи Российской генерал-губернатор, начальствующий над всеми войсками тамо находящимися и расположенными в трёх малороссийских губерниях, и кавалер Орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Равноапостольного Владимира первой степени, Польских Белого Орла и Св. Станислава и Великокняжеского Голштинского Св. Анны, Граф Михаил Никитич Кречетников скончался 9-го мая 1793 года в Меджибоже, погребён здесь того же года августа 5 дня».

Кречетников вошёл в историю и как самый «короткий граф». В графское достоинство он был возведён за три дня до кончины – 6-го мая 1793 года, даже не узнав об этой милости российской самодержицы.

Фигурирует в рассказе Мордовцева и правитель канцелярии наместничества – сибарит и гуляка Францель Венециан – Семён Никифорович Венециев, мастер составлять от имени наместника всеподданнейшие реляции.

Кстати! Часть этих реляций сохранилась и даже была издана в 1863 году в типографии Московского университета отдельным оттиском и в IV книге Чтений Императорского Общества Истории и Древностей Российских. В моей библиотеке имеется экземпляр отдельного оттиска под названием «Журнал реляций к ея императорскому величеству калужского, тульского и рязанского генерал-губернатора Михайла Никитича Кречетникова в 1782 – 1787 годах», а также экземпляры выпущенных в том же году отдельных оттисков «Дневных записок о движении и действиях войск русских в Великом княжестве Литовском и Польше в 1792 году, находившихся под начальством генерал-аншефа Михайла Никитича Кречетникова» и «Писем к генералу и кавалеру Михайлу Никитичу Кречетникову графа Захара Григорьевича Чернышева и других с 1769 по 1785 год». На 42-й странице «Писем», в документе, датированном 5 июня 1772 года, граф Чернышев просит Кречетникова принять от секунд-

майора Батурина челобитную об увольнении от военной службы с тем, чтобы в дальнейшем, после отставки, определить его «в Пост-Мейстеры». По всей видимости, этот эпизод был связан с ранением Батурина при штурме Браилова и положил начало личному знакомству Батурина с генералом Кречетниковым.

Не могу вкратце не остановиться на некоторых подробностях личной жизни генерала Кречетникова. Интересны они, конечно, не столько сами по себе, сколько в связи с биографией великого русского поэта Василия Андреевича Жуковского. Будучи человеком женатым, Кречетников в течение многих лет вёл холостяцкую жизнь. Причиной тому стало рано проявившееся в браке психическое расстройство его жены, которая безвыездно жила в родовом имении и не сопровождала мужа в его многочисленных походах и служебных перемещениях. Свою настоящую любовь Кречетников встретил в достаточно зрелом возрасте. Его избранницей стала сводная сестра Жуковского, дочь белёвского воеводы Афанасия Ивановича Бунина (Жуковский был его внебрачным сыном, рождённым от пленной турчанки Сальхи) Наталья Афанасиевна Бунина (1756 – 1791). Юная красавица, находившаяся в то время на выданье, не только ответила пожилому генералу взаимностью, но и родила ему двух дочерей. В семействе Буниных эту связь тщательно скрывали, до поры, конечно, до времени. В связи с тем, что Кречетников был женат, узаконить отношения с Натальей Афанасьевной он не мог. По довольно распространённому в те времена обычаю Бунину выдали замуж за мелкого чиновника Вельяминова, обеспечив ему в качестве компенсации карьерный рост. Не остался внакладе и помещик Бунин: ему удалось без особых трудов приписать своего незаконнорожденного сына к тульскому дворянству. Трагической развязкой этой непростой истории стала ранняя смерть Натальи Афанасьевны от скоротечной чахотки в возрасте 35 лет.

Но вернемся к главной теме нашего рассказа. Уже в середине XIX века «Исследование книги о заблуждениях и истине» было, по свидетельству М. Н. Лонгинова, большой библиографической редкостью и дорого ценилось на книжном рынке. В наши дни замечательный труд П. С. Батурина можно встретить лишь в крупнейших библиотеках страны да в собраниях двух-трех библиофилов. Один из экземпляров «Исследования...» хранится как особая реликвия в Тульской областной универсальной научной библиотеке. Ведь это первая книга, положившая начало издательской деятельности на тульской земле.

Десять лет ушло у меня на то, чтобы отыскать у букинистов и поставить на свою книжную полку экземпляр «Исследования...». Словно в подтверждение известной истины – кто ищет, тот всегда найдет – в ноябрьский день 1982 года букинистический отдел московского Дома книги на Новом Арбате любезно предоставил мне такую возможность. Судя по сохранившемуся на титульном листе штампу, приобретённый мною экземпляр «Исследования...» принадлежал некогда фундаментальной библиотеке Казанской духовной семинарии. Сохранность книги, можно сказать, отличная.

По стечению обстоятельств «Исследование...» Батурина появилось на свет в один год с мятежной книгой его современника А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Неизвестно, был ли Батурина лично знаком с Радищевым. Скорее всего, их жизненные пути не пересекались. Но эти люди во многом были близки по духу. Горячих патриотов России Радищева и Батурина роднили желание видеть свой народ свободным и счастливым, вера в силу человеческого разума, добра и справедливости.

Издано Н. И. Новиковым

Небольшую, карманного формата книжицу под названием «Христианская школа», написанную, как свидетельствует титуль-ный лист, в городе Бреславле ректором «тамошних училищ» Иеронимом Рокесом, я хранил на полке книжного шкафа без особого, прямо скажу, энтузиазма. При этом постоянно слышал упреки близких: «Носишь домой всякое старьё, хлам никому не нужный...».

Такого «старья» я находил немало, нёс в дом, отшучиваясь при этом словами Н. А. Некрасова о старых книгах из его стихотворения «Букинист и библиограф»:

Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.

И уж никак не мог предположить, насколько эта потрёпанная жизнью книга является редкой и интересной. Внимание к столь заурядному, как мне казалось, богословскому изданию не распространялось дальше типографской марки известного просветителя Николая Ивановича Новикова, стараниями которого книга увидела свет в 1782 году в типографии Московского университета. Но вот однажды, перечитывая книгу хорошего писателя и страстного библиофила Владимира Германовича Лидина «Друзья мои – книги», я вспомнил о сочинении Рокеса, достал его с полки и начал внимательно изучать.

А побудило к этому вот что. «К книгам, изданным Н. И. Новиковым, – писал Лидин, – у меня... особое отношение: когда я вижу его монограмму на титуле, моя рука невольно тянется к этой книге; я знаю, что издатель Новиков не обманет меня, что во внешне беззаботной книжке хранится горькое зернышко критики, или осуждения, или сатирической усмешки для посвященных, а затем, впоследствии, и для широкого круга читателей, познающих историю нашей литературы».

Издатель Новиков не обманул и меня. Книжка, построенная в форме распространенных в XVIII веке «рассуждений», оказалась весьма смелой для своего времени, а частые обращения автора к Богу и Священному писанию, которые при беглом знакомстве кажутся слишком банальными, играли лишь роль своеобразной ширмы. За ширмой скрывалось истинное лицо автора – убеждённого противника крепостного рабства, частной собственности, накопительства и невежества, смелого критика современных ему нравов и пороков, которым были подвержены имущие сословия клонившейся к своему закату феодальной эпохи.

Судите сами. По твёрдому убеждению Рокеса, ненасытное стремление отдельных людей к обогащению «за самое слабоумие почитать должно». Сказано это в век, когда частная собственность объявлялась по всем законам священной и неприкосновенной. Вряд ли кому из знатных российских вельмож, привыкших запускать руку в государственную казну, наживать всеми правдами и неправдами состояния, могли понравиться и такие, к примеру, рассуждения автора. Обращаясь к богачам – дворянам, утешающим себя мыслями, что все их неблагоприятные поступки во имя наживы продиктованы гуманными соображениями, «заботой о детях и внучатах», Рокес пишет: «Что ж им в оставленных от тебя трёхстах тысячах червонцев, да в двадцати тысячах душ деревень будет? Разве ты всё великое богатство на то сгребашь, чтобы детям да внучатам после тебя, в тунеядстве живучи, пропировать, прощоголять, в карты проиграть и другими злыми способами твоё несправедливое благословение на ветре поскорее рассеять? Или бы уже при разделе богатства твоего между собою не только драться, да ножами резаться? Бывают на свете и такие развращённые детушки, что отцов да матерей

своих из богатства давят и другими смертями злодейски губят. Берегись же и ты того, несытой имения рачитель».

В другом месте книги, рассуждая о добродетели и добро-детельных людях, Рокес отмечает, что высокое положение и добродетель несовместимы, что «между блистательными и в числе славных земли» добродетелей искать не следует. «Высокие места и чины, – пишет он, – те самые горы и в житейском море скрытые камни, об которые добродетель очень скоро и часто разбивается».

Много в книге и других смелых мыслей, обличающих пороки человеческого общества, взывающих к разуму и справедливости. И впрямь не зря поставил Новиков на книгу свою издательскую марку!

Как сложилась судьба этой книги? В какой мере связана она с судьбой издателя? Как мог попасть в Тулу принадлежащий мне экземпляр? Вопросы эти возникли сами собой. Они-то и стали отправной точкой начавшихся поисков...

Николай Иванович Новиков – фигура яркая, самобытная, щедро наделённая природой разнообразными достоинствами, для XVIII века – знаковая. Новиков намного опередил своё время. В этом была его заслуга, в этом – трагизм его положения. Мрачная российская действительность, коварство Екатерины II и её приспешников, душевное одиночество сделали свое чёрное дело. Достигнув полной своей силы, новиковский талант был смят, задушен, погран физически.

Судьба изданной Новиковым книги – штрих к судьбе выдающегося просветителя.

Иероним Рокес (настоящие имя и фамилия Жан Эмманюэль Рок, 1727 – 1806) написал своё смелое обличительное сочинение в 1767 году. Через три года «Христианская школа» появилась в русском переводе Сергея Волчкова и была напечатана в типографии Сухопутного кадетского корпуса.

Нам неизвестно сейчас даже в самых общих чертах, какова была реакция русской читающей публики на этот перевод. По всей видимости, «Христианская школа» не осталась незамеченной. Оценил ее и Новиков, решился переиздать. В том же 1782 году, когда Новиков выпустил свой перевод «Христианской школы», эта книга печаталась и в Петербурге, в Сенатской типографии. Её менее значительный тираж не мог конкурировать с тиражом Новикова (900 экземпляров), однако в определённой мере ограничил рамки сбыта издания. Почти весь тираж книги был оставлен Новиковым в Москве и разошёлся по книжным лавкам города.

Летом 1787 года, разворачивая активный поход против Новикова и его Типографской компании, Екатерина II издала указ, запрещающий светским типографиям печатать книги церковные или «к священному писанию, к вере, либо к толкованию закона и святости относящиеся». Указ был использован в качестве повода для изъятия из книжных лавок и типографии Новикова не только изданий духовного характера (выпуск их был одной из важных статей доходов Новикова и Типографской компании), но и книг нравоучительных, и даже учебников. В типографии Новикова и московских книжных лавках были конфискованы многие тысячи книг. В том числе и 873 экземпляра «Христианской школы». Уцелели лишь 27 экземпляров признанного властями вредным издания, отчасти распроданных в Москве, отчасти – в провинции.

Так книга стала невольной жертвой острого конфликта между прогрессивным издателем и Екатериной II. События 1787 года нанесли просветителю не только невозполнимый материальный ущерб, но и глубокую моральную травму. Они явились предтечей разыгравшейся пять лет спустя трагедии.

Но вернёмся к книге. Осталось выяснить: как попал в Тулу уникальный экземпляр «Христианской школы», были ли у издателя в тульском крае друзья и единомышленники, с кем из туляков он поддерживал контакты? Отыскать ответы на эти вопросы помогло кандидатское сочинение, написанное в начале XX века выпускником Петербургского универси-

тета поэтом Александром Александровичем Блоком. Посвящена она дружбе и деловым связям Николая Ивановича Новикова с известным деятелем русской науки и культуры туляком Андреем Тимофеевичем Болотовым.

Знакомство Новикова и Болотова произошло в Москве 2 сентября 1779 года. В своих известных мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова...», являющихся одним из ценнейших источников изучения истории русского общества второй половины XVIII столетия, Андрей Тимофеевич упоминает о Новикове с искренней симпатией и любовью. По словам Болотова, день встречи с Новиковым стал «наидостопамятнейшим почти» в его жизни.

«Важный человек сей, – пишет Болотов о Новикове, – был до сего времени мне совсем не знаком, и я об нём до того даже и не слыхивал. Он же, напротив того, знал меня уже очень коротко, по всем моим экономическим и даже нравственным сочинениям¹, и имел обо мне и о способностях моих весьма выгодные мысли... он принял меня с отменною ласкою и благоприятством и не мог довольно изъявить своей радости и удовольствия о том, что получил случай со мною познаться. Признаюсь, что таковая неожиданная и благоприятная встреча была и самому мне весьма приятна. Мы вступили с ним тотчас в разные разговоры, и как он был человек в науках и литературе не только весьма знающий, но и сам за несколько лет до того издавал нравственный и сатирический журнал, под именем „Живописца“, и можно было с ним обо всем и обо всем говорить, то в немногие минуты не только познакомились мы с ним, как бы век жили вместе, но слепилась между нами и самая дружба...».

На следующий год Болотов и Новиков начинают совместное издание журнала «Экономический магазин». Полное его название читалось так: «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений; записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей. В пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемый».

Издание «Экономического магазина» продолжалось в течение десяти лет. За это время вышло 40 его частей. Журнал пользовался неизменным успехом читателей, проникал в самые отдалённые губернии Российской империи. На его страницах было опубликовано немало ценных практических советов по всем перечисленным в подзаголовке направлениям. Все эти годы Болотов не только редактировал журнал, но и являлся автором большинства статей. К сотрудничеству в «Экономическом магазине» он привлёк также своего сына Павла Андреевича.

В типографии Новикова выходят и отдельные литературные и научные труды Болотова, переводы западноевропейских авторов. Среди них драма в 3-х действиях «Несчастные сироты» – первое в России произведение для детского театра, написанное в Богородицке в 1780 году; религиозно-нравственные сочинения «Чувствования христианина при начале и конце каждого дня недели, относящиеся к самому себе и к Богу. Сочинение одного россиянина» (1781); «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного» (1784) и другие, которые настраивали и взрослых, и детей на вдумчивое чтение и размышления.

Претворяя в жизнь обширную программу «просвещения Отечества», Новиков произвел подлинную реформу книжной торговли. В начале 80-х годов XVIII столетия книги, издававшиеся им, кроме Москвы, распространяются еще в 18 городах России – от Архангельска до Киева и от Петербурга до Казани. Таких масштабов книжной торговли Россия ещё не знала.

---

¹ Н. И. Новиков был, безусловно, знаком с сочинением А. Т. Болотова «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея детьми, сочинённые для поспешествования истинной пользе молодых людей». Книга была напечатана в 1776 году в типографии при Императорском Московском университете.

В этой деятельности у Новикова было немало помощников, и среди них – Андрей Тимофеевич Болотов.

В январе 1781 года, во время одной из своих встреч, Новиков и Болотов договариваются о распространении книг, выпущенных издателем, в Тульской губернии. При этом Новиков поручает Болотову найти в Туле купца, который мог бы вести книжную торговлю. Выбор Болотова пал на тульского предпринимателя И.Т.Неврева, и уже в июне Новиков присылает сюда первую партию книг на значительную по тем временам сумму 1000 рублей. 3 ноября 1781 года газета «Московские Ведомости» сообщила о том, что «в городе Туле в лавке у купца Ивана Тимофеевича сына Неврева, сидящего в красном ряду, имеются разные российских новейших изданий книги, желающие оные покупать, могут получить от него их в переплёте за такую ж точно цену, по которой они продаются в самой Москве и в Санкт-Петербурге».

«Книжные росписи» Новикова свидетельствуют о том, что торговля в Туле и Богородицке, где жил в то время Болотов, велась и в течение последующих двух лет. Вполне вероятным кажется предположение о том, что в числе прочих новиковских изданий в 80-х годах в Тулу попал и хранящийся у меня экземпляр «Христианской школы». Именно так ему удалось избежать участи московских собратьев.

Близким знакомым и одним из сотрудников Новикова в эти годы был и другой туляк – Василий Алексеевич Левшин, тот самый, о котором упоминает в 7-й главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин:

Вот время: добрые ленивцы.
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливцы,
Вы, школы Левшина птенцы...

В примечании к главе Пушкин указывал: «Левшин – автор многих сочинений по части хозяйственной». Действительно, Левшина знали как автора и переводчика более 80 книг на хозяйственные, экономические, философские и другие темы. Известен Левшин и как один из первых русских этнографов и собирателей произведений устного народного творчества.

Из-под типографского станка Новикова вышло более 20 различных сочинений и переводов Левшина, в том числе десять частей обработанных им «Русских сказок», содержащих «Повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения».

Василия Алексеевича Левшина принято считать первым писателем-туляком. Не только по месту рождения, но и потому, что многие произведения создавались им на тульской земле, в родовом имении. Например, «Нравоучительные басни и притчи», увидевшие свет в Москве в 1784 году. На сцене тульского театра, торжественно открытого в 1777 году наместником М. Н. Кречетниковым, ставились комические оперы, водевили, торжественные оды и трагедии, принадлежавшие перу Василия Левшина.

О Левшине тепло писал Виктор Борисович Шкловский. В моей библиотеке есть книга замечательного литературоведа «Чулков и Левшин», изданная в 1933 году в Ленинграде местным издательством писателей. А совсем недавно моё книжное собрание пополнилось одной из книг, составленных самим Левшиным. Это вторая часть его «Полного наставления о строении всякого рода мельниц водяных, ветряных, паровых также скотскими и человеческими силами в действие приводимых, по которому каждый может оные устраивать». Издана она в 1818 году в Москве, в типографии С. Селивановского. Издание это иначе как уникальным не назовёшь. Левшин собрал, перевёл на русский язык, прокомментировал и издал под одной обложкой всё, что к этому времени было известно в Европе о мельничном деле, причём – до мельчайших подробностей, с великолепными чертежами и математическими таблицами!

Судя по сохранившемуся экслибрису (прямоугольный бумажный типографский ярлык), книга эта принадлежала некоему Валериану Влади-мировичу Сапожникову (возможно, тверскому помещику, капитану артиллерии) и значилась в его библиотеке под №341. Видимо, она оказалась полезной хозяину, поскольку некоторые страницы и приложенные к книге чертежи содержат карандаш-ные пометки и технические расчёты.

Левшин родился 6 августа 1746 года в родовитой, но обед-невшей дворянской семье, владевшей землями в Белевском уезде. В 1765 году поступил на военную службу, участвовал в первой турецкой кампании 1768 – 1774 годов. Получив чин поручика, вышел в отставку по военной части и перешёл на службу по части гражданской. Его служба продолжалась до 1818 года, а сочинительство – почти до самой смерти, последовавшей 29 июля 1826 года.

Многогранная просветительская деятельность вольного рус-ского типографа, талант-ливого писателя и публициста Николая Ивановича Новикова оборвалась гораздо раньше, в 1792 году. По ложному доносу он был арестован и заточён в каземат Шлиссельбургской крепо-сти. С восшествием на престол императора Павла I в конце 1796 года Новикова выпустили на свободу. Однако надломленный морально и физически он уже не смог продолжать актив-ной общественной и литературной деятельности. Последние годы жизни он увлекался почти исключительно масонством. Умер Новиков в 1818 году в возрасте 74-х лет в своём родовом имении Авдотьино близ Москвы. Но дело, начатое им в молодости, не пропало. На книгах Новикова воспитаны поколения русских людей.

Историк В. О. Ключевский, оценивая вклад Новикова в разви-тие русской культуры, писал: «...Издательская и книгопро-давческая деятельность Новикова в Москве вносила в рус-ское общество новые знания, вкусы, впечатления, настраи-вала умы в одном направлении, из разнохарактерных читателей складывала однородную читающую публику, и сквозь вызван-ную ею усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, жур-налов и возбуждённых ими толков стало пробиваться то, с чем еще незнакомо было русское просвещённое общество: это – общественное мнение».

С «лёгкой руки» Новикова и Болотова в городе русских оружейников и в Тульском крае началась более или менее регулярная книжная торговля. Известно, что купец Иван Тимофе-евич Неврев вёл свое дело в Туле до 1785 года. В 1787 году книготорговлю в городе развер-нул мещанин Иван Агапов. В 90-е годы XVIII века продажей книг занимался бывший участ-ник многих военных батальонов екатерининской эпохи штаб-лекарь Андрей Данилович Риккер, человек, по оценке Болотова, «весьма проворный и предприимчивый». Книжная лавка Рик-кера была открыта в 1791 году в только что отстроенном каменном торго-вом корпусе и дей-ствовала, по всей видимости, до 1804 года, когда ее хозяин переехал в Тамбов, где служил по врачебной части и получил чин надворного советника. Все желающие могли приобрести в лавке Риккера книги и периодические издания, выходившие в типографии Императорского Московского универ-ситета.

Одновременно с Риккером книжную торговлю в Туле вёл путивльский мещанин Петр Егорович Котельников, владевший сетью книжных лавок в городах Центральной России. В его лавках, в том числе и в Туле, также продавались некоторые книги, изданные Н. И. Новиковым.

Что касается распространения книг в уездах Тульской губер-нии, то, по свидетельству Болотова, этим в конце XVIII века занимались «купец и типографшик» Селивановский и титу-ляр-ный советник, почтамтский секретарь Лукьян Яковлевич Яковлев. Союз купца и почто-вого чиновника породил замечательную идею почтовой рассылки книг. Дошли до наших дней и сведения об установленных тарифах: пересылка книг за 200 вёрст осуществлялась даром, при пересылке книг на расстояние от 200 до 700 вёрст взималось 10 копеек с рубля стоимости книги, при пересылке на расстояние от 700 до 1200 вёрст – по 20 копеек и при пересылке свыше 1200 вёрст – по 30 копеек с рубля.

Философ горы Алаунской

В биографии замечательного русского поэта Василия Андреевича Жуковского (1783 – 1852) есть один неприятный эпизод. Он случился в детстве, когда десятилетний Вася учился в Тульском главном народном училище. (Были в России тех лет такие учебные заведения, непосредственные предшественники губернских гимназий.) Не проявив старания и интереса к наукам, в частности, к математике, будущий поэт-романтик и воспитатель наследника российского престола был с треском отчислен из учебного заведения «за неспособность».

Подсластить проглоченную в детстве пилюлю Жуковскому постарался однажды его близкий друг поэт П. А. Плетнёв. «Из него, – утверждал Плетнёв, – хотели сделать математика, а он всё оставлял для поэзии». Объективность этого утверждения оставим на совести Плетнёва. Сами же обратимся к истории и личности человека, которого некоторые биографы Жуковского называли не иначе как «бездушным формалистом», – старшего преподавателя Тульского главного народного училища Феофилакты Гавриловича Покровского, по воле которого и произошёл злополучный казус с будущим поэтом.

Человек этот был весьма незаурядным и примечательным на фоне провинциальной русской жизни конца XVIII – начала XIX века. После Покровского остались многочисленные статьи в литературных и философских журналах, написанные им книги, открытые им в Тульской провинции месторождения полезных ископаемых и, конечно, благодарные ученики, ибо основным делом жизни Покровского была все-таки работа с детьми, педагогика. Ну не понял, не раскусил Покровский будущий талант, что ж тут такого. Со всяким может статья. Не по злumu же умыслу отчислил он Жуковского из училища, а в назидание ленивцам, тульским митрофанушкам. Это хорошо понимал и сам Жуковский, точнее – понял с годами. Покровский не был для него посторонним человеком. Он был вхож в дом сводной старшей сестры поэта Варвары Афанасьевны Юшковой, где воспитывался будущий автор «Певца во стане русских воинов», давал частные уроки дочерям и племянницам хозяйки дома, ровесницам Василия, участницам его детских игр и забав. Пытался серьёзно заниматься и с Жуковским, но тот и в домашней обстановке рвения к наукам не проявлял, занимаясь только тем, что его интересовало: писал стишки и драматические опусы, ставил их на сцене детского домашнего театра как режиссёр. Впоследствии каждый шёл своим путем. Иногда их дороги перекались. В последний раз – когда Покровскому понадобилась помощь Жуковского. К тому времени уже известный поэт, человек близкий к императорскому двору, проявляет трогательную заботу о бедном провинциальном учителе, хлопочет о его отставке и назначении государственного пенсионера.

В архивных фондах Главного управления народных училищ мне удалось обнаружить формулярный список Покровского, позволяющий дополнить некоторые уже известные факты его биографии. Судя по документам, Покровский родился в 1763 году в семье священника. С 1776 года учился в Севской семинарии, а с 1783 года – в Петербургской учительской гимназии, лучшем в России педагогическом учебном заведении своего времени, открытом специально для подготовки высококвалифицированных педагогов для высших народных училищ.

22 сентября 1786 года Покровский был назначен на должность учителя вновь открытого Тульского высшего народного училища с годовым окладом 400 рублей. Покровский, по всей видимости, немало сделал для становления и развития училища. За это в 1797 году он был награждён чином XII класса. В 1804 году училище было преобразовано в губернскую гимназию. Здесь Покровский исполнял должность старшего учителя и одновременно (с 1804 по 1808 год) преподавал политическую экономию «по Смиту» и российскую словесность. По поручению местного гражданского губернатора Томилина Покровский занимался изучением природных ресурсов Тульского края, открыл здесь несколько месторождений торфа и каменного угля. На базе последних в дальнейшем получил своё развитие Подмосковный

угольный бассейн, сыгравший важную роль в индустриализации Московского промышленного региона. В 1807 году Покровским было составлено «Топографическое описание Тульской губернии», опубликованное в декабре того же года в издававшемся профессором М. Г. Гавриловым «Историческом, статистическом и географическом журнале», а из него перепечатанное в «Географическом словаре» Афанасия Щекатова. Из Тулы с повышением Покровский был переведён на службу в Тверь.

В архиве сохранилось представление на Покровского как на учителя Тульского главного народного училища, направленное 21 сентября 1795 года из Тульского наместничества в столицу. «Из числа находящихся в здешнем главном народном училище учителей, – говорится в нем, – Феофилакт Гаврилов сын Покровский, с начала его определения комиссией о народных в Империи Российской училищах, обучает класс рачительно, и обучающиеся под его руководством при едином публичном испытании показывали себя в знании наук отличными и при том поведения хорошего».

Но Покровский в те годы был хорошо известен не только в провинции. Обладая бесспорным литературным талантом и философским складом ума, он публиковал свои сочинения в столичных изданиях, подписывая их псевдонимом «Философ горы Алаунской»². Его сочинения, в частности, можно было встретить в газете «Московские Ведомости», в журналах «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена, или Утехи любословия», «Урания» и других популярных изданиях тех лет.

В 1813 году по предложению министра народного просвещения сочинение Покровского под названием «Философ горы Алаунской, или Мысли на Дону о вступлении в русские пределы Наполеона и совершенном его поражении» было напечатано за казённый счет и «за вычетом издержек» отдано в пользу автора. Это был один из первых публицистических откликов на Отечественную войну 1812 года. Восторженно оценивая победу над иноземными завоевателями, Покровский видел ее истоки прежде всего в величии духа русского народа, который «с неустрашимостью в сердце, с презрением всех опасностей в душе» защищал на полях сражений родную землю. Любопытна такая деталь. Раздумья о судьбах Родины в годину суровых испытаний наводят Покровского на мысль о том, что простой народ – «поселяне и земледельцы» – составляют подлинное «основание силы и могущества русского государства». Скромный провинциальный учитель оказался в этих оценках объективнее многих официальных авторов, утверждавших, что фундаментом русского могущества являются устои самодержавия, и всецело отдававших лавры «победителя французов» императору Александру I.

С большой теплотой и признательностью пишет Покровский о Михаиле Илларионовиче Кутузове, называя выдающегося полководца «гением России», «украшением» своего народа, примером «мужества и любви к Отчизне», «истинным и верным» её избавителем.

«Мысли и чувства» Покровского высоко ценил известный литератор и куратор Московского университета М. М. Херасков. Он полагал, что сочинения провинциального учителя могут оказать положительное влияние на воспитание юных умов, и рекомендовал их в качестве обязательного внеклассного чтения для воспитанников Московского университетского благородного пансиона, в котором, кстати, в это время (90-е годы XVIII века) учился Жуковский.

В произведениях Покровского ярко чувствовалось влияние модного тогда сентиментализма. Провинциальный философ от души восхищался прелестями «сельской неприхотливой кущи», считая большие города «великолепными темницами». «Только в приятном уединении сёл не сокрушены ещё жертвенники невинности и счастья», – писал Покровский в своём сочинении «Аллея, или Чувство приятности сельской жизни». Мечтания в лунную ночь пробуждали в нём альтруистические настроения, а прогулка под звёздами заставляла глубже прочувствовать человеческие беды и страдания.

---

² * Алаунскими горами древние авторы называли Валдайскую возвышенность.

Судя по сочинениям, Покровский являлся ярким противником всякой несправедливости, был защитником обездоленных. Корень всех человеческих преступлений он видел в невежестве, отсутствии правильного воспитания. Любимой темой его работ являлось улучшение в России правосудия. В трактате, посвящённом Екатерине II, Покровский писал: «Законы всегда составляют первое основание благополучия народов; они-то суть главнейшие черты, открывающие суть владык сего мира». В другой своей работе, возвращаясь к этой теме, Покровский отмечал: «Благословенны те нежные и чувствительные души, те благодетельные друзья человечества, которые, держа в руках весы правосудия, не склоняют их по пристрастиям, которые всем сердцем защищают невинность, которые стараются не отяготить, но облегчить участь слабого человечества... О, исполнители правосудия! Что если святая вера не напечатлевет в вашем сердце, душе и духе сего правосудия; если вы не внемлете божественному гласу законов, устами мудрых законодателей к вам вопиющему: горе, горе вам! – Вы рождены в слабостях, общих всем человекам, а вы хладнокровно бросаете на них камень, как будто сами праведны».

Вступление на престол Александра I Покровский приветствовал предсказанием: «Он победит их (свои народы. – *Б.Т.*) любовью, кротостью, милосердием. Весы правосудия не будут склоняться по пристрастиям. Он окончит то огромное здание законов, которому Екатерина сделала чертёж в бес-смертном своём проекте нового Уложения. Она в нём оставила неразрешимый гордиев узел потомству, который нам премудрый Александр не рассечет по примеру Македонского Александра, но развяжет со всем искусством бессмертного законодателя и тем пресечет грубые корни злобы и коварства, препятствующие распространяться благовонным знакам правоты и невинности».

Примечательны рассуждения Покровского о просвещении и добродетели как предметах и цели *воспитания*. Корень всех человеческих преступлений сентиментальный автор видел в «невежестве со всеми наперсниками своими». Он считал, что одного просвещенного разума недостаточно. «...И могут ли люди, – писал Покровский, – назваться прямо просвещёнными, ежели не добродетельны? Просвещённый разум, но развращённое пороками сердце пагубнее самого невежества... Просвещение и добродетель! – вот важнейшие предметы и цель истинного воспитания, воспитания, толико уважаемого просвещёнными народами, колико пренебрегаемого невеждами! – цель истинно-го благополучия человека и всего человечества».

Приведенные свидетельства о Покровском и высказывания из его сочинений дают основание говорить о широком кругозоре и богатом духовном мире тульского учителя и философа, что, безусловно, являлось редкостью в российской провинции конца XVIII – начала XIX столетия.

Несомненная заслуга Покровского перед отечественной исторической наукой и тульским краеведением состоит в том, что он первым приступил к детальному изучению поля русской славы – Поля Куликова.

В 1823 году в Туле, в типографии губернского правления вышло историческое сочинение Покровского «Димитрий Иоаннович Донской, Великий князь московский. Историческое повествование, сочинённое Феофилактом Покровским». Книга пронизана любовью к родной старине и восторгом к ее героям. К книге прилагался план Куликова поля, довольно детальный и интересный.

В моей библиотеке книги этой, сохранившейся, как я полагаю, в двух-трёх экземплярах, к сожалению, нет, но есть ее ксеро-копия. Она напоминает мне не только о далеком прошлом страны, но и о том, как 18-летним студентом историко-филологического факультета Тульского пединститута я проходил музейную практику на Поле Куликовом, работал экскурсоводом. Было это сорок лет назад, но до сих пор я помню запахи летнего разнотравья, ранние восходы и багровые солнечные закаты над полем русской славы. Из куликовских мест, из деревни Непрядвы, приютившейся на берегу знаменитой речки с тем же названием, был родом один

из моих прадедов – Иван Федорович Сазонов, мастерской Императорского Тульского оружейного завода.

Друзья поэта

Весенним утром 1802 года 19-летний отставной титулярный советник Василий Андреевич Жуковский прощался с Москвой. Позади были учёба в Университетском благородном пансионе, шумные споры с однокашниками за столом Дружеского литератора-турного общества, недолгая, но вконец опостылевшая служба в Главной соляной конторе. Впереди – неизвестный, манящий и волнующий мир творчества.

Почтовая кибитка увозила его в родные пенаты, в Тульскую губернию, село Мишенское, что присоседилось к древнему приокскому городу Белёву, известному своими затейливыми кружевами, отменной яблочной пастилой да степенными купцами. Покидая первопрестольную, Жуковский надеялся в тиши уединённой сельской жизни основательно и всерьёз заняться самообразованием и поэзией.

Бородатый возница, помогавший «молодому барину» выносить из квартиры вещи, немало попыхтел, пока волок и увязывал в дорогу большой деревянный сундук, доверху набитый книгами...

Свой удел поэта Жуковский не мыслил без постоянного общения с книгой, без самообразования. Пристрастившись к чтению в детстве, он не расставался с книгами ни на день. Изведав с младенчества душевное сиротство, он жил в мире литературных героев, как живут в больших и дружных семьях, где каждому есть дело до других. Книги были единственной ценностью в скромном багаже несостоявшегося чиновника. За шесть лет московской жизни их набралось немало. Юный поэт начал собирать свою библиотеку, отказывая себе порой в самом необходимом. Сколько вечеров и праздничных дней он просидел за письменным столом, прилежно переводя на русский язык по заказам московских книгоиздателей произведения Коцебу, Флориана и других зарубежных авторов! Книготорговцы расплачивались за работу книгами – это устраивало Жуковского. Иногда платили деньгами. Деньги Жуковский тратил опять-таки на книги.

Среди книг, привезённых Жуковским в Мишенское и предна-значавшихся для самообразования, были большая французская энциклопедия Дидро, полные издания сочинений Шиллера, Гёте, Лессинга, большое количество книг французских, немецких и английских авторов (этими языками Жуковский владел в совершенстве), переводы греческих и латинских классиков, стихи и проза русских литераторов.

Книги сопутствовали Жуковскому всю жизнь. Они были не только украшением его рабочего кабинета, но и самыми верными друзьями, посредством которых он открывал для себя неведомый мир человеческих чувств, раздумий, впечатлений. Книги помогали в трудную минуту мудрым советом, учили любить жизнь, быть оптимистом. Благодаря книгам Жуковский, не получивший законченного университетского образования, стал европейски образованным поэтом, социальным мыслителем, педагогом.

Заглянем в дневники поэта, которые он вел на протяжении многих лет, перелистаем переписку с друзьями и родственниками и убедимся, как крепка и постоянна была любовь Жуковского к книгам.

Свои мысли о книгах и чтении Жуковский высказал в первом номере журнала «Вестник Европы» за 1808 год, в «Письме из уезда к издателю». Молодой поэт решительно осуждал поверхностное отношение к книге, необдуманый и случайный выбор чтения. По его мнению, привычка занимать рассудок пустыми безделками более мешает, чем способствует образованию.

«Каждый день несколько часов посвяти уединённой беседе с книгой и самим собою, – наставлял сам себя Жуковский, – читать не есть забываться, не есть избавлять себя от тяжкого времени, но в тишине и на свободе пользоваться благороднейшею частью существа своего –

мыслию; в сии торжественные минуты уединения и умственной деятельности ты возвышаешься духом, рассудок твой озаряется, сердце приобретает свободу, благородство и смелость... Читать с такой целью... есть совершенствоваться <...> час от часу более привязываться ко всему доброму и прекрасному».

Написанные 200 лет назад эти слова и сегодня звучат свежо, призывно, мудро...

Ко всему «доброму и прекрасному» в нашем мире автор этих строк приобщился во многом благодаря Жуковскому и его замечательным творениям. Событие, о котором я хочу рассказать, произошло более полувека назад, в пору моего пионерского детства. Оно было счастливым детством первого послевоенного поколения. Наши отцы спасли мир от фашистской чумы и вернулись с войны живыми. Пусть по ночам они стонали от ран, пусть чаще молчали, чем говорили, были суровы и строги. Уже сам факт того, что мы – дети фронтовиков-победителей было достаточно для счастья. И мы старались быть достойными этого, активно участвуя во всём, что хоть как-то преображало окружающую жизнь. Одним из основных занятий тульских пионеров 50-х годов прошлого столетия был сбор макулатуры и металлолома. Макулатура шла на книги, журналы, новые школьные учебники. Металлолом являлся хлебом для местной металлургической промышленности. Это занятие было покрыто ореолом общественной пользы. Школы и классы соревновались между собой: кто больше, кто активнее...

Мы ходили по дворам и закоулкам, клячили, а иногда и подворовывали нужные и ненужные «железяки», стучались в двери, назойливо спрашивая хозяев: «Нет ли у вас старых газет и журналов?». Получив своё, довольные возвращались на школьный двор и складировали добычу. У каждого класса была своя куча металлолома и макулатуры, помеченная прибитой к колышку фанеркой – «5-А», «6-Б» и так далее. Это было частью пионерской жизни, привычным, будничным делом.

Но однажды произошло нечто такое, отчего ёкнуло сердце, что разбудило мое дремавшее до поры до времени историческое сознание. Какой-то «умник» распорядился очистить школьную библиотеку от книг, вышедших в дореволюционные годы. И полетели в кучу собранного нами макулатурного хлама, хрустя ломающимися переплетами, словно перебитыми крыльями, старые книги: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Жуковский... Некоторые – зачитанные, клеено-переклеенные. Некоторые – почти совсем новенькие.

На большом школьном дворе в тот день нашлось лишь два подростка, для которых старые книги вдруг моментально превратились в нечто божественное, в то, ради чего можно было прыгнуть в огонь и воду. Одним из них был я. Вторым – Саша Тюрин, впоследствии тульский журналист, рано ушедший из жизни.

Пообещав «классной даме» в ближайшие часы и дни восполнить потерю «макулатурного веса» отцовскими журналами и газетами, я набил свой школьный портфель выброшенными из школьной библиотеки книгами, подобрав почему-то собрание сочинений Василия Андреевича Жуковского. Почему – не помню: Жуковский не был у меня и в классе «на слуху», его подробно не изучали в школе, не знал я тогда и о том, что Жуковский мой земляк, уроженец Тульского края, что полтора века назад он ходил по тульским улицам, дышал тульским воздухом, что когда-то о нём как великом педагоге будут писать диссертации мои аспиранты... Выбрал просто так, по наитию. А может быть и потому, что Жуковский был менее зачитан, чем книги других, попавших на свалку авторов, радовал не увядшей красотой полукожаного переплёта.

Возможно, это был первый в моей жизни настоящий мужской поступок. И когда, раскрыв однажды одну из спасённых от гибели книжек поэта, я прочитал вдохновенное:

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили радость бытия,

Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первые уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,

Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

То сразу понял многое. Я понял свое призвание, понял, как надо любить Родину, понял, что Родина начинается с книги, с нашего великого и могучего родного языка.

12 аккуратных томов полного собрания сочинений Жуков-ского в шести переплётах, изданные в 1902 году А. Ф. Марксом к 50-й годовщине со дня смерти «Певца во стане русских воинов», стали моим первым «книжным сокровищем». Они уцелели с дней моего отрочества. Эти книги занимают почётное место на моей книжной полке как заслуженные ветераны, как приятные себе-седники, как путеводные маяки. Лучшего издания произведений поэта не было ни до, ни после. Я постоянно обращаюсь к этим книгам по работе, да и просто так, в часы раздумий, в часы отдыха. Они учат мудрости, глубине чувств и переживаний, учат прекрасной русской речи, как учили когда-то современников поэта, как учили гениального Пушкина.

Книги, как и люди, имеют свою судьбу. У книг, которые принадлежали некогда Василию Андреевичу Жуковскому, судьба сложилась счастливо. Они и по сей день служат людям. И что особенно удивительно: почти каждая из сохранившихся книг – это рассказ о самом Жуковском, его мыслях, настроениях, мировоззрении.

Признаюсь, во время моей командировки в Сибирь побывать в Томске и увидеть воочию книги, принадлежавшие замечательному поэту-романтику, человеку, которого великий Пушкин называл своим учителем, было одним из заветных желаний.

Возможность такая представилась, и я с трепетом входил в небольшое помещение Научной библиотеки Томского государственного университета.

Почему Сибирь, Томск, университет? Книги из собрания Жуков-ского, а точнее, большая часть библиотеки поэта, насчитывавшей в своё время около 6000 томов, попали сюда более ста лет назад. В 1879 году известный сибирский промышленник и меценат А. М. Сибиряков, увлечённый идеей просветительства в Сибири, купил у сына поэта – художника Павла Васильевича Жуковского 4674 книги, «преимущественно из области изящной литературы и педагогики», и передал их в дар только что учреждённому Сибирскому университету. Вместе с пожертвованными университету библиотеками Строгановых и Голицына книги Жуковского составили основу университетского собрания.

Узнав о моем паломничестве и о том, что приехал я из туль-ских мест, с родины поэта, работники библиотеки не скупилась на рассказы и с удовольствием отвечали на все интересовавшие меня вопросы. Со времени той командировки прошло уже немало лет, но я и сегодня с благодарностью вспоминаю свою встречу с людьми, пламенно влюблёнными в библиотечное дело и отдающими немало сил и энергии изучению и описанию обширной библиотеки славного поэта-романтика.

С особой благодарностью вспоминается знакомство с В. В. Лобановым, тогдашним «главным хранителем» книжного собрания Жуковского и большим знатоком жизни и творчества поэта. Многие годы сотрудники научной библиотеки совместно с учёными университета ведут кропотливую работу по изучению хранящихся в Томске книжных богатств. И началась эта работа с того, что книги Жуковского, некогда «разлившиеся» по обширному фонду универси-

тетской библиотеки, вновь стали стекаться под одну крышу, располагаясь примерно в том же порядке, в котором они хранились когда-то у Жуковского. Иными словами, библиотека Жуковского стала в собрании университета, как и полагается, мемориальной.

Используя разнообразные методы (от простого просмотра книжного фонда университетской библиотеки до глубокого изучения читательских интересов поэта), сотрудники библиотеки выявили и описали более 3000 томов. Насколько значительна проделанная работа, можно судить хотя бы по тому, что университетская библиотека, которую пришлось «перелопатить» энтузиастам, составляет три миллиона томов!

«Библиотека Василия Андреевича Жуковского, – рассказывал мне В. В. Лобанов, – во многих отношениях уникальна. Она содержит десятки книг, буквально испещрённых пометами владельца. В своей совокупности эти маргиналии могли бы составить объёмистый том».

И действительно, многие книги таят целые страницы неизвестных ранее переводов, планов, набросков, конспектов. На полях книг из библиотеки Жуковского удалось обнаружить 30 страниц неизвестного перевода гердеровского «Сида», 17 страниц перевода трагедии Вернера «Двадцать четвертое февраля», наброски басенных переводов, фрагменты переводов из Мура, Байрона и других авторов.

В распоряжении исследователей немало мемориальных библиотек известных русских учёных и литераторов – М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других, но ни одна из них не содержит такого обилия данных, так глубоко и всесторонне характеризующих владельца. Библиотека Жуковского, по мнению специалистов, не просто даёт дополнительный материал для изучения мировоззрения и творчества поэта, но и является фактической основой для такого изучения. А это значит, что кое в чем, и весьма существенном, она даёт возможность изменить наши представления о поэте, его мировоззрении, мотивах поступков.

Современная литература о жизни и творчестве Василия Андреевича Жуковского, прямо скажем, бедна. Книги литера-туроведов и биографов поэта не лишены существенных недостатков. Главный из них – скольжение по поверхности фактов, выявленных и описанных еще дореволюционными исследователями. Мировоззрение Жуковского не было столь простым, как стараются его представить отдельные биографы. Замечательный русский поэт-романтик был, пожалуй, одним из самых сложных и противоречивых людей первой половины позапрошлого столетия. Именно к такой мысли и подводит нас знакомство с библиотекой поэта и его книжными маргиналиями.

Ярый враг крепостничества и всякого угнетения человека человеком, близкий друг многих декабристов Жуковский, как известно, не понял и не принял восстание 14 декабря 1825 года. Но жестокая расправа царя над участниками восстания на Сенатской площади явилась началом глубокого перелома в мировоззрении поэта. Он борется со злом в меру своих сил и возможностей. Широко известно, как бескорыстно и много помогал Жуковский опальным декабристам. Но каковы мотивы этой помощи? Первые биографы Жуковского видели в этом лишь проявления свойственного поэту-гуманисту альтруизма. Изучение библиотеки Жуковского позволяет сделать другой вывод: в решающей мере поэтом владели политические мотивы, неприязнь к диктаторским изыскам самодержавья, к его попыткам подняться над обществом на необозримую высоту.

Библиотека Жуковского проливает яркий свет на эволюцию его общественно-политических воззрений. Круг чтения поэта в 1820 – 1830 годы, его многочисленные пометы на трудах историков и политических деятелей помогают глубже взглянуть на его общественный и нравственный облик. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1978 году, когда вышла в свет первая часть книги «Библиотека В. А. Жуковского в Томске». Особенно примечательной для меня стала помещённая здесь статья А. С. Янушкевич «Круг чтения В. А. Жуковского 1820-30-х годов как отражение его общественной позиции». На труды этого автора я впоследствии

неоднократно опирался, работая вместе с моим аспирантом П. М. Симиновским над книгой «Образование для добродетели. Педагогические взгляды и деятельность В. А. Жуковского», а также над научным докладом «Уму нужна неутомимость... (В. А. Жуковский как социальный мыслитель)».

Изучение библиотеки Жуковского позволяет создать яркий и выразительный портрет Жуковского-читателя. На его книжных полках откладывалось лишь то, что способствовало умственному развитию, расширяло кругозор, было необходимо для литературной работы. В обширной библиотеке поэта не было непрочитанных книг, каждая книга жила, читалась и перечитывалась, будила мысль. Жуковский постоянно читал с карандашом в руках, делая многочисленные пометки по специально разработанной системе. Возникавшие по ходу чтения мысли записывались на полях. Приступая к той или иной работе, Жуковский тщательно готовил списки книг для чтения, составлял подробные конспекты и, как он называл, «экстракты» из прочитанного.

«Чтение у Жуковского, – говорил В. В. Лобанов, подводя то к одному, то к другому книжному шкафу, – это удивительный дар из чужого извлечь своё, оттолкнуться от чужого, чтобы прийти к себе... А вот и орудие труда Жуковского-читателя. – Энтузиаст-исследователь достал с одной из полок книгу. – Это некто Г. Шуберт, „Путешествие по южной Франции и по Италии“, том второй. Отчёркивая с излишним усилием несколько строк на 375-й странице, Жуковский обломил графит, и карандаш так и остался лежать в книге, сохранился до наших дней, положенный туда самим поэтом...»

Библиотека Василия Андреевича Жуковского интересна ещё и тем, что содержит немало раритетов – уникальных и редких изданий. Среди них прижизненные издания выдающихся современников Жуковского (некоторые из них с автографами), рукописные книги на русском и немецком языках, редкие издания XVIII и первой половины XIX века, вышедшие в России и странах Западной Европы. Несколько книг, хранившихся в библиотеке Жуковского, ранее принадлежали декабристу Никите Муравьеву и содержат его пометы. Это «Римская история» Тита Ливия, изданная в 15 томах в Париже в 1810 – 1812 годах, «Сочинения» Саллюстия (Париж, 1808), «История Александра Великого» Курция Руфа (Париж, 1800).

Среди редкостей – единственное издание «Стихотворений» поэта-самоучки, человека трагической судьбы Е. Л. Милькеева. В качестве предисловия к книге помещено «Письмо автора к Василию Андреевичу Жуковскому». Вызывает интерес книга И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова». Это первый сибирский роман. Он был издан в Петербурге в 1831 году не без участия Василия Андреевича Жуковского. На книге – дарственная надпись Жуковскому от автора.

Работа по изучению и описанию библиотеки замечательного русского поэта, осмыслению его жизненного и творческого пути продолжается. Наверняка, впереди немало новых интересных открытий. По-доброму завидую энтузиастам-сибирякам и от души желаю им успехов.

Загадочный томик Жуковского

Первоначальный замысел этого очерка должен был затронуть исключительно историю взаимоотношений Василия Андреевича Жуковского и царской цензуры на основе небольшой коллекции прижизненных изданий поэта, которую мне удалось собрать. Причем сделать это я намеревался на фоне общих рассуждений о цензуре, её возникновении и особенностях цензуры отечественной, российской.

Последнее обстоятельство было продиктовано тем, что у современного читателя, взявшего в руки старинную книгу или журнал, возникает недоумение, если на некоторых страницах вдруг встречается какая-либо несурaziца. Прося читателя не делать из этого поспешных выводов, я обращаю его внимание на то, что это, скорее всего, проделки работавшего над книгой *цензора*, исправившего в порыве служебного рвения авторский текст, как говорится, ни к селу ни к городу, но с точным соблюдением строгих цензурных правил.

Хотелось рассказать и о том, что в дореволюционных изданиях можно встретить печатные страницы, где типографский текст неожиданно прерывается пробелами или отточием. И пояснить, что это не недосмотр метранпажа, а опять-таки работа вездесущего цензора, удалившего из подготовленного к печати материала что-то, не соответствующее требованиям цензурного устава, а также и ответная реакция издателя, демонстративно оставившего на месте вымаранного цензором текста пустоту.

Мой «ликбез» предназначался в первую очередь читателю молодому, такому, как мои студенты, нередко путающие понятия «цензор» и «цезарь», наверное потому, что оба эти понятия созвучны и к тому же «латинского происхождения». (Об уровне грамотности современной молодёжи напоминать как-то не хочется.)

Сделав это предуведомление, я все же продолжу пересказ первоначального замысла, а уже потом перейду к неожиданному сюрпризу, который мне преподнёс много лет стоящий на книжной полке томик гомеровой «Одиссеи» в переводе Жуковского.

Смею утверждать, что в России цензура существовала всегда, с момента появления славянской письменности. Но особо свирепой она была на закате феодальной эпохи. О предназначении цензуры хорошо писал один из её мучеников Александр Николаевич Радищев в главе «Торжок» знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Обыкновенные правила цензуры суть: подчеркивать, марать, не позволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благонравию, устройству и тишине общей».

Цензуру изобрели задолго до появления на карте мира «страны с названием кратким «Русь». Ещё в Древней Греции был изобретён особый иносказательный язык, позволявший обходить цензурные барьеры, и назывался он эзоповым языком в честь раба-баснописца Эзопа. У русской цензуры были две особенности: во-первых, её рабами были практически все более или менее приличные литераторы, а во-вторых, наша цензура вообще не признавала никаких авторитетов. Она была обязана слепо следовать букве и духу действующего цензурного законодательства. Кстати, точно так же поступали и цензоры советской эпохи, служители ведомства, именовавшегося Главлитом – Главным управлением по делам литературы и издательств, осуществившим цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации. Эта всемогущая контора просуществовала с 1922 по 1991 год, после чего в обновлённой России вроде бы была отменена.

Много интересного о советской цензуре можно было бы рассказать человеку, прожившему большую часть жизни в СССР. Однако на сей раз, как уже заявлено, хочется рассказать о том, какие цензурные испытания пришлось преодолевать в своё время такому лояльному к власти и высоконравственному во всех отношениях человеку, как Василий Андреевич

Жуковский. Понятно – Пушкин, в цензоры которого набивался сам император Николай I, понятно – Лермонтов, клеймивший палачей «Свободы, Гения и Славы», понятно – литераторы-декабристы, а за ними Герцен, Чернышевский, бунтарь и правдоискатель Лев Толстой! А автор гимна русского народа «Боже, царя храни!», в чем он-то был виноват перед цензурой?

Оказывается, что формальных поводов придаться к поэту-романтику было более чем достаточно. Связано это было с тем, что в 1808 году в творчестве Жуковского начался так называемый «балладный период», внесший в русскую литературу, по словам В. Г. Белинского, «новый дух творчества». Это был навеянный Великой французской революцией дух европейского романтизма с его яркими характерами, обострёнными страстями, бунтарством, а подчас и откровенной мистикой.

Начиная с этого года одна за другой выходят знаменитые «Людмила», «Светлана», «Кассандра», «Эолова арфа» и другие баллады, представлявшие собой вольные переводы европейских поэтов-романтиков. Духовная цензура, стоявшая на страже православного вероучения, нравственности и благочестия, с трудом, но все-таки пропускала их в печать. Обострённые отношения с цензурой начались у Жуковского в 1814 году, когда поэт осуществил перевод «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на чёрном коне вдвоём и кто сидел впереди» английского поэта-романтика Роберта Саути.

«Вчера у меня родилась ещё баллада-приёмш, т. е. перевод с английского, – писал Жуковский своему другу Александру Тургеневу 20 октября 1814 года. – Уж то-то черти, то-то гробы! Но эта последняя в этом роде. Не думай, что я на одних только чертях хотел ехать в потомство. Нет! Я знаю, что они собьют на дороге, а, признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали».

Основой для баллады послужила средневековая легенда о старушке-ведьме, жившей когда-то в селении Берклея. Узнав от ворона (у Саути – от сороки) о своей скорой кончине, отвергнутой искупителем ведьма велела положить себя в окованный железом гроб и поставить его в церкви. Но в то время, как над ней пели священники, нечистая сила ворвалась в церковь, подхватила окованный гроб, разбила его, извлекла колдунью из храма, и дьявол ускакал с ней на адском коне.

Предвосхищая успех баллады, Жуковский, как обычно, отослал её в московский журнал «Вестник Европы», который лично редактировал с 1808 по 1812 год. Однако цензор журнала балладу не пропустил. Посчитав это недоразумением, поэт отправил балладу в Петербург. Но и там цензура наложила на публикацию запрет. В середине 20-х годов XIX столетия поэт предпринял ещё одну попытку напечатать балладу, отослав ее в «Московский телеграф» под изменённым заглавием «Ведьма». Но и эта попытка оказалась безрезультатной. Перечеркнув балладу красным карандашом, цензор написал: «Баллада „Старушка“, ныне явившаяся „Ведьмой“, подлежит вся запрещению как пьеса, в которой дьявол торжествует над церковью, над богом».

Тяжба цензурного ведомства с «балладником» Жуковским длилась много лет. В течение этого времени Жуковский сумел и завоевать известность первого поэта России, и стать авторитетным человеком в Зимнем Дворце. Готовя к печати двухтомник своих поэтических произведений, в числе прочих на стол цензора Жуковский положил и злополучную «Старушку». И вновь пропустить ее в печать цензор отказался.

А между тем баллада нравилась друзьям поэта и расходилась по рукам в списках. Сам Жуковский не раз читал её в разных салонах и даже при дворе, где однажды во время чтения две фрейлины упали в обморок.

В 1831 году, не в силах совладать с цензурой, Жуковский переделал балладу. В новой её редакции дьявол не посмел ворваться в храм и ждал гроб со старушкой на паперти.

И он предстал весь в пламени очам,

Свирепый, мрачный, разъярённый;
Но не дерзнул войти *он* в божий храм
И ждал пред дверью раздроблённой.
И с громом гроб отторгся от цепей,
Ничьей не тронутый рукою;
И вмиг на нём не стало обручей...
Они рассыпались золою.

Дьявол схватил ведьму тогда, когда ее вынесли из церкви. Посчитав такую концовку не противоречащей православному вероучению, цензор, наконец, перестал препятствовать публикации баллады.

В 1822 году Жуковский перевёл балладу Вальтера Скотта «Канун святого Джона», превратившуюся во вполне самостоятельное произведение под названием «Замок Смальгольм, или Иванов вечер». Интрига состояла в том, что Смальгольмский барон из ревности убил рыцаря Ричарда Кольдингама, в которого была влюблена его жена. По возвращению домой убийца-барон с недоумением узнаёт от слуги, что супруга в его отсутствие встречалась с убитым рыцарем и вновь назначила ему свидание накануне Иванова дня (праздника рождения Иоанна Крестителя). Призрак рыцаря явился на свидание: любовь оказалась сильнее смерти. В эпилоге баллады два великих грешника – изменница-жена и убийца-барон, чтобы замолить свои грехи, постригаются в монахи.

Свой оригинальный перевод Вальтера Скотта Жуковский направил в газету «Русский инвалид», редактором которой был его приятель по Университетскому благородному пансиону А.Ф.Воейков, женатый на племяннице поэта. Однако цензура «Иванов вечер» не пропустила. Сообщая об этом Жуковскому, Воейков писал: «Баллада твоя торжественно признана безбожною и безнравственною, распространяющей вредные предрассудки. Цензура не иначе позволяет её напечатать, как тогда, когда ты переменишь обряды греческой религии на обряды шотландской...».

Чтобы добиться публикации баллады, Жуковскому потребовалось два года. Она вышла в конце 1824 года в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» под названием «Замок Смальгольм. Шотландская сказка». В том же году баллада была перепечатана в «Новостях литературы» под названием «Дунканов вечер. Шотландская сказка».

Выполняя требования цензуры, Жуковский не только изменил «Иванов вечер» на мифический «Дунканов», но и снабдил балладу историческими и нравоучительными примечаниями. Непонятную для Жуковского причину запрета баллады разъяснил А. С. Пушкин: «В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашёл, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никоим образом не хотел пропустить балладу В. Скотта».

1817 – 1821 годы в творческой биографии Жуковского были отмечены как время работы над переводом трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева», написанной в 1801 году. Предвидя возможные претензии цензуры к своему переводу, Жуковский публикует его частями. В 1818 году в VI выпуске сборника «Für Wenige. Для немногих», предназначавшегося исключительно в качестве презента близким друзьям и знакомым, был опубликован «Список действующих лиц и пролог» трагедии. В альманахе декабристов «Полярная звезда» на 1823 год увидел свет отрывок из трагедии «Прощание Иоанны со своей родиной», а в «Полярной звезде» на 1824 год была опубликована «Сцена из Орлеанской девы. Сцена 4, явление 1». Своё произведение Шиллер назвал «романтической трагедией», Жуковский, познавший нрав цензоров и их отношение к произведениям романтическим, на это не решился и дал своему переводу нейтральный подзаголовок – «драматическая поэма».

Своё произведение Жуковский направил сразу в два цензурных ведомства – в общую цензуру для допуска драматической поэмы к печати и в театральную цензуру для разрешения её к постановке. Благодаря ходатайству великого князя Николая Павловича решение общей цензуры было положительным. В 1824 году «Орлеанская дева» в русском переводе была опубликована в третьем издании «Стихотворений В. Жуковского».

Сценическая судьба драматической поэмы оказалась... драматической. На русской сцене она была поставлена полностью лишь в 1884 году, в бенефис М. Н. Ермоловой, и имела грандиозный успех. До этого года «Орлеанская дева» ставилась на сцене лишь фрагментами. В театральной цензуре на «Орлеанскую деву» было заведено особое дело, которое время от времени пополнялось вердиктами сменявших друг друга цензоров.

Причиной запрета полной постановки «Орлеанской девы» послужила, по-видимому, брошенная в 1822 году императором Александром I, не очень любившим Жуковского, фраза о том, что «интрига сей пьесы основана на чудесах Пресвятыя Девы, о коей и часто упоминается в самых речах».

Цензурных историй в богатой и насыщенной творческой жизни Жуковского было немало. Поэтому, раскрыв восьмой том пятого (последнего прижизненного) издания стихотворений поэта с первыми 12 песнями знаменитого перевода гомеровой «Одиссея», я почему-то был уверен, что и поэма не избежала цензурных переделок. Ещё в момент приобретения этой книги меня удивило то обстоятельство, что достаточно большое количество страниц в тексте поэмы было заклеено типографской бумагой с отточием! В некоторых местах вместо отточия были помещены наклейки с текстом, не соответствовавшим каноническому тексту Жуковского. А после страницы 268 (в едином блоке) сразу следовала страница 275. И это был не полиграфический брак, а сознательное изъятие части текста, в котором полностью отсутствовали с 300 по 365 включительно стихи восьмой песни «Одиссеи».

Не понимая, в чём дело, и даже не долистав книжную находку до конца, я приступил к поиску сведений о цензурной истории «Одиссеи», надеясь с её помощью узнать: кто и зачем «исковеркал» выдающееся творение Жуковского многочисленными купюрами.

К сожалению, поиски сведений о цензурной истории «Одиссеи» ни к чему неожиданному не привели. На поверхность всплыли лишь факты, хорошо известные литературоведам и в меньшей мере читателю массовому. Выходные данные первой части «Одиссеи» (гриф на обороте заглавного листа) свидетельствовали о том, что цензором поэмы выступил профессор Петербургского университета по кафедре русской словесности Александр Васильевич Никитенко (1804 – 1877), который 30 октября 1847 года книгу Жуковского процензурировал и допустил к печати.

«...Моя русская „Одиссея“ будет моим твердейшим памятником на Руси: она, если не ошибаюсь, верна своему греческому отцу Гомеру; в этом отношении можно её будет почитать произведением оригинальным», – писал Жуковский своему другу и посреднику в издательских делах П. А. Плетнёву 1 июля 1845 года из Франкфурта-на-Майне.

Именно Плетнёв доставил рукопись перевода «Одиссеи» в Петербургский Цензурный комитет. Чтобы рукопись «Одиссеи» попала непременно на стол профессора Никитенко, Жуковский настаивал лично. Никитенко был многим обязан Жуковскому по жизни и прежде всего своим освобождением от крепостной неволи, карьерой учёного, возможностью в течение многих лет находиться в гуще литературных и общественных событий своего времени.

В XIX столетии цензоры в России рекрутировались из различных слоёв образованного общества, но преимущественно из числа служилого дворянства и разночинцев. Для Никитенко, человека без роду и племени, служба в учреждениях цензурного ведомства была не только способом самоутверждения, но и залогом определённого материального благополучия, источником дополнительного (к профессорскому) заработка. За свою работу цензоры

получали жалования и столовые, размер которых увеличивался по мере повышения в должности, вознаграждения «за усердие», льготы при назначении пенсии.

В то же время промахи на цензурном поприще влекли за собой различные административные и иные наказания. Никитенко, например, в начале своей карьеры цензора по крайней мере дважды сумел побывать на гауптвахте. Первый раз за то, что пропустил в печать стихотворение Виктора Гюго «*A une femme*» («Красавице») в переводе Михаила Деларю, не понравившееся митрополиту Серафиму за «дерзкие мечты быть царём и даже Богом». А второй раз – за допущенную публикацию в журнале «Сын Отечества» повести П. В. Ефремовского «Гувернантка», содержащей иронические суждения об офицерах фельдъегерской связи. С тех пор Никитенко стал осмотрительнее и, страхуясь, вымарывал из произведений в стихах и прозе всё, что считал более или менее предосудительным.

«Путь к Гомеру» Жуковский начал ещё на заре своего становления как поэта, в процессе интенсивного самообразования. В 20-е годы XIX века интерес Жуковского к античной лирике и эпосу, творчеству Гомера растёт. В 1822 году из-под его пера выходят прекрасные переводы из «Энеиды» Вергилия. В 1828 году поэт переводит отрывки из «Илиады». В эти годы он всерьёз задумывается о переводе гомеровой «Одиссеи».

Позднее, приняв на себя ответственную миссию по воспитанию наследника российского престола, будущего царя-освободителя Александра II, Жуковский часто мечтает о том, чтобы возвратиться к поэзии и посвятить оставшуюся часть жизни изучению языка Гомера и переводу «Одиссеи». Стремясь подарить русской литературе гомеровский шедевр, Жуковский перечитал тысячи страниц его различных переводов: русских, немецких, английских, французских.

И вот долгожданная свобода: придворный мундир с орденами повешен в шкаф, любимая с юности уютная провинциальная Германия, запоздалое семейное счастье, рождение дочери... И новый всплеск творчества – Жуковский творит «Одиссею»! Именно творит, а не просто переводит. Поэт как-то признался, что у него почти всё чужое (в смысле переводов) и всё свое. Перевод Гомера был настолько оригинальным, настолько русским, что сам по себе превратился в прекрасный памятник словесной культуры.

Закончив перевод героической поэмы странствий и получив на него цензурное разрешение, Жуковский помещает «Одиссею» в восьмой и девятый тома собрания своих «Стихотворений», которое печатает в Придворной типографии Ф. В. Гаспера в Карлсруэ, в то время небольшом университетском городе в Германии, в земле Баден-Вюртемберг, что в окрестностях Рейна, недалеко от франко-германской границы.

Владелец придворного полиграфического заведения Фридрих Вильгельм Гаспер (1796 – 1871) с юношеских лет работал в маленькой типографии отца в Саксонии. Переехав в 1822 году в Карлсруэ, он получил место в известной в Германии типографии Брауна. Позднее, преуспев в делах, стал её хозяином. Природный ум и отличное знание полиграфии привели к тому, что типография стала европейски образцовой. Именно здесь в 1849 году были напечатаны первые бумажные деньги Великого герцогства Баден и в 1850-м – первые почтовые марки.

К месту будь сказано: желание Жуковского, проведшего последние годы своей жизни в Германии, именно здесь печатать пятое издание собрания своих стихотворений привело к тому, что в типографии впервые появился русский шрифт. Впоследствии в Карлсруэ печатались произведения многих русских авторов. В частности, в 1856 году здесь была издана поэма М. Ю. Лермонтова «Демон», полностью напечатанная в России лишь в 1860 году, в 1859 году – стихотворный сборник П. А. Вяземского. И. С. Тургенев выпустил в типографии Ф. В. Гаспера в 1865 году свои сочинения 1844 – 1864 годов.

В 1880 году здесь было напечатано посмертное издание Новых параллельных словарей русского, французского, немецкого и английского языков Г. Ф. Райффа (1792 – 1872), неод-

нократно издававшиеся ранее, в том числе и в России, где лексикограф провел много лет в качестве преподавателя новых языков и был удостоен за свои словари ряда высоких премий, в том числе и знаменитой Демидовской. Последние десятилетия своей жизни Райфф провел в Карлсруэ и немало сделал для того, чтобы превратить его в «русскую Германию», помочь русским авторам печатать у Ф. В. Гаспера свои произведения.

«Одиссея» Жуковского до сих пор является самым совершенным русским переводом гомеровской поэмы. Как пишет известный антиковед Александра Нейхардт, «он дал русскому читателю возможность познакомиться с одним из величайших произведений мировой литературы, творением, насыщенным полно-кровной жизнью, яркой фантастикой и поэтическим блеском». Сам поэт с огромной любовью и душевным трепетом относился к своему творению, называя переведённую «Одиссею» своей «маленькой Одиссеюшкой», «маленькой язычницей» и «3000-летней дочкой».

Но кому и зачем понадобилось «глумиться» над текстом уже изданной, причем в прекрасном виде, книги, к тому же одетой в роскошный полукожаный издательский переплет? Неужели это сделал цензор Никитенко? Нет, конечно, не он. Это сделал сам Жуковский! Поэт и педагог. Редчайший случай в истории отечественного книгоиздания: поместить в одном из томов своего собрания стихотворений подробную инструкцию о том, как превратить мировой литературный шедевр в произведение, доступное для юных поколений!

Мечтая превратить «душистые цветы поэзии древней Греции», и в первую очередь «Одиссею», в «самую привлека-тельную и образовательную детскую книгу», Жуковский полагал, что «Одиссея» может быть издана в двух вариантах: для взрослых и для юных читателей. «Одиссею» для юношества Жуковский выпустить не успел. Но всякому, кто захотел бы это сделать, поэт давал реальный шанс: достаточно было удалить из основного текста произведения выделенные переводчиком места и заменить отдельные строфы переработанными Жуковским для юного читателя. Вот что писал по этому поводу Жуковский в «Прибавлении» к первой половине карлсруевского издания «Одиссеи»: «Эта мысль отчасти здесь исполнена: к переводу „Одиссеи“ прилагаются *поправки*, которые показались нам необходимыми для того, чтобы познакомить молодых читателей обоих полов с простодушным рассказчиком Гомером, не повредив чистоте их свежих идей и чувств теми вольными выражениями и картинками, которые весьма изредка встречаются у греческого поэта. Здесь означено, к какой песни и к каким стихам принадлежит каждая поправка: стоит только вырезать поправленные стихи и заклеить ими те, которые следует уничтожить в тексте. Иногда число поправленных стихов менее, нежели число тех, которые должны быть заменены ими: в таком случае *последние* заменяются точками. Для облегчения этой операции везде означено чертами то, что должно быть вырезано из прибавления и потом наклеено на соответственные места в тексте».

Могу предположить, что именно в таком виде гомерову «Одиссею» в переводе Жуковского прочитал юный Иван Бунин, что известно из его биографии. Интерес к этой книге был у него особый, ведь Жуковский, внебрачный сын белёвского помещика Афанасия Бунина, приходился ему дальним родственником.

Попадись мне в руки любой другой том из пятого издания «Стихотворений В. Жуковского», содержащий I – XII песни гомеровской «Одиссеи», например тот, который хранится в Российской государственной библиотеке, всё стало бы ясно с самого начала. Подлежавшие вклейке страницы не наклеены, а всего лишь приложены к восьмому тому. Но том мне попался необычный, можно сказать, редкостный, готовый к прочтению в юношеской аудитории. Кто и когда это сделал, установить, конечно, невозможно, как и имя первого владельца «Стихотворений В. Жуковского», один из томов которого волей случая оказался в моей книжной коллекции.

Рассказанная мною история служит ещё одним подтверждением того, что Жуковский был не только выдающимся поэтом-романтиком, но и прекрасным педагогом, заботившимся

о том, чтобы шедевры мировой литературы были доступны как взрослому читателю, так и юношеству. Уточню, в дореволюционной России перечень книг, попадавших в школьные библиотеки, строго регламентировался особыми списками Министерства народного просвещения, и «взрослая» «Одиссея» шансов попасть в эти списки фактически не имела.

Броневские на службе России

Несколько лет назад у меня родилась нескромная мысль издавать для молодых земляков краеведческий журнал «Тульский следопыт». А почему бы и нет? Издаётся же такой журнал на Урале, причём уже не одно десятилетие. Когда-то «Уральский следопыт» я не только с увлечением читал и выписывал, но и написал для него пространный очерк по истории самоварного производства в России. Спонсоров для моего издания как-то не находилось, и пришлось самому от «корки до корки» делать первые номера «Тульского следопыта». Хотелось, чтобы журнал был разносторонним, чтобы в нём было как можно больше рассказов об интересном и забытом. Достал с антресолей тетради с архивными выписками тридцатилетней давности и стал отбирать для журнала всё, что когда-то «откопал» и что берег все эти годы «до случая».

Так родилась журнальная рубрика «Из блокнота архивиста». Расчёт был простой: я начну, опубликую свои разыскания, а потом уже настоящие архивисты-профессионалы станут пери-одически поставлять для этой рубрики свои материалы. В общем-то, так и получилось.

Первым материалом, который попался на глаза, была выписка из хранящегося в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге цензурного дела, связанного с историей периодической печати в Тульской губернии. Заведено оно было в 1820 году, когда из губернского центра на имя министра внутренних дел Российской империи графа Виктора Павловича Кочубея поступило прошение об издании здесь еженедельной газеты под названием «Тульские ведомости». Под прошением стояла подпись инспектора классов тульского Александровского дворянского военного училища, капитан-лейтенанта в отставке Владимира Богдановича Броневского. Свою просьбу разрешить ему издание газеты Броневский обосновывал целями просветительства, отсутствием в губернии периодического издания. В газете предполагалось иметь шесть основных разделов, которые содержали бы в себе обозрение важнейших внутренних и заграничных событий, материалы статистики, историю разных губерний России, местную хронику, словесность, сведения о выходящих в свет примечательных книгах.

Из канцелярии министра внутренних дел прошение Броневского было передано для рассмотрения в Главное правление училищ, ведавшее вопросами печати и цензуры. Невинная просьба отставного офицера вызвала отрицательную реакцию в учебном ведомстве. В ответ на прошение Броневскому был выслан документ, в котором говорилось: «Издание в Туле ведомостей будет, с одной стороны, совершенно излишне по причине издаваемых в Петербургской академии наук и в Москве тамошним университетом и содержащих в себе все те известия внутренние и иностранные, какие только могут быть в предполагаемых тульских; с другой же стороны, и затруднительно по неимению в Туле цензуры для предварительного просмотра и одобрения. При всем том Академия наук и университет, имея полное дарованное им право на издание газет, признают позволение издавать в Туле ведомости подрывом права их и нарушением».

Официальная просьба – казённая отписка. Всё как обычно, как на Руси повелось. Ничего не прибавишь и не убавишь! Для журнальной заметки вполне достаточно. Можно дать краткий комментарий, поругать цензурный произвол, вспомнить о том, что «дней Александровых прекрасное начало» к этому времени сменилось периодом реакции, аракчеевщиной, мракобесием, слиянием учебного ведомства с ведомством Святейшего Синода...

Но захотелось побольше узнать о Броневском. Кто он, откуда, чем занимался в Туле, кроме того, что состоял инспектором классов дворянского военного училища. В процессе поисков выяснилось немало любопытного, чем нельзя не поделиться с читателями.

В. Б. Броневский родился в 1784 году в многодетной семье отставного прапорщика (капрала бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка) Богдана Михайловича Броневского, владевшего небольшим поместьем Астахово в Белёвском уезде Тульской губернии. Броневские принадлежали к старинному польскому шляхетскому роду. Несколько поколений этого рода несли службу в войсках польских королей. Родоначальником русской ветви рода был некто Станислав Броневский, имевший поместье в Бельском уезде на Смоленщине. После присоединения Смоленских земель к России Станислав принял православие и русское подданством под именем Савелия Степановича.

По материнской линии В. Б. Броневский был связан с семейством белёвских помещиков Левшиных. Мать Владимира Богдановича – Серафима Алексеевна, в девичестве Левшина, приходилась родной сестрой известному литератору Василию Алексеевичу Левшину.

Сыновья отставного прапорщика воспитывались в строгости. По семейной традиции они стали военными, морскими и армейскими офицерами. Владимир и четверо его братьев – Михаил, Алексей, Дмитрий и Александр – получили образование в Морском кадетском корпусе. Братья Семен и Николай учились в Шкловском благородном училище (кадетском корпусе) в Гродно. Выпускники этого учебного заведения направлялись в армейские и гарнизонные полки, в артиллерию и Черноморские батальоны. И Морской кадетский корпус, и Шкловское училище предназначались исключительно для детей бедного дворянства. И это явно свидетельствовало об отсутствии материального достатка в семействе белёвского дворянина Богдана Броневского.

Впрочем, данное обстоятельство не повлияло на карьеру его детей. Все они стали людьми известными в своих сферах деятельности, добившись всего самостоятельного. Братья Броневские обладали любознательным и восприимчивым умом, были преданы воинской службе и отважны. Некоторые дослужились до высоких чинов.

Так Семён Богданович Броневский дослужился до должности генерал-губернатора Восточной Сибири и члена Правительствующего Сената. Пользовался расположением выдающегося русского реформатора М. М. Сперанского. Генерал-лейтенант Дмитрий Богданович Броневский служил поначалу в морском ведомстве, затем перешёл в сухопутную службу. В рядах кавалерии с отличием участвовал в войне с Наполеоном. До 1840 года находился на военной службе, после чего был определён на должность директора Императорского Царскосельского лицея. Того самого, в котором когда-то учился Пушкин. Николай Богданович Броневский, автор интересных воспоминаний, опубликованных в 1914 году в журнале «Голос минувшего», дослужился до чина генерал-майора.

Братья Броневские были ещё подростками, когда в возрасте 44 лет утонул в реке их отец. Заботу о них взял на себя его родной брат Семён Михайлович Броневский, состоявший в дворянстве Смоленской губернии. С. М. Броневский, как и двое из его племянников, окончил Шкловское благородное училище. Служил на Кавказе дежур-майором при графе В. А. Зубове. Участвовал в Русско-персидской войне 1796 года и составлении Русско-турецкой конвенции 1800 года. Положительно проявив себя на дипломатическом поприще, был назначен директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. В 1808 году Семён Михайлович становится феодосийским градо-начальником и успешно справляется с этой должностью в течение восьми лет. В Феодосии им был организован Музей древностей, действующий по сей день как краеведческий, готовились материалы для книги по истории Кавказа. В 1816 году в результате конфликта с таможенными чиновниками и греческими купцами С. М. Броневский был вынужден уйти в отставку. Человек исключительной честности и порядочности он был обвинен в должностных преступлениях, которых не совершал. В течение нескольких лет, пока шло следствие, он уединённо жил в своем загородном доме близ Феодосии.

16 августа 1820 года уединение было нарушено приездом петербургских гостей, среди которых был Александр Сергеевич Пушкин, путешествовавший вместе с семейством Раевских

по Кавказу и Крыму. В гостях у Броневского Пушкин провёл три дня. В письме к брату Льву Сергеевичу поэт писал о С. М. Броневском, как о человеке почтенном «по непорочной службе и по бедности», который, «подобно Старику Вергилия, разводит сад на берегу моря недалеко от города». Пушкин характеризовал Броневского как большого знатока Крыма, «стороны важной и запущенной». Броневский подробно рассказывал поэту об исторических памятниках Керчи и Феодосии. Пушкин слушал его с большим вниманием, проявив особый интерес к развалинам Пантикапеи и гробнице Митридата.

Из Феодосии Пушкин со спутниками на корабле в ночь с 18 на 19 августа отправился в Гурзуф. Ночью, погружённый в раздумья, поэт пишет прекрасную элегию, начинавшуюся строчками:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послужное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдалённый,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Вспоминаньем упоенный...

Владимир Броневский находился в особо близких отношениях со своим дядей Семёном Михайловичем. Летом 1815 года Броневский-младший сопровождал феодосийского градоначальника в инспекционной поездке по Южному берегу Крыма: проверялась организация карантинной службы. Несколько сотен трудных вёрст они проехали по гористой местности, рискуя погибнуть под камнепадом, сорваться в пропасть. Об этом необычном и рискованном путешествии Владимир Броневский увлекательно рассказал в своей книге «Обозрение Южного берега Тавриды. В 1815 году». Примечательно, что первое издание книги было выпущено в 1822 году в Туле, в типографии Губернского правления. Вторым изданием книга вышла в 1825 году в Петербурге на немецком языке. Позднее она была переведена на польский. В русском издании книги Броневский впервые обосновал необходимость перенесения Главного правления Черноморского флота в Севастополь, отметив при этом, что Херсон, Николаев и Одесса построены на «невыгодных местах».

16 лет отдал Владимир Броневский флотской службе. В 1802 году, окончив Морской кадетский корпус, он был произведён в мичманы и отправлен на Балтику. В 1805 году принял участие во Второй Архипелагской экспедиции кораблей Балтийского флота под командованием адмирала Д. Н. Сенявина. В 1806 – 1807 годах нёс службу на фрегате «Венус». Участвовал в морских сражениях с французами у берегов Далмации. Отличился, взяв в плен вражескую полушебеку³. В 1807 году участвовал в Дарданелльском сражении против турецкого флота. Командовал береговой батареей при отражении турецкого десанта на острове Тенедос. В этом сражении Броневский был ранен в руку и плечо. За это сражение он был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени.

В 1808 – 1809 годах на пленённом в Афонском сражении турецком корабле «Седд Аль-Бахр» Броневский стоял в Триесте. В 1810 году был произведён в лейтенанты флота. С 1811 по 1818 год его служба проходила в Севастополе. В 1818 году Владимир Броневский вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта. За участие в 18 морских кампаниях получил звание Георгиевского кавалера. Яркая и насыщенная флотская биография!

---

³ Полушебека – судно гребного флота, оснащённое артиллерийскими орудиями. Имело две мачты и бушприт, косые паруса с гафелями.

Многое из того, что было пережито за годы флотской службы, Броневский талантливо описал в своих книгах, посвящённых морю, морским походам и баталиям. Самым значительным произведением писателя стали «Записки морского офицера», изданные в четырёх частях в 1818—1819 годах. Броневский посвятил свой труд Второй архипелагской экспедиции, целью которой было укрепление баз русского флота на Ионических островах во время войн Третьей и Четвертой антифранцузских коалиций и Русско-турецкой войны 1806 – 1812 годов.

В предисловии к своему сочинению Броневский писал: «В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые мои замечания, мысли и впечатления, изложенные в хронологическом порядке. Счастливым почту себя, если просвещенные читатели удостоят благосклонным принятием сей первый труд мой и если принесу удовольствие служившим тогда на флоте и в 15-й пехотной дивизии в Корфу находившимся офицерам изображением тех битв, где каждый из них имел неотъемлемую часть своей славы».

Историческая правдивость и подробность «Записок» делает этот труд не только важным историческим источником военной кампании, но и документальным свидетельством мужества и патриотизма российских моряков. Вот что писал по поводу сочинения Броневского академик Е. В. Тарле в предисловии к монографии о кампании адмирала Д. Н. Сенявина: «Записки В. Броневского занимают совсем особое место: Сенявин давал ему возможность читать и использовать ряд документов, которые либо не были отданы в адмиралтейство по той или иной причине, либо затерялись. Броневский описывает военные действия не только с согласия, но и с одобрения адмирала. Он уверенно говорит о планах и соображениях адмирала, которые Сенявин не хотел почему-либо изложить в официальных рапортах. Записки Броневского восполняют некоторые не дошедшие до нас официальные документы».

Заслужив известность как писатель-маринист, Броневский пробует себя и как переводчик. В 1824 году он переводит на русский язык роман «Манеринг» одного из самых известных писателей своего времени Вальтера Скотта, произведения которого отличались особой событийной занимательностью.

Гораздо меньше, чем о литературном творчестве Броневского, сохранилось сведений о его творчестве как художника-мариниста. За несколько лет поисков автору этих строк удалось найти репродукцию лишь одного из его живописных произведений. На нём изображён один из эпизодов героического сражения русских кораблей под командованием контр-адмирала А. С. Грейга с турецкой эскадрой.

За восемь лет службы в тульском Александровском училище Броневский многое сделал для улучшения преподавания здесь гражданских и военных наук. Как педагог он стремился к тому, чтобы воспитанники училища были всесторонне образованными и культурными людьми, настоящими патриотами своего Отечества. Его труд воспитателя будущих офицеров был оценён начальством. В 1828 году Броневский «пошёл на повышение» – получил назначение в Петербург. Здесь ему была предложена должность помощника директора и инспектора классов привилегированного Пажеского корпуса.

В 1833 году Владимир Броневский окончательно расстается со службой и уходит в отставку в чине генерал-майора. С этого времени он целиком погрузился в сочинительство. Его произведения печатаются в «Благонамеренном», «Соревнователе Просвещения», «Вестнике Европы», «Сыне Отечества» и других периодических изданиях. Наряду с морской темой Броневский проявляет серьёзный интерес к истории казачества. В 1834 году выходит в свет его капитальный труд в четырёх частях «История Донского войска».

В Санкт-Петербурге Броневский находился в гуще научной и культурной жизни. Его заслуги были отмечены членством в Императорской академии наук. Он состоял членом Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств, Общества истории

и древностей российских, редактировал морскую часть известного своей полнотой и академической точностью «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара.

По свидетельству «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина (1911 – 1915), известный русский славист В. И. Ламанский называл Броневского «одним из самых лучших в своё время, живых знатоков славянских земель» и признавал за ним «право на почётное место в ряду деятелей в истории сношений России с южными и западными славянами».

Незадолго до своей кончины Броневский написал критическую рецензию на «Историю Пугачёва» А. С. Пушкина, опубликовав её (за подписью «П. К.») в январской книжке журнала «Сын Отечества» за 1835 год. В рецензии, в частности, высказывалось сожаление, что Пушкин не написал «Историю Пугачёва» «кистью Байрона». Поэт воспринял критику в свой адрес болезненно, однако некоторые замечания признал справедливыми.

Полтора столетия В. Б. Броневский относился к числу «забытых» писателей, о которых помнили лишь историки. Однако в наши дни его сочинения вновь обрели массового читателя. В 2015 году «Записки морского офицера» были переизданы московским издательством «Кучково поле» в серии «Военные мемуары». Примеру столичного издательства последовал и автор этих строк, опубликовав на страницах издаваемого им журнала «Таврия литературная» книгу Броневского «Обозрение Южного берега Тавриды. В 1815 году». Это яркое и живое повествование о природе Южного берега Крыма, его красотах, быте и нравах местных жителей.

«Молодые якобинцы негодовали»

Есть у книголюбов особенность, которая отличает их от обычных читателей. Книголюбу недостаточно даже несколько раз перечитать полюбившееся произведение. Всегда хочется хоть однажды в жизни, но увидеть и прочитать книгу в том виде, в каком она в первый раз появилась на свет. Я уже не говорю о всепоглощающем трепетном желании иметь эту книгу на своей книжной полке! Страсть эта мучительна, как бессонница, но порывы её оправданны и благородны.

Держа в руках поражающие простотой и изяществом тоненькие тетрадошки-главы пушкинского «Евгения Онегина», рассматривая обложку выпущенного в Москве, в университетской типографии первого издания «Мёртвых душ», выполненную по рисунку самого Гоголя, листая страницы романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в издании П. И. Бартенева, острее и глубже чувствуешь непреходящее значение бессмертных творений человеческого разума. Между тобой и великими писателями прошлого словно рушится барьер времени. Невольно ощущаешь себя их современником и первочитателем...

Фонды Тульской областной универсальной научной библиотеки в этом отношении всегда готовы оказать книголюбу добрую услугу. На книжных полках одного из редкостных по полноте и значимости для областных центров книжных собраний дремлют древние фолианты парижских и лейпцигских издателей конца XVI – начала XVII века, рукописные русские книги времён Ивана Грозного, уники Петровской эпохи, прижизненные издания Кантемира, Державина, Сумарокова, Крылова, Жуковского, Пушкина, Некрасова, Герцена, Льва Толстого и многих других выдающихся представителей русской и зарубежной классической литературы.

Кажется, прикоснись к этим книгам, сними их с полки – и они оживут, поведают о сокровенном. Беря в руки ту или иную старую книгу, того и гляди, откроешь для себя что-то новое, ранее не известное. Некогда почти все редкостные старинные издания, хранящиеся здесь, принадлежали частным лицам, размещались в библиотеках дворянских усадеб, были любимы, читаемы, чтимы. Поэтому на полях старых книг нередко можно встретить карандашные пометки, дарственные надписи, записи о времени и месте приобретения книг. Фонды библиотеки изучены ещё не в полной мере. Может быть, именно в этом и скрыта волнующая прелесть общения с ними?

С этой библиотекой я подружился ещё в студенческую пору, и она не раз дарила мне радость удивительных открытий. Не единожды обнаруживал я на библиотечных полках такое, что до меня никто не замечал. Однажды, например, открыв шестой том Полного собрания сочинения Н. С. Лескова, вышедшего в 1889 – 1896 годах в Петербурге в издательстве А. С. Суворина, я чуть было не потерял дар речи. В руках моих находился тот самый «крамольный» шестой том, который, как значилось в специальной литературе, был полностью уничтожен по приказанию обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева! В этом томе находились произведения писателя, обличавшие нравы русского духовенства. Прочитав его, чиновники из цензурного комитета доносили в Главное управление по делам печати: «Вся шестая книга сочинений Лескова, несмотря на неоспоримую общую благонамеренность автора, оказывается, к сожалению, дерзким памфлетом на церковное управление в России и на растление нравов низшего духовенства. Бесспорно, большинство вышеприводимых рассказов появлялось в периодической печати, но они появлялись отрывочно и в разное время. Сгруппированные же и появляющиеся ныне одновременно, они производят впечатление угнетающее, представляя дело православия как бы погибающим».

Из-под рук царских палачей печатного слова чудом спаслось лишь несколько экземпляров книги, которые хранятся ныне в четырёх крупнейших библиотеках страны. Тульская

областная библиотека – пятая! В 1890 году шестой том сочинений Н. С. Лескова был переиздан, но уже в виде, угодном правительству и церковникам.

О другом маленьком открытии хочется рассказать подробнее.

Хорошо помню тот день. Я работал тогда в школе, преподавал историю. Готовясь к очередному уроку с семиклассниками, решил для пущей убедительности принести на занятия один из томов вышедшего в 1816 – 1829 годах первого издания знаменитой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. По правде говоря, мне и самому хотелось увидеть карамзинскую историю в самом что ни на есть «первопечатном» виде. Ведь именно такой читали её Пушкин, Жуковский, декабристы. Появление карамзинской «Истории» вызвало неоднозначную реакцию у современников, разделило русское общество на две части. Одни ликовали, воспевая талант историографа, другие, прочитав первые тома, с юношеской горячностью сочиняли разительные эпиграммы:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Работники библиотеки не сочли мою просьбу слишком дерзкой и выдали мне первый том карамзинского сочинения «на дом». (В те годы это было ещё возможно!)

Каковы же были мои удивление и радость, когда я открыл титульный лист. Чуть ниже его центра, близ правого края, отчетливо виднелась небольшая овальная печатка, выполненная чёрной мастикой: «Степана Бегичева».

Так вот кому принадлежала эта книга!

Имя одного из активных участников ранних декабристских организаций, близкого друга А. С. Грибоедова Степана Никитича Бегичева (1785 – 1859) известно всем, кто знаком с историей декабристского движения, с жизнью и творчеством автора бессмертной комедии «Горе от ума».

Но печатка декабриста оказалась лишь первой ласточкой. Достаточно было перевернуть несколько страниц, как последовало новое, еще более неожиданное открытие. Поля многих книжных страниц оказались исписанными карандашом. На некоторых листах имелись подчеркивания в тексте, сделанные все тем же карандашом.

Часть записей читалась легко. Некоторые из них пришлось разглядывать через увеличительное стекло. Почерк явно несомременный. Орфография – старинная, с «ятями» и твёрдым знаком в конце слов, да и о Карамзине речь идёт не как об умершем, а как о живом человеке. Ясно, что записи (комментарии к тексту) сделаны вскоре после выхода книги из печати. По крайней мере, до 1826 года, когда умер Карамзин. И сделать их мог не кто иной, как сам хозяин книги – Степан Никитич Бегичев.

Но догадка, даже самая, казалось бы, очевидная, нуждается в тщательной проверке.

Чтобы точно определить принадлежность записей, необходимо было сравнить их с уже известными и не вызывающими сомнений автографами декабриста. Где же взять образец почерка Бегичева? Личного его фонда не сохранилось ни в одном архиве страны. Следовательно, автограф надо искать там, где хранятся документы Грибоедова. Бегичев в течение многих лет переписывался с Грибоедовым. Но из примечаний известного литературоведа Н. К. Пиксанова к третьему тому выпущенного в 1917 году в Петрограде Полного собрания сочинений можно узнать, что подлинники писем Бегичева к своему другу, к сожалению, не сохранились.

Будь что будет! Делаю запрос в Москву, в Центральный государственный архив литературы и искусства. Неудача. Автографов Бегичева в архиве нет. В фонде Грибоедова есть

лишь формулярный список Дмитрия Никитича Бегичева – брата декабриста, небезызвестного в своё время литератора, автора «Семейства Холмских» и других нравописательских повестей, воронежского губернатора, покровительствовавшего поэту Кольцову. Обращаюсь в Ленинград, в рукописный отдел Пушкинского дома (Института русской литературы Академии наук СССР). Опять неудача. В фондах института хранятся лишь два письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. Но учёный секретарь рукописного отдела М. И. Малова рекомендует мне обратиться в Государственную публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, где, по ее данным, хранится подлинник письма С. Н. Бегичева к В. Ф. Одоевскому.

Вскоре из публичной библиотеки пришел конверт с фото-копией письма С. Н. Бегичева В. Ф. Одоевскому, датированного маем 1839 года. Оно-то и разрешило сомнения. Пометки на страницах книги Карамзина сделаны рукою Степана Никитича Бегичева!

Обратимся теперь к пометкам на полях книги, попробуем восстановить обстановку, в которой они были сделаны, мысли и чувства, вызванные у декабриста чтением карамзинской истории.

Конец 10-х годов XIX столетия... Молодая Россия в лице лучших представителей дворянства, гордо называвших себя «детьми 1812 года», уже бросила вызов России старой, отживающей. На смену первым тайным политическим обществам пришла новая, более крепкая тайная организация «Союз благоденствия». Разрабатывается устав организации – «Зелёная книга», строятся планы уничтожения крепостничества, вызревают замыслы «военной революции».

Тогда-то и вышло в свет сочинение придворного историографа и идеолога консервативной России Николая Михайловича Карамзина, еще более углубившее противоречия между двумя лагерями русского общества. Будущие декабристы встретили многотомный исторический труд почитаемого ими писателя с неприязнью. «Молодые якобинцы негодовали, – писал в автобиографических записках А. С. Пушкин, – несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения».

В числе «якобинцев» был и 33-летний штаб-ротмистр кавалергардского полка Степан Никитич Бегичев, принятый в 1817 году в одну из ранних декабристских организаций (возможно, в Союз спасения) по рекомендации Никиты Муравьева, а впоследствии ставший участником «Союза благоденствия».

Члены тайного общества не могли, конечно, высказывать свои протесты по поводу официоза Карамзина в открытой форме, через легальную печать. Их возражения проявлялись главным образом лишь в устной форме, в спорах и беседах в дружеском кругу. Даже в частных письмах делать это было небезопасно, на такое решались немногие.

По свидетельству крупнейшего знатока эпохи декабризма академика М. В. Нечкиной, из глубины времен до наших дней доходят лишь отдельные отголоски этих споров. Известны высказывания и протесты против концепции Карамзина, сделанные в момент выхода в свет его «Истории» членами тайного общества Никитой Муравьевым и Михаилом Орловым, а также суждения будущих декабристов А. О. Корниловича и Г. С. Батенькова.

Находка книги из библиотеки Бегичева позволила расширить известный круг критиков официального историографа, стала свидетельством идейного единства в рядах «Союза благоденствия», придала новые штрихи портрету декабриста.

Каковы же основные направления критики Бегичевым карамзинского сочинения? Язык книжных пометок красноречив, ведь отражает он самые яркие и самые эмоциональные впечатления, непосредственно рождённые в минуты чтения.

С первых же страниц испещрённых пометками книги бросается в глаза сначала настроенное, а затем и резко отрицательное отношение Бегичева-читателя к Карамзину-автору,

«с благоговением» (это слово подчеркнуто Бегичевым) представляющего «плод усердных двадцатилетних трудов» императору Александру I.

Бегичеву было хорошо известно, что «История государства Российского» писалась Карамзиным по заказу самого царя и что обласканный самодержцем историограф задался откровенно монархической целью, подходил к анализу исторических процессов с точки зрения интересов дворянской аристократии.

Этим-то и вызвана его осторожность. Несколько раз подчеркивает Бегичев неправомерный, с его точки зрения, тезис Карамзина: «История народа принадлежит царю».

В завершающем абзаце авторского предисловия к «Истории», где Карамзин произносит здравицу: «... да не изменится никогда твёрдое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей», Бегичев выделяет словосочетание «мудрое Самодержавие» и делает следующий комментарий: «Вот конёк, на котором г-н Карамзин в продолжение всей истории более всего выезжает».

Для выяснения мировоззрения Бегичева интересна и такая его пометка. Принижая активную роль народных масс в истории, Карамзин на одной из страниц пишет, что «народ всегда склонен обвинять правителей, если они не умеют отвратить бедствий от государства». В ответ на это декабрист замечает: «Если „не умеют“, то и справедливо обвиняют».

Вдумчивый и требовательный читатель, Бегичев не проходит мимо отдельных поверхностных суждений Карамзина, некорректной оценки исторических фактов, расплывчатых и сомнительных формулировок, надуманных сравнений, вычурностей.

Пометы Бегичева дают возможность понять, что декабрист был хорошо знаком с историческими сочинениями западноевропейских авторов. Так, на одной из страниц, сравнивая описание феодального правления у Карамзина и у видного шотландского историка У. Робертсона, Бегичев пишет: «Феодальное правление гораздо лучше и основательнее объяснено у Робертсона».

Комментарии декабриста, безусловно, нуждаются в более тщательном исследовании, и они, надо полагать, еще привлекут внимание специалистов.

В хранилище областной библиотеки мне попались и другие тома этого издания карамзинской «Истории». Однако печатки декабриста и каких-либо пометок, сделанных его рукой, на них обнаружить не удалось, как не удалось найти и других книг, принадлежавших Бегичеву.

Вполне возможно, что томик «Истории государства Российского», о котором идёт речь, держал в руках и Александр Сергеевич Грибоедов. С Бегичевым он познакомился и подружился в 1813 году, когда они вместе служили в Белоруссии адъютантами у родственника Бегичева боевого генерала Андрея Семёновича Кологривова.

В течение многих лет друзья вели оживлённую переписку, часто встречались. Грибоедов активно влиял на художественные вкусы и наклонности Бегичева, тот же, в свою очередь, являлся первым читателем и судьей грибоедовских сочинений. В воспоминаниях о Грибоедове Бегичев писал: «Из иностранной литературы я знал только французскую, и в творениях Корнеля, Расина и Мольера я видел верх совершенства. Но Грибоедов первый познакомил меня с „Фаустом“ Гёте, и тогда уже (в первые годы дружбы. – Б. Т.) знал почти наизусть Шиллера, Гёте и Шекспира. Все творения этих гениальных поэтов я прочёл после в французском переводе». Грибоедов знал или, по крайней мере, догадывался о принадлежности своего друга к тайному обществу и во многом разделял взгляды декабристов.

По высочайшему повелению Николая I С. Н. Бегичев был оставлен следственной комиссией по делу декабристов «без внимания», то есть не был привлечён к следствию и суду по делу о восстании 14 декабря. Выйдя в 1823 году в отставку и обзаведясь семьёй, Степан Никитич отошел от активной работы в тайном обществе. Но идеалам декабризма он оставался верен до конца своих дней.

Грибоедов был частым гостем семьи Бегичевых, подолгу жил в их московском доме, а также в их имении в Ефремовском уезде Тульской губернии. Сюда Бегичевы обычно выезжали на лето. Летом 1823 года в ефремовском селе Дмитровское Грибоедов завершил работу над третьим и четвёртым действиями комедии «Горе от ума».

Сохранились свидетельства о том, что Бегичев располагал обширной и хорошо подобранной библиотекой. Книгами из неё, безусловно, пользовался и Грибоедов. Новые находки могли бы не только иметь мемориальное значение, но и дополнить наши сведения о декабристе, его взглядах, умственных интересах, а может быть, и внести вклад в изучение жизни и творчества его великого друга – Александра Сергеевича Грибоедова.

Реконструктор бессмертной комедии

Незадолго до Первой мировой войны 1914 – 1918 годов Разрядом изящной словесности Императорской академии наук было предпринято издание «Академической библиотеки русских писателей». Книги, печатавшиеся сразу в двух образцовых типо-графиях (в академической и в государственной), выходили в прекрасных с круговыми узорными обрезами серийных издательских переплетах, были иллюстрированы портретами, рисунками и факсимиле на отдельных листах. Стоили они при этом относительно недорого и могли быть причислены к разряду изданий общедоступных.

О подобных книгах мечтали несколько поколений отечественных литературоведов и, конечно же, образованные читатели, истинные ценители русской классики, гимназическая и студенческая молодежь. Известный философ, критик и публицист Василий Васильевич Розанов, приветствуя выход в свет первого выпуска Академической библиотеки, писал в «Новом времени»: «Еще на студенческой скамье для новичков русского склада души, лет 25 назад, чувствовался недостаток в таком издании. „Откуда взять? Где найти? Где и у кого прочесть?“ – спрашивалось о русской особенностях, о русском самостоятельном лице в истории. Помню определенно, мы *студентами* об этом спрашивали и тогда ответа не находили. А „Бокль“ и „Льюис“, можно сказать, на каждом шагу валялись по дороге, хватая за ноги, как проститутки: говорю о дешевизне и обилии изданий и популяризации». Розанов мечтал о том, чтобы «Академическая библиотека» была дополнена народной песней, народной сказкой, былинами, загадками и пословицами, чтобы, не вдаваясь в партийность, наряду с произведениями славяно-филов, были бы опубликованы Чаадаев и Радищев. «Не одни поэты, но и русская дума, глубокая и чистосердечная, – заключал философ, – вот желательный девиз для издания великолепного в своем замысле и начале».

Академическая библиотека открывалась «Полным собранием сочинений А. В. Кольцова» (Выпуск I), увидевшем свет в 1909 году, в канун столетия со дня рождения поэта. Редактором и автором примечаний был молодой, но уже известный в научных кругах историк литературы А. И. Лещенко. За сочинениями Кольцова последовало «Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова» (Выпуски II – VI). Редактором его и автором примечаний выступил профессор Д. И. Абрамович. Далее следовали «Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова» под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина (Выпуски VII – IX) и «Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского» под редакцией и с примечаниями М. Л. Гофмана (Выпуски X, XI). На этом издание Академической библиотеки было прекращено. Обстоятельства этого вполне понятны: война, революции, разруха.

Не умоляя достоинств прочих авторов и подготовивших к изданию их сочинений учёных, признаюсь, что мой интерес к Академической библиотеке был продиктован прежде всего интересом к трёхтомнику А. С. Грибоедова. Его первый том составили все поэтические произведения поэта, кроме «Горя от ума», с необходимыми комментариями, а также биография поэта. Здесь же было помещено специально написанное для данного издания исследование профессора С. К. Булича «А. С. Грибоедов – музыкант». Во второй том вошло «Горе от ума» в двух редакциях: позднейшей и ранней (так называемый «Музейный автограф»), примечания к пьесе и обзор литературы о Грибоедове. Третий, заключительный том «Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова», составили его прозаические произведения и письма разных лет.

Первые два грибоедовских тома достались мне сравнительно легко. Поиск третьего тома растянулся на несколько лет. Осложнялся он временной разницей между выходом томов: их разлучила мировая война. Первый том грибоедовского собрания вышел в свет в 1911 году,

второй – в декабре 1913 года, а третий – лишь в марте 1917 года. Можно предположить, что те, кто приобрёл первые тома этого прекрасного академического издания, могли и не дожить до выхода третьей книги «по обстоятельствам военного времени». Те же, кто приобрёл третий том, возможно, не всегда находили в книжных магазинах первые два, чтобы обрести полноценный комплект произведений классика.

Я был откровенно счастлив, когда в один прекрасный день все три грибоедовских академических тома чуть увеличенного формата в твёрдых ледериновых переплётах с золотым и чёрным конгревным тиснением на крышках и корешках дружно соединились на моей книжной полке. Время почти не потрепало их, что, на мой взгляд, доказывало – Грибоедова в России всегда любили и ценили, почти так, как Пушкина или Лермонтова, а потому к его книгам в академическом издании относились трепетно и бережно.

Радость от приобретения третьего тома (сегодня он – букинистическая редкость) была двойной. Том оказался с автографом составителя и редактора грибоедовского издания Николая Кирьяковича Пиксанова – дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Павлу Григорьевичу Любомирову от редактора. 6.I.1921. Н. Пиксанов». Захотелось побольше узнать об этих людях, их судьбах, научном творчестве. Повод вполне резонный.

Начнём с дарителя. Николай Кирьякович Пиксанов родился 31 марта (12 апреля) 1878 года в селе Дергачи Новоузенского уезда Самарской губернии в семье псаломщика. Село это было основано в начале XIX века крестьянами-переселенцами из местечка Дергачи Харьковской губернии. Это они дали новому селению название прежнего места жительства. Было это, возможно, проявлением ностальгии по родным местам, возможно, намёком на то, что, как и птица дергач (луговая коростель), оказались они людьми «перелётными». Среднее образование Николай Пиксанов получил в Самарской духовной семинарии, высшее – на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Юрьевского (Дерптского) университета, который окончил в 1902 году. Параллельно с филологией юноша всерьёз интересовался юридическими науками и даже опубликовал в 1903 году в «Журнале Министерства юстиции» статью «К вопросу о Боярской Думе». Интерес этот был, видимо, не случайным. В студенческой среде преобладали конституционные настроения, шли активные разговоры о народном представительстве.

В университете проявился не только научный талант Пиксанова, но и его яркий социальный темперамент. Свидетельством тому стало его избрание председателем «Союзного совета дерптских объединённых землячеств и организаций», объединявшего студенческую молодежь разных политических убеждений. Союзный совет принимал активное участие в забастовочном движении, политических митингах и собраниях, издавал подпольную газету «Свободное слово», распространял произведения оппозиционных авторов, в том числе и трактат Л. Н. Толстого «Христианство и патриотизм». Все это не прошло мимо внимания местных стражей порядка. Пиксанов, отбыв пятимесячное тюремное заключение, был выслан на родину под гласный надзор полиции.

В конечном итоге любовь к филологии взяла верх над другими увлечениями. В 1906 году подающий надежды молодой исследователь поселяется в Петербурге, где активно трудится в изданиях, которые редактировал известный литературный критик и историк литературы С. А. Венгеров (1855 – 1920). Одновременно Пиксанов преподавал русскую литературу в ряде учебных заведений столицы. После сдачи в 1912 году магистерских экзаменов он был принят на должность приват-доцента Императорского Санкт-Петербургского университета. Впоследствии Пиксанов вёл преподавательскую работу во многих вузах страны, трудился в крупных научных центрах. Его перу принадлежат около 800 научных исследований и статей. В 1931 году Николай Кирьякович Пиксанов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Примечателен такой важный штрих к биографии учёного: Пиксанов обладал уникальной библиотекой, которая была передана по его завещанию в Институт русской литературы (Пушкинский дом). Библиотека насчитывала свыше 15 тысяч книг, журналов, справочников, журнальных статей, рукописей. Своё книжное собрание учёный называл не иначе как моя «литературоведческая лаборатория». Подбор книг свидетельствует о широте научных интересов Пиксанова. Его влекло творчество М. В. Ломоносова, Н. А. Радищева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, А. М. Горького и некоторых других авторов. Но предметом особого внимания Пиксанова в течение многих лет был Александр Сергеевич Грибоедов.

Свою грибоедовскую коллекцию в составе домашней библиотеки Пиксанов начал собирать будучи ещё семинаристом. Тогда же, к столетию со дня рождения драматурга (1895), он написал первое сочинение под названием «Комедия „Горе от ума“ и её историко-литературное значение». Ученическая тетрадка в 28 страниц, содержащая ростки замыслов будущих грибоедоведческих исследований, сохранилась в архиве учёного. Инспектором семинарии сочинение Пиксанова было отмечено как «представляющее вполне самостоятельное изучение предмета и читающееся с интересом».

Среди редкостей грибоедовской коллекции Пиксанова рукописные списки комедии «Горе от ума», которых около 60, свыше 150 печатных изданий комедии, начиная с самых ранних (1833, 1839, 1854). Некоторые из книг содержат рукописные вставки, восполняющие цензурные изъятия.

Изучение творчества автора «Горя от ума» Пиксанов продолжил на студенческой скамье и периодически возвращался к грибоедовской проблематике в различные периоды своей долгой и плодотворной научной деятельности. Будучи студентом, Пиксанов подготовил и опубликовал «Материалы для библиографического указателя произведений А. С. Грибоедова и литературы о нём». Этот труд охватывал период с 1808 по 1902 год и служил хорошим дополнением к уже имевшимся указателям.

В перечне наиболее известных работ литературоведа – «Грибоедов и Мольер. Переоценка традиций». М.: Госиздат, 1922; «Творческая история «Горя от ума» (1-е изд. М., 1928; 2-е изд. М.: Наука, 1971); «Грибоедов. Исследования и характеристики». Л.: Изд. писателей, 1934. Некоторые из этих книг есть в моей библиотеке.

Предметом особой заботы учёного являлось восстановление (реконструкция) полноценного авторского текста жемчужины русской сцены. Эта необычайно сложная и скрупулёзная работа была проделана Пиксановым блестяще. То, какие трудности испытал учёный, станет понятным, если мы ненадолго заглянем в историю грибоедовских текстов. Из биографии драматурга известно, что его работа над комедией продолжалась довольно долго. Он неоднократно вносил в текст произведения исправления и дополнения. К тому же при жизни Грибоедова «Горе от ума» не было опубликовано полностью, а выходившие в XIX веке посмертные издания комедии были неполными и неточными, а иногда и фальсифицированными предприимчивыми издателями. При этом каждый издатель комедии ориентировался на свой источник, пытаясь убедить легковых читателей, что именно он является каноническим.

Все началось в 1821 и 1822 годах, когда сотрудник русской дипломатической миссии в Персии и начинающий литератор Александр Грибоедов, уже известный в определённых кругах своими сочинениями и переводами, переходит на службу в Тифлис под начало правителя Кавказа и командующего русскими войсками генерала А. П. Ермолова. Должность секретаря по дипломатической части была не очень обременительной и оставляла достаточно времени для литературных увлечений. Именно здесь, в Тифлисе, Грибоедов приступает к сочинению своей бессмертной комедии. Планы её создания он вынашивал уже несколько лет. Возможно, на чужбине воспоминания о Москве и московской жизни всплывали особенно ярко.

И на бумагу легко ложились сцены и эпизоды драматургического произведения, сделавшего его автора по-настоящему знамени-тым российским писателем.

В Тифлисе были написаны два первых акта «Горя от ума». В 1823 году с рукописью в походном портфеле и планами на то, как дальше развить сюжет, каких героев вывести на сцену, какие мысли вложить в их уста, Грибоедов уезжает в долгосрочный отпуск в Москву. Встреча с первопрестольной, крепкие объятия друзей, шампанское и предложение лучшего друга Степана Бегичева провести лето в его тульском имении в селе Дмитровском. Здесь он легко и с вдохновением редактирует уже написанные ранее акты и к осени пишет заключительные – третий и четвертый.

Раннюю рукопись комедии, которая вошла в историю как «Музейный автограф», весной 1824 года Грибоедов передаёт Бегичеву, а для себя изготавливает новый беловой список. Переданный Бегичеву вариант комедии уже более ста лет хранится в Государственном историческом музее в Москве. Отсюда и его название.

29 мая того же года Грибоедов специально едет из Москвы в Петербург с желанием поставить комедию на столичной сцене и издать ее типографски. Но случается непредвиденное. В пути драматурга осеняет мысль о том, что комедии нужна новая развязка: сцена разоблачения Молчалина в глазах Софьи. В письме Бегичеву Грибоедов так описывал эту ситуацию: «На дороге пришло мне в голову придумать новую развязку; я её вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить её; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались в самый день моего приезда».

Живя несколько месяцев в Петербурге, драматург не только шлифует сцену разоблачения прелюбодея Молчалина, но и вносит дополнительные коррективы в ранее написанное. К осени он завершает доработку рукописи. Однако ни издать, ни поставить «Горе от ума» на сцене Грибоедову не удаётся.

Согревало лишь заботливое участие в судьбе комедии близких друзей. Одним из них был начальник департамента морского ведомства, драматург и переводчик Андрей Андреевич Жандр (1789 – 1873). С ним Грибоедова, кроме всего прочего, связывала совместная работа над переводом с французского комедии Н.-Т. Барта «Притворная неверность» (1817). Желая помочь Грибоедову разобраться в «ужасных брешьонах» (так, на французский лад, тогда называли черновики), Жандр усаживает сотрудников своей канцелярии за переписку комедии. Отсюда она не только попадает в руки автора, но и расходится фактически по всей России. Этот вариант текста «Горя от ума» вошёл в историю как «Жандровская рукопись».

В тот приезд в Петербург, в начале июня, Грибоедов знакомится с Фадеем Булгариным, место и роль которого в истории русской литературы оцениваются неоднозначно. Но как бы там ни было, они подружились. Зная о намерении Булгарина издавать литературно-театральный альманах «Русская Талия», Грибоедов передаёт ему для публикации несколько фрагментов комедии, среди которых седьмое – десятое явления первого действия и целиком действие третье. Фрагменты публикуются в выпуске «Русской Талии» на 1825 год, причём с большими цензурными искажениями. Эта публикация была единственной прижизненной публикацией великого драматического творения.

В 1828 году, перед отъездом полномочным посланником в Персию, Грибоедов подарил Булгарину новый список комедии «Горе от ума» с надписью: «Горе моё поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828 года». Эта рукопись с небольшими пометками автора получила название «Булгаринского списка».

Неоднократно высказывались предположения о том, что окончательный вариант комедии дорабатывался Грибоедовым в Тегеране, в последние месяцы его жизни, и что окончательная рукопись погибла вместе с драматургом. Из этого делался вывод: тождественные подлиннику или близкие к нему копии «Горя от ума» следует искать на Кавказе, в архивах людей, близко знавших Грибоедова в последний период его жизни. Среди прочих возможных владельцев

близкого к подлиннику варианта называли, например, преемника А. П. Ермолова на Кавказе генерала И. Ф. Паскевича, с которым Грибоедов состоял в дружеской переписке и который приходился поэту родственником по линии жены.

Надо отметить, что держатели грибоедовских рукописей: С. Н. Бегичев, А. А. Жандр и Ф. В. Булгарин, следуя просьбам автора, даже после его трагической гибели не спешили знакомить с ними ни издателей, ни литературоведов, ни текстологов. Все сохранившиеся авторизованные варианты «Горя от ума» были собраны и проработаны только в начале XX века Николаем Кирияковичем Пиксановым.

Поиски в государственных и частных архивах, библиотеках, музейных фондах позволили Пиксанову выявить около 60 списков комедии, имевших те или иные отличия. Кропотливая многолетняя работа над авторизованными текстами и вновь обнаруженными материалами дала исследователю возможность не только реконструировать текст произведения, которое до наших дней издаётся в этой реконструкции, но и опровергнуть досужие домыслы о том, что «посредственный поэт» Грибоедов присвоил произведение какого-то гениального автора, который пожелал остаться неизвестным. Текстологическое открытие «Горя от ума», совершённое Пиксановым, поставило учёного в первый ряд отечественных литературоведов и текстологов.

Наряду с реконструкцией текста комедии важной составной частью своей работы Пиксанов считал составление «Летописи жизни и творчества А. С. Грибоедова» – биографической и литературной хроники в точных датах, по годам, месяцам и дням. Учёный хорошо сознавал, что без точных хронологических ориентиров полноценное исследование творческого наследия Грибоедова, составление его научной биографии крайне затруднительно.

Рукописный вариант «Летописи», плод многолетней кропотливой работы исследователя, был готов еще в 1944 году. Но публиковать его Пиксанов не решался, очевидно, признавая наличие в подготовленной хронике недопустимых временных и пространственных лакун. К этому проекту учёный вернулся лишь в последние годы жизни, готовя к изданию сочинения Грибоедова. В это время счастливый случай (через посредничество известного текстолога Андрея Леопольдовича Гришунина) свёл Пиксанова с Петром Степановичем Красновым (1903 – 1986), библиофилом, человеком, отдавшим большую часть своей жизни сбору книг и документов, посвящённых Грибоедову.

Встретив в Краснове родственную душу, Пиксанов предложил ему от себя лично и от Гришунина объединить усилия в доработке грибоедовской летописи. 18 сентября 1967 года Н. К. Пиксанов писал П. С. Краснову: «А. Л. Гришунин подробно описал мне Ваше замечательное Грибоедовское собрание, и мне стало досадно на себя, да и на Вас, что мы оба не сумели познакомиться лично и вступить в общение по грибоедоведению. Ведь это такое хорошее дело – вникать в жизнь и творчество великого драматурга. Здесь не должно и не может быть зависти, ревности, соперничества. А должны быть сотрудничество, общение в размышлениях. Вот мне скоро стукнет 90 лет (12-го апреля 1968), я занимаюсь Грибоедовым со студенческих времен, т.е. больше 60-ти лет. И всё ещё нахожу пробелы в своих занятиях и нуждаюсь в общении с такими же грибоедовистами. Не так давно ко мне присоединился Андрей Леопольдович, и это сразу помогло нам обоим. А теперь вот мне мечтается „кружок трёх“, и хочется, чтобы именно Вы вошли в него».

Краснов, экономист по образованию, к тому времени уже пенсионер, с благодарностью принял это предложение и включился в работу. Насколько ценными бывают для науки исследования энтузиастов-любителей, известно давно. На моей книжной полке, например, стоят два аккуратных томика под названием «Сергей Есенин. Литературная хроника», вышедшие в издательстве «Советская Россия» в 1969 – 1970 годах. Как это ни удивительно, на первый взгляд, автором хроники является не литературовед-профессионал, а обыкновенный инженер Владимир Германович Белоусов. Человек, влюблённый в творчество Есенина, он в течение

многих лет по крупницам собирал материал, раскрывающий день за днём большие и малые события в жизни поэта, его творческой биографии.

История с Петром Степановичем Красновым стала ещё одним подтверждением плодотворности объединения усилий учёных-профессионалов и энтузиастов – любителей литературы. После кончины Николая Кирияковича, последовавшей 10 февраля 1969 года, Краснов проделал огромную работу для того, чтобы выверить по первоисточникам материалы, собранные Пиксановым, а также дополнить «Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова» неизвестными ранее документальными свидетельствами. В частности, в Центральном военно-историческом архиве Красновым были найдены документы о пребывании Грибоедова во Владимире, ранее неизвестные науке.

Как исследователь жизни и творчества Грибоедова Пётр Степанович Краснов был не только неутомим, но и необычайно скрупулёзен. Он первым отреагировал на мой рассказ о тульской находке книг из библиотеки С. Н. Бегичева, опубликованный в 1976 году в журнале «В мире книг», написав мне тёплое дружеское письмо. В качестве визитной карточки он приложил к письму свой экслибрис. Впоследствии Краснов презентовал мне свою интереснейшую статью «Путевые письма Грибоедова (от Тифлиса до Тегерана)».

А теперь несколько слов о человеке, которому Пиксанов подарил 6 января 1921 года отредактированный им третий том «Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова». Павел Григорьевич Любимов (1885 – 1935), как и Пиксанов, был довольно известным в своё время ученым-историком. Его жизненный путь, начиная с рождения, во многом схож с биографией дарителя. Любимов родился в селе Матюшкино соседней с Самарской Саратовской губернии. Его отец был сельским учителем, а мать – дочерью церковнослужителя. В 1895 году Любимов окончил церковно-приходскую школу. В 1902 году поступил в Саратовскую духовную семинарию, однако через два года был отчислен из неё за участие в работе местного революционного кружка.

Завершить среднее образование и поступить на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета Любимову стоило больших трудов. Но они не были напрасными. Среди профессоров университета, под руководством которых осваивал курс наук студент Любимов, были настоящие европейские знаменитости: А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков и другие. Проявив большой интерес к учёбе и научным исследованиям, Любимов после окончания в 1910 году университета был оставлен при нём для подготовки к профессорскому званию. Его научная карьера складывалась удачно, а круг научных интересов составляли социально-экономическая история России и история отечественной общественной мысли, в том числе и история церковного раскола.

Судьба свела учёных в Саратове, где Пиксанов участвовал в организации высшего педагогического образования, а Любимов возглавлял кафедру русской истории Саратовского университета. Это были трудные годы гражданской войны, массового голода, с особой свирепостью охватившего их родное Поволжье. Однако научная мысль и педагогическая деятельность учёных даже в тех нечеловеческих условиях не замирали ни на минуту.

«Шекспир комедии», его продолжатели и подражатели

Комедия «Горе от ума» стала поистине жемчужиной русской классической драматургии, поворотным пунктом её истории. Творца комедии – Александра Сергеевича Грибоедова – Виссарион Белинский назвал Шекспиром комедийного жанра. И хотя это определение не очень прижилось в нашем литературоведении, сама комедия заняла достойное место среди величайших творений русского поэтического гения. Без её изучения нельзя представить себе школьного курса отечественной литературы. Без её живых образов история России первой четверти XIX века кажется блеклой и маловыразительной. По оправдавшемуся пророчеству Пушкина, большое количество стихов «Горя от ума» вошло в пословицы.

Судьба социального неудачника Чацкого во враждебном окружении его же собственного дворянского сословия, его конфликт со «светом», рельефно представленный Грибоедовым, вот уже почти 200 лет волнуют читателя и зрителя. Литературоведы не раз отмечали влияние творения Грибоедова на седьмую главу «Евгения Онегина», на сатиру М. Е. Салтыкова-Щедрина, духовную близость Чацкого с Онегиным и Печориным, героями Льва Толстого. Всё это хорошо известно, хрестоматийно.

Гораздо в меньшей степени известно о том, что жизнь героев Грибоедова многие последующие авторы пытались дописать, переосмыслить, представить в ином свете.

И первым среди них был писатель Дмитрий Никитич Бегичев – младший брат Степана Никитича Бегичева (1786 – 1855). Благодаря брату он близко познакомился с Грибоедовым. По словам Ксенофонта Полевого, Дмитрий Бегичев «принадлежал к тем из русских дворян, которых тип изобразил Грибоедов в своём Платоне Михайловиче»⁴. «Я слышал даже, – писал К. Полевой, – что в Платоне Михайловиче Грибоедов представил Д. Н. Бегичева, с которым, а еще больше с его братом, Степаном Никитичем, он оставался в большой дружбе до самой своей смерти».

Дмитрий Бегичев, как и его старший брат, окончил Пажеский корпус, состоял на военной службе, участвовал в сражениях под Аустерлицем, Гудштатом и Фридлиндом. В 1819 году вышел в отставку в чине полковника. Около десяти лет прожил в Москве, изредка занимаясь общественными делами по дворянской линии. В 1830 году о нём вдруг вспомнили и назначили Воронежским гражданским губернатором. На этом посту он находился до 1836 года. Впоследствии Бегичев продолжал службу в различных департаментах Правительствующего Сената, являлся попечителем Московского дома трудолюбия. Современники отзывались о Дмитрие Никитиче столь же лестно, как и о его старшем брате, друге Грибоедова. Он зарекомендовал себя как энергичный, умный и честный администратор, отзывчивый человек. Будучи воронежским губернатором, Дмитрий Бегичев принял живое участие в судьбе поэта А. В. Кольцова, оказал ему внимание и покровительство. В Воронеже он завершил начатую еще в 1829 году работу над своим первым и лучшим романом «Семейство Холмских». Позднее Д. Н. Бегичевым были написаны такие произведения, как «Провинциальные сцены» (СПб., 1840), «Ольга, или Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (СПб., 1840), «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (М., 1851).

Интересны его рассказы «Последствия услуги, оказанной кстати и вовремя», опубликованный в 1842 году в третьем томе сборника «Русская беседа», а также «Записки губернского чиновника», опубликованные в 1845 году в третьем томе сборника «Сто русских литераторов».

---

⁴ Речь идет об одном из второстепенных персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Платоне Михайловиче Гориче, старом друге и сослуживце Чацкого.

По тогдашним понятиям, официальное положение Д. Н. Беги-чева делало нежелательным публикацию его произведений под собственной фамилией. Первый роман писателя был выпущен анонимно. Последующие произведения были помечены как «Сочинения автора «Семейства Холмских».

Дмитрий Бегичев, безусловно, писатель скромного литературного таланта. Тем не менее его роман «Семейство Холмских», имевший подзаголовок «Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян», публиковался в отрывках в журнале Н. Полевого «Московский телеграф», после чего выдержал три отдельных издания. Последнее из них, исправленное и дополненное, увидело свет в 1841 году.

Чем же привлекло к себе внимание читающей публики «Семейство Холмских»? Ответить на этот вопрос можно лишь перелистав книгу и встретив на ее страницах до боли знакомые имена Чадского⁵, Софьи, Фамусова, Молчалина, Хлестовой... В изображении Бегичева Чадский – молодой вспыльчивый кавалерийских полковник в отставке. Хлестова хочет его женить на своей дочери, но, встретив отказ, распускает слух о сумасшествии Чацкого. Более всего поразителен Фамусов. Из романа явствует, что это никакой не природный аристократ, а нувориш екатерининской эпохи из бывших подьячих. Когда-то он был целовальником, вошёл в откупа, разбогател и купил много имений.

«Семейство Холмских» нельзя считать ни литературной пародией, ни продолжением истории, рассказанной Грибоедовым. Это, скорее всего, попытка скромного автора по-своему осмыслить быт и нравы грибоедовской Москвы. Люди, ставшие прототипами героев Грибоедова, Бегичеву были хорошо знакомы. Но он увидел их по-своему и по-своему описал.

Среди «продолжений» великой комедии Грибоедова обращает на себя внимание поэтическое творение («разговор в стихах») графини Евдокии Петровны Ростопчиной (1811 – 1858) «Возврат Чацкого в Москву». Написано оно в 1856 году и издано в Петербурге в 1865 году, через семь лет после смерти автора. Графиня Ростопчина (урождённая Сушкова) родилась в Москве, в богатой дворянской семье, близкой к литературным кругам. Её дядя Н.В.Сушков был известным в своё время драматургом и поэтом, водившим знакомство с Державиным, Карамзиным, Крыловым, Гнедичем. Однако литературная слава племянницы превзошла его литературную известность. Привлекательная собой, живая, восприимчивая, она, по воспоминаниям современника, «соединяла со всем очарованием светской девушки примечательное дарование: с необыкновенною легкостью, близкою дару импровизации, она небрежно, украдкой выражала в плавных приятных стихах впечатления свои, надежды и мечты юности, тревоги сердца». С середины 30-х годов XIX века стихи и прозу Ростопчиной охотно печатали многие модные литературные журналы, её творчество высоко ценили Жуковский, Пушкин, Лермонтов.

Когда Грибоедов написал свою бессмертную комедию, Ростопчина была ещё подростком, но наверняка уже тогда она имела на своей книжной полке рукописный экземпляр «Горе от ума»: ведь так же, как запрещённая цензурой комедия, из рук в руки ходили по Москве и её первые поэтические опыты. Поэзия Грибоедова, его драматургическое мастерство очаровали юную красавицу, оказали сильное влияние на её творчество.

В зрелые годы Ростопчина довольно много переводила и писала для театра преимущественно в жанре марииводежа – лёгкой бытовой комедии. Кстати, основы этого жанра в России были заложены пьесой «Молодые супруги», написанной Грибоедовым в 20-летнем возрасте. В 1852 году в Петербурге и Москве была осуществлена постановка комедии Ростопчиной «Домашнее уложение». В 1852 и 1853 годах также на столичных сценах ставилась её комедия «Ни тот, ни другой». В конце 1853 года в Москве шла её драма «Людмила и Люба». В 1856 и 1857 годах в Петербурге были поставлены «*Уедет или нет*. Деревенский разговор»

---

⁵ Именно так писалась фамилия главного героя в ранней редакции комедии «Горе от ума».

и «Сцены из светской жизни в 1 действии» под названием «Барыне скучно», также написанные Ростопчиной.

Полное название интересующего нас произведения Ростопчиной читается так: «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки». Авторское пояснение к пьесе свидетельствует, что действие происходит в Москве в 1850 году. Сюжет довольно прост: 48-летний Чацкий после 25-летнего пребывания на чужбине возвращается в Москву и сразу же попадает в дом Фамусова, где встречается многих старых знакомых и знакомится с новыми людьми, вхожими в дом сильно постаревшего, но не унывающего и по-прежнему хлебосольного Павла Афанасьевича.

Чацкий – свободный художник и путешественник, пишущий статьи в «учёные журналы» по статистике и геологии, уставший от жизни странник, объездивший весь мир: «Уехал мальчиком, вернулся ветераном!...». В Москву он приехал прямо из Брюсселя, «с конгресса учёных и любителей наук».

Софья Фамусова давно уже носит фамилию Скалозуб, имеет двух взрослых дочерей и сыновей-студентов. С полковником Скалозубом, ныне военным губернатором одной из российских провинций, они «Стерпелись... Обжились... Слюбились». Из Софьи, по выражению Фамусова, получилась «лихая бабочка». Она немало способствовала карьерному росту туповатого мужа, который метит уже в аншефы («Чин равен тайному!...»).

Молчалина в своё время Фамусов «поместил в Сенат». Ныне он действительный статский советник, имеет жену польку и мало-летних детей. Бывшую горничную Софьи Павловны Лизу теперь величают Филипповной. Она нянька при детях Молчалина.

Интересен портрет Чацкого, нарисованный Ростопчиной. Её Чацкий – человек с усталым бледно-желтым лицом, с большой лысиной на голове, усами и козлиной бородкой a la Napoleon III, внешне напоминающий туриста или американского плантатора. Он по-американски вызывающе-небрежно одет, носит неопределённого цвета жилет и свободно повязанный яркого цвета галстук, соломенную шляпу. Для Софьи Павловны Чацкий – «пришелец с другого света», «одичалый брюзга». Но она не прочь, узнав о его богатстве, выдать за Чацкого одну из своих дочерей.

Особый интерес в комедии Ростопчиной представляют сцены, в которых описано столкновение представителей двух враждующих между собой течений русской общественной мысли – славянофилов и западников. К числу первых относятся 40-летний поэт Мстислав Кириллович Элейкин и супруги Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна Горичевы. Она – полная, важная, в сарафане, душегрейке и повойнике, он – в русском кафтане, в русских сапогах, с мурмошкой в руках. Появление Горичевых в доме Фамусова вызывает у Чацкого недоумение: «Что это? Святки, маскарад?». Графиня Хрюмина (внучка, 46 лет) поясняет: «О, нет!.. Патриотизм... Славянофильство».

Западников на вечере в доме Фамусова представляют 39-летний профессор Евлампий Моисеевич Феологинский, муж Марии Петровны, бывшей княжны Мими Тугоуховской, и 32-летний домашний учитель дочерей Софьи Павловны Петров, периодически знакомящий барышень с журналом «Современник».

На вечере славянофилы и западники ведут между собой бесконечные, пустые и странные для Чацкого споры. Никому из них он не сочувствует.

Поэтическую комедию Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву», к сожалению, не понятую и не принятую современниками, открыл для широкого читателя киевский литературовед Г. В. Шварц, осуществивший в 1909 году ее переиздание. «Настоящая пьеса... – отмечал он в предисловии, – представляет собою блестящий, наверно единственный и совершенно не оцененный, даже не замеченный критикой и забытый читающей публикой пример необыкновенно удачного продолжения пьесы. То обстоятельство, что пьеса Грибоедова более жанр, нежели истинная комедия в строгом смысле этого слова, значительно облегчило Ростопчиной

её задачу – создать в одном с комедией стиле эпилог к ней. Переливающийся богатством оттенков, полный неподдельного юмора, искрящийся блесками остроумия звонкий стих Ростопчиной почти не уступает грибоедовскому; характер героев представляет психологически верное дальнейшее развитие заложенных Грибоедовым основных черт их, диалоги звучат в унисон грибоедовским и колорит эпилога вполне гармонирует с колоритом пьесы Грибоедова. Комедия Р [остопчиной] также жанр, это сатира московского общества пятидесятых годов, сатира не менее едкая, чем грибоедовская, сатира, заставляющая нас ещё и теперь хохотать над типами русского общества, уже давно сданными в архив. Ростопчина одинаково не симпатизирует как западникам, так и славяно-филам – и потому строгие веса поэтической оценки не колеблются ни в ту, ни в другую сторону. <...> Чтение этой поэтической вещи должно доставить удовольствие всякому образованному человеку, а со сцены действовать подкупающе на зрителя...».

«Возврат Чацкого в Москву» Ростопчиной мне отыскать у букинистов и приобрести пока не удалось. С этим произведением я знаком лишь по экземпляру из Российской государственной библиотеки, куда книга попала в составе замечательной библиотеки Н. П. Смирнова-Сокольского. Зато другое аналогичное сочинение – книжку в полукожаном переплёте размером в ладонь, напечатанную красивым убористым шрифтом, я храню на своей книжной полке, часто беру в руки, чтобы прочитать друзьям и знакомым некоторые наиболее интересные и удачные сцены, повествующие о том, чем могла бы кончиться история любви Чацкого к Софье Фамусовой.

Книжка эта называется так: «Утро после бала Фамусова, или Все старые знакомцы. Комедия—шутка в 1 действии в стихах». Издана она в 1844 году в Москве, в типографии С. Селивановского. Автор произведения не указан. Однако, прочитав предисловие, не трудно догадаться, что им был кто-то из ближайших друзей великого русского актера Михаила Семёновича Щепкина, поскольку эта «пьеска» предназначалась именно ему в качестве «бенефисного подарка». Ещё из предисловия ясно, что к бенефису Щепкина, состоявшемуся зимой 1843/1844 годов, она не поспела и была поставлена на московской сцене лишь весной 1844 года. Для Щепкина писали Д. Т. Ленский, П. Г. Григорьев, Ф. А. Кони, Н. А. Коровкин и другие авторы любимого в те годы водевильного жанра, но чаще всего – Пётр Андреевич Каратыгин (1805 – 1879), артист петербургской придворной труппы и драма-тург, брат известного артиста-трагика Василия Каратыгина, автор злободневных водевилей, в том числе водевиля «Горе без ума», направленного против драматургической критики. Можно предположить, что, скорее всего, он и являлся автором «Утра после бала».

Однако детальное знакомство с театральным репертуаром 40-х годов XIX столетия позволило установить действительного автора комедии-шутки. Им оказался довольно известный в своё время московский литератор Михаил Ильич Воскресенский (ум. в 1867 г.), автор популярных среди современников романов «Он и она» (М., 1836), «Проклятое место» (М., 1838), «Черкес» (М., 1839), «Мечтатель» (М., 1841) и других литературных произведений. Характерные для сочинений Воскресенского мелодраматичность, сложность интриги, аффектированность слога и обилие монологов делали их привлекательными для драматургического переложения. Воскресенский был не только хорошо знаком, но и дружен с М. С. Щепкиным и П. А. Каратыгиным. В 1841 – 1845 годах на петербургской и московской сценах шёл водевиль Каратыгина «Пикник в Токсове, или Петербургские удовольствия» (в Москве представление называлось «Пикник в Кунцеве, или Московские удовольствия»), написанный на сюжет рассказа Воскресенского «Тринадцатый гость».

Основоположник сценического реализма Щепкин вошёл в историю русского театра и как «сценический истолкователь» грибоедовского периода русской драматургии.

В комедии Грибоедова Щепкин играл Фамусова. Современники и историки театра признавали, что наряду с ролью Сквозника-Дмухановского в гоголевском «Ревизоре» роль Фаму-

сова являлась крупнейшим творческим достижением великого актера 30-х годов XIX столетия. Впрочем, как и роль городничего, роль Фамусова далась ему не сразу. Критика упрекала Щепкина в том, что Фамусова он «низводил до Транжирина». Но этот упрек был несправедлив, поскольку сам актер гораздо лучше ощущал Фамусова, чем его рецензенты. Свою недоработку самокритичный Щепкин видел в другом – в недостаточно глубоком, по его мнению, проникновении во внутренний мир, в характер своего героя. Щепкин играл Фамусова до последних дней своей жизни, постоянно совершенствуя способ сценического воплощения образа, срастаясь с ним и, как писал историк А. Кизеветтер, возводил его (наряду с образом городничего) «в перл художественного создания».

В комедии «Утро после бала» Фамусов – главное действующее лицо, на нём, его пред-рассудках сфокусировано всё произведе-ние. Начинается комедия с того, что, сидя в своём кабинете за чайным столом, Фамусов распекает бедного Петрушку, а затем, оставшись в оди-ночестве, придается воспоминаниям о минув-шем дне:

Ну был вчера денёк!
Не вспомнюсь и теперь! Досталась мне и ночка,
Глаз с глазом не сводил! Порядочный урок!
Да хороша и дочка!
И Софья Павловна моя!
Ну ожидал ли я,
Таких проказ в моём семействе скромном?
Еще добро бы я один —
А то при всех, при сборище огромном,
Поднести такой мне блин!
А этот Чацкий – как он? Что он?
С ума ль сошёл, иль очень уж умён?
Приехал к нам весь странностями полон
В французское неверье перекрещён,
Всё не по нём, всё гадко...
Кто желчен сам, тому нигде не сладко!..

Далее события развиваются так. От случайно проговорив-шегося швейцара Фильки Фамусов с ужасом узнает, что Молчалин уже как полгода проводит почти каждую ночь в ком-нате Софьи Павловны. Возмущённый до глубины души он велит гнать его из дома. Но тут в дверях появляется Молчалин, как всегда спокойный и смиренный. Почувяв гнев хозяина, Молчалин падает на колени и просит его быть милостивым:

Молю вас об одном: вы можете сгубить
Меня совсем, о Павел Афанасьич,
Моей отставкой от места! Дайте срок,
Мне прослужить у вас в начальстве, хоть годок!
Уж вот три месяца, Григорий Анастасьич
Наш Прокурор
Меня к отличию представил...
Вы знаете, я честных правил
До сих был пор;
Всем вам обязанный, могу ли...

Фамусов грозитя лично поехать в Петербург и отозвать направленное прокурором представление на Молчалина, и даже лишить его уже имеющегося чина. В ответ на это Молчалин признаётся, что он сочинитель и что у Софьи Павловны есть страсть класть на музыку его стихи. Фамусов не верит Молчалину и грозитя позвать дочь, заставить их выступать дуэтом.

В это время в кабинет Фамусова входят Софья Павловна и её горничная Лиза. Молодым людям Фамусов пытается устроить перекрёстный допрос. Однако Софья наотрез отказывается что-либо говорить в присутствии Молчалина и просит выгнать его вон. Молчалин уходит, прося Лизу замолвить за него «словцо». Но Лиза отвечает отказом и заявляет о разрыве отношений с Молчалиным. Вскоре уходит и она.

Отец и дочь остаются наедине. Фамусов просит Софью рассказать о ее отношениях с Молчалиным. Та клянётся, что ничего серьёзного между ними нет и быть не может:

Ей Богу, ничего!
Неосторожна я – вот всё! Судите сами
Ну есть ли полюбить кого?
Молчалин! Фи! Я просто принимала
Его как писаря, как мальчика к себе;
Он переписывал те ноты, что играла;
Романсы, что пою...

Фамусов хочет верить дочери, но сомневается в том, поверит ли этому свет, который мерит всё на свой аршин. Софья настаивает на своём и признаётся, что в её жизни был человек, с которым она хотела бы любви. На вопрос отца: «Не правда ли? Ведь он... Чацкой?» Софья отвечает утвердительно, но заявляет, что всё это в прошлом, что её чувства он разделял,

...Но долгая разлука
Любовь рассеяла! За ней явилась скука,
И всё прошло, как смутный сон!
Теперь же, признаётся далее Софья, она:
Как степь – скучна, как камень – холодна!

Фамусов бранит дочь за брошенную фразу, вразумляет, что она в Москве, а не в Париже:

Ведь это только там, все рельсы, пар да газы,
Да гальванизм,
Да романтизм,
Да идеалы, да наивность,
Да субъективность, объективность,
Не перечтешь всего, что кончится на: ивность...

На реплику Софьи, что она уже не дитя, Фамусов раздражается тирадой по поводу отвергнутых ею женихов:

Из женихов никем не дорожишь.
У одного карманы пусты,
То нос широк, то брови густы,
Один не хорошо шагнул,
Другой некстати там чихнул,
А третий умного не выговорит слова...

Ей, Софья Павловна – попомните Крылова!

На вопрос Софьи, в чём она все-таки виновата, Фамусов отвечает однозначно:

В том, что не за мужем до сих пор!

Софья проявляет полную готовность выполнить волю отца и выйти замуж за того, за кого пожелает «папаша». Обсуждаются потенциальные женихи: Загорецкий, престарелый, но метящий «в действительные» Фома Фомич, богатый вдовец Репетилов, глупый «как пробка» полковник Скалозуб... При этом, вспоминая вчерашний скандальный день бала, Фамусов признаётся дочери: раз она готова выйти замуж хоть за дурака, надо действовать поспешно. Иначе по Москве:

Пойдут расспросы, толки, заключения...

Неожиданно в дом Фамусовых проезжает Репетилов, специально заглянувший сюда, чтобы узнать, чем кончился вчерашний бал и посочувствовать «другу Фамусову» в его беде. Фамусов делает вид, что не понимает, о чем идёт речь. В разгар их разговора к дому Фамусовых подъезжает старуха Хлестова. Цель её визита та же, что и Репетилова: посочувствовать Фамусову, ведь «...забывать друзей в несчастье не годится». Увидев Хлестову из окна, Фамусов спешит сменить домашнюю одежду на фрак и просит Репетилова принять гостью.

Репетилов и Хлестова с упоением сплетничают. Узнав, что Репетилову в доме Фамусовых не попалась на глаза Софья, Хлестова делает предположение, что девушка сбежала ночью с Чацким. Репетилов в свою очередь пытается убедить старуху, что Софью «подтибрил» Молчалин. Вскоре говорливую компанию дополняет ещё один явившийся в гости к Фамусову московский сплетник – Загорецкий, и разговор возобновляется с новой силой. Неожиданно в комнате появляется Лиза, которая передает Хлестовой просьбу Софьи Павловны «зайти к ней на минутку». Все удивлены: оказывается ничего «такого» в доме Фамусовых не случилось. Хлестова спешит к Софье, желая «доспросить» у неё «всю правду».

Оставшись вдвоем, Репетилов и Загорецкий беседуют, обвиняя в распространении сплетен исключительно «московских барынь». Узнав, что Загорецкий всегда был хорошего мнения о Софье, Репетилов задаёт ему нескромный вопрос о целях его визитов в дом Фамусова. Загорецкий признаётся, что хочет жениться на Софье Павловне. В таком же желании ему признаётся и вдовец Репетилов, трезво оценивая ситуацию:

Почтенный дом, единственная дочь
И с воспитанием завидным...

В итоге выясняется, что оба «жениха» – банкроты, и Софья Павловна интересуется их лишь как «богатая партия». Выбрав мирный путь решения вопроса о том, кому просить у Фамусова руки его дочери, «женихи» бросают жребий. В выигрыше – Загорецкий.

Неожиданно в комнату заглядывает Молчалин, от которого присутствующие узнают шокирующую новость: Софья Павловна уже получила родительское благословение и выходит замуж за полковника Скалозуба, приехавшего к ней с предложением.

Вскоре в комнате появляются Фамусов, Софья, Хлестова, Скалозуб и Лиза. Довольный сватовством полковника Фамусов представляет гостям невесту и жениха. Обескураженные гости поздравляют «счастливую пару». На вопрос Загорецкого: «Да как же скоро так?», Скалозуб в полном соответствии с созданным Грибоедовым образом, чётко, по-полковничьи отвечает:

Да, по-военному-с. Наш брат ведь не тумак,
К чему откладывать дела нам в долгий ящик?
Не помню, кто писал, иль говорил,

Дескать «пришёл, увидел, победил».
Мы-с – этой быстроты образчик!

Радостный от того, что дочь не досталась «в посмешище молве», Фамусов приглашает всех к праздничному столу и велит подать шампанское. Софья же вся в мыслях о ревнивце Чацком.

Заключительное, XIV явление комедии – монолог Софьи Павловны, сначала грустный, наполненный тоской о минувшем счастье, прошедшей любви, а затем, вдруг, неожиданно весёлый:

Отчасти и смешно! И точно: почему ж,
И Скалозуб не будет добрый муж?
О чём тужить? Немножко он простенок...
За то в чинах и не без денег;
Да что и ум? Теперь я поняла сама,
По Чацкому – что право, горе – от ума!

Театральные хроники середины XIX века донесли до нас сведения о том, что комедия-шутка «Утро после бала Фамусова...» в течение ряда лет успешно шла на столичной и провинциальной сцене. Она с любопытством воспринималась зрителями, подогревая интерес к первоисточнику – бессмертной комедии Грибоедова.

Рассказ этот хочу дополнить короткой справкой о том, что путь великого русского актёра Михаила Семеновича Щепкина на московскую сцену проходил через маленькую провинциальную Тулу. На просмотр провинциального актёра в конце августа – начале сентября 1822 года сюда приезжал по просьбе заведующего репертуарной частью Императорских театров в Москве Ф. Ф. Кокошкина известный писатель и театральный деятель М. Н. Загоскин. Посетив ряд спектаклей с участием Щепкина, Загоскин писал в Москву: «Актёр – чудо-юдо, но про-сит много денег, ссылаясь на своё большое семейство». На это последовал ответ Кокошкина: «Ничего не жалеи, всё, что требует, давай, только не упусти сокола и вези скорее ко мне».

Великий охотник до книг

– Вас интересуют книги из собрания Кондратия Фёдоровича Рылеева? – Мария Борисовна Михановская, заведующая отделом редких книг Тульской областной библиотеки, загадочно улыбнулась и подвела меня к одному из огромных книжных шкафов старинной работы, сделанному с изяществом и любовью. – Вот, пожалуйста!..

Маленький ключик еле слышно щёлкнул в замочной скважине, и хозяйка уникальной кладовой, хранящей в своих недрах немало замечательных книжных редкостей, протянула мне стопку книг в коричневатых кожаных переплётках. Было это 40 лет назад, но я до мельчайших деталей помню тот день...

Книги, что лежали тогда передо мной, некогда принадлежали человеку, имя которого будет жить в памяти благодарных потомков как яркий образец гражданского мужества, пламенного патриотизма, величия и благородства души. Поблекшие от времени переплётки, страницы, тронутые желтизной, помнят прикосновения его рук, стремительный полёт его мысли, жаркие споры с друзьями и единомышленниками о свободе, равенстве и счастье людей. На титульных листах отчётливо сохранились надписи, сделанные размашистым росчерком гусиного пера: «Из книг К. Рылеева»...

Страстный революционный поэт, певец свободы, тирано-борец, один из вождей восстания на Сенатской площади, безжалостно казнённый царскими палачами в расцвете творческих сил и дарований, Кондратий Фёдорович Рылеев был не только одним из образованнейших людей своего времени, но и заядлым книголюбом. Серьёзное увлечение книгами пришло к нему ещё в годы юности, в период учебы в Петербургском Первом кадетском корпусе.

Как справедливо отмечают многие биографы поэта-декабриста, его юношеские годы никак не походили на юность Пушкина и его товарищей, которые «безмятежно возрастали» в садах Царскосельского лицея. В кадетском корпусе процветали муштра, палочная дисциплина, жестоко каралось всякое вольнодумие. В начале XIX века директором корпуса был известный немецкий поэт, в молодости друг Гёте Максимилиан фон Клиндер. Автор знаменитой в своё время драмы «Буря и натиск», давшей название литературному движению немецких романтиков, в зрелые годы Клиндер изменил идеалам юности. Переехав в Россию и добившись здесь высоких чинов, он презирал приютившую его страну, был ярким пропагандистом прусских порядков.

Атмосфера Петербургского кадетского корпуса мало способствовала умственному развитию Рылеева и его товарищей, как и он, являвшихся большей частью выходцами из мелкопоместного дворянства. В корпусе была неплохая библиотека, но воспитанников к её фондам допускали с большой неохотой и подозрительностью. Утолить книжный голод, жажду знаний можно было, лишь собирая свою собственную библиотеку.

Сохранились письма, написанные Рылеевым-кадетом отцу. Почти в каждом из них есть упоминание о книгах. В одном из писем Рылеев писал: «Любезный батюшка, сделайте милость, пришлите мне на покупку вещей и бумаги, то сделайте милость, не забудьте мне прислать денег также и на книги, потому что я, любезный батюшка, весьма великий охотник до книг». В другом письме, написанном весной 1810 года, юноша сообщает, что у него набралось уже 15 книг и что ему очень хотелось бы приобрести по случаю у одного знакомого кадета «Полную мате-матику в 7 частях, состоящую и содержащую все математические науки и стоящую 25 рублей, и Жизнь Суворова, в книге недавно вышедшей, стоящую 10 асс. 25 коп.».

В годы учебы в кадетском корпусе Рылеев увлечённо читает труды русских и западноевропейских писателей, как и многие его современники, знакомится с сочинениями французских энциклопедистов. Книги будоражили юный ум, тревожили воображение поэта, давали пищу для пылкого сердца, переступавшего порог «волнуемого страстями мира». «...Я знаю свет

только по одним книгам, – признавался отцу 17-летний Рылеев, – и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нём тысячи питательных для себя надежд».

«Любезный батюшка», отставной подполковник Фёдор Андреевич Рылеев, служивший главноуправляющим киевскими имениями князей Голицыных, был скуп, ворчлив, несговорчив, годами не отвечал на письма сына. Занятый своими делами и заботами, он мало интересовался духовным миром подростка, был далёк от того, чем жил и о чём мечтал юный поэт. Присылать деньги на книги он систематически «забывал», считая увлечение сына детской затеей.

Но страсть Рылеева к книгам разгоралась. В них душа юного поэта искала чудесного. Отказывая себе порой в самом необходимом, он умудрялся приобретать всё новые и новые сочинения.

Надев в 1814 году мундир прапорщика артиллерии, Рылеев участвовал в заграничных походах русской армии. Здесь, по его признанию на суде по делу декабристов, он впервые заразился свободомыслием, познакомился с сочинениями современных публицистов – Биньона, Бенжамена Констана и других.

Возвратившись на родину, Рылеев в полной мере испытал все тяготы и лишения кочевой жизни бедного армейского офицера. Пыльные дороги, утомительные марш-броски, ежедневные многочасовые занятия с солдатами, учебные стрельбы и тренировки, глупые распоряжения невежественных командиров нередко выводили Рылеева из душевного равновесия. Единственным утешением в этой серой, однообразной армейской жизни были занятия литературным творчеством и книги. В местечке Вежайцы, расположенном неподалеку от прусской границы, Рылеев, как и другие офицеры части, квартировал в скромной крестьянской избе. Свой мрачный приют и себя «в мечтах, с пером в руке» он правдиво описал в стихотворном послании «Друзьям (в Ротово)». При этом Рылеев не забыл написать несколько строк и о своих верных друзьях – книгах, которые скрашивали трудности походной жизни и душевное одиночество:

Там кипа книжек рядом
Любимейших лежит;
Их переплёт не златом,
А внутрь добром блесит.

Переезжая вместе с конно-артиллерийской ротой из одной местности в другую, Рылеев постоянно находил возможность заглядывать в книжные лавки и почти всегда отыскивал в них что-то для себя интересное. Известный критик, профессор Петербургского университета А. В. Никитенко, обязанный Рылееву своим выкупом из крепостной зависимости, вспоминал, что его первая встреча с поэтом произошла осенью 1818 года на ярмарке в небольшом городке Воронежской губернии Острогоске. В лавке местного книготорговца Рылеев покупал книгу известного французского просветителя, социолога и историка Шарля Луи Монтескье «Дух законов».

О пристрастии Рылеева к книгам вспоминал и один из его сослуживцев, артиллерийский офицер А. И. Косовский. Он отмечает, что Рылеев «старался приобрести все лучшие сочинения русских авторов, часть коих получал из Петербурга от матери и дяди своего».

В декабре 1818 года Кондратию Фёдоровичу Рылееву удаётся, наконец, освободиться от тяготившей его военной службы. Он выходит в отставку в чине подпоручика и вскоре женится на дочери небогатого воронежского помещика Наталье Михайловне Тевяшовой. Этот брак был браком по любви, он оказался счастливым. Наталья Михайловна стала верной спутницей поэта, вместе с ним делила радости и невзгоды жизни.

Переезд в Петербург, служба в уголовной палате и Российско-Американской компании, снискавшая Рылееву искреннее уважение современников, активная литературная, издатель-

ская деятельность побуждают Рылеева к новым обширным книжным приобретениям. Домашняя библиотека поэта разрастается. На её полки ложатся сочинения по истории, политической экономии, правоведению, философские трактаты, книги о путешествиях и географических открытиях. Рылеев внимательно следит за новинками художественной литературы. Известные писатели, поэты, учёные, с которыми он устанавливает тесную дружбу, дарят издателю «Полярной звезды» свои труды.

Осенью 1823 года Рылеев вступает в Северное тайное общество, а вскоре становится одним из его руководителей. В жизни поэта начинается новый, самый важный и ответственный этап. Его интерес к вопросам политики, философии, морали день ото дня возрастает и обостряется. Книги давали ответ на многие волновавшие Рылеева вопросы, вселяли уверенность в правоте дела, на службу которому он поступил.

Петербургское наводнение 7 ноября 1824 года, так ярко описанное Пушкиным в «Медном всаднике», приносит Рылееву немало огорчений. В отсутствие самого поэта и его жены их квартира на берегу Мойки у Синего моста оказалась затопленной водой. Лишь благодаря отчаянным стараниям А. А. Бестужева-Марлинского удаётся спасти от гибели наиболее ценные вещи и около половины книг рылеевской библиотеки. Вернувшись в Петербург, Рылеев пытается восполнить потерю, приобретая взамен испорченных водой новые экземпляры нужных ему сочинений. Большую помощь в этом ему оказывает книготорговец А. Ф. Смирдин, ставший к тому времени владельцем одной из лучших книжных лавок Петербурга.

Зная напористость, целеустремлённость Рылеева, широту его умственных интересов, всепоглощающую любовь к книге, можно легко предположить, что со временем библиотека поэта могла бы стать одним из интереснейших в России частных книжных собраний. Однако случиться этому было не суждено. Книги, любовно собранные поэтом-революционером, разделили его трагическую участь.

Рылеев сознавал и заранее предчувствовал возможность поражения восстания. В «Исповеди Наливайки» (1824), как бы предвещая свою судьбу, поэт писал:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первым восстает
На притеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Горькие предчувствия не помешали Рылееву совершить свой гражданский подвиг, твёрдо и решительно отстаивать свои идеалы, выйти 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь.

Ещё накануне восстания и последовавшего затем ареста Рылеев раздаёт друзьям и знакомым часть своего домашнего архива и некоторые книги библиотеки. Надо полагать, что вскоре после известия о провале выступления и аресте его участников многое из того, что было роздано поэтом, оказалось уничтоженным. Арестов и обысков в те тревожные для России декабрьские дни опасались не только прямые участники заговора и их близкие, но и многие из сочувствовавших декабристам людей. Хранить у себя в доме бумаги и книги одного из вождей восстания было небезопасно.

И вот мрачный каземат Петропаловской крепости, унижительные допросы в следственной комиссии, редкие письма на волю. Но и в этих невероятно тяжёлых условиях Рылеев не забывает о книгах. 21 января 1826 года он просит в письме жену прислать ему все одиннадцать томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, оговариваясь при этом, что ему нужны «не те, которые испорчены наводнением, а лучшие», то есть купленные взамен.

В другом письме он просит жену вернуть в книжную лавку А. Ф. Смирдина книги, счета за которые к моменту ареста оказались неоплаченными. В ответ на вопрос Натальи Михайловны, как быть с книгами, Рылеев советует ей часть книг распродать, а часть, самые лучшие, оставить, поскольку со временем они могут пригодиться дочери Настеньке, которой в ту пору шёл седьмой год.

13 июля 1826 года Рылеев был казнён. Через несколько месяцев после гибели поэта его вдова и дочь были вынуждены покинуть Петербург и переехать в воронежское имение Тевяшовых Подгорное. Сюда же Наталья Михайловна перевозит уцелевшую часть архива и библиотеки мужа.

Впервые судьбой библиотеки поэта-декабриста заинтересовался талантливый литературовед, большой знаток жизни и творчества К. Ф. Рылеева А. Г. Цейтлин. В 1954 году в 59-м томе «Литературного наследства» он опубликовал интересную статью «О библиотеке Рылеева», в которой рассказал об известных ему экземплярах книг из собрания поэта. «Книг с автографами (надписью „Из книг К. Рылеева“), – пишет Цейтлин, – до нас дошло не более полтора десятка; конечно, это лишь весьма малая часть того, что находилось в его доме». Книги с владельческими надписями Рылеева, о которых упоминал литературовед, хранились тогда в различных музеях и собраниях Москвы, Ленинграда, частных коллекциях.

О книгах из рылеевской библиотеки, хранящихся в Туле, стало известно позднее, в начале 60-х годов, когда началось систематическое изучение библиотечного фонда. Тульская коллекция наиболее значительная. Она насчитывает 13 книг с автографами поэта. Тульская находка позволяет существенно дополнить имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о литературных интересах Рылеева, характере и происхождении его книжного собрания.

На одной из книг автору этих строк удалось обнаружить пометы, сделанные рукою Рылеева. Это выпущенная в 1804 году в московской типографии Христофора Клаудия книга французского писателя Анри Блаза-де Бюри «Краткая история о философах и славных жёнах», переведённая на русский язык Михайлой Падериным. Рылеев, как известно, с большим интересом изучал исторические сочинения разных авторов. Наряду с углублённым изучением истории России, еще в период учебы в кадетском корпусе его серьёзно занимала история Древней Греции и Древнего Рима. В сентябре 1815 года в письме воображаемому другу из Парижа Рылеев писал: «Помнишь ли, как мы читали Исторические описания славных деяний Рима и Древней Греции! Это Басни! – восклицал ты часто. Сообрази теперешние случаи с тогдашними, и ты увидишь, что происшествия наших времён более достойны удивления, более невероятны, нежели всё до оных в мире случившееся...».

В Российском государственном историческом архиве хранятся выписки, сделанные Рылеевым из сочинений античных и западноевропейских авторов. Среди них отрывок из сочинений римского историка Плиния, посвящённый императору Траяну. Рылеев сочувственно воспроизводит высказывание историка о Траяне как об императоре-гражданине, отце отечества, почти-тавшем себя равным со своими подданными.

Эта выписка перекликается с пометой Рылеева (знаком NB) на книге Бюри. На 310-й странице этого сочинения поэт отмечает цитируемые историком слова Траяна о том, что достоинство императора быть таким правителем, «какого он сам желал иметь, будучи простым гражданином». В другом месте книги, на 352-й странице, внимание Рылеева привлёк аскетический образ жизни римского императора Юлиана.

С «Краткой историей о философах и славных жёнах» Рылеев, по всей вероятности, познакомился до 1823 года, времени, когда он перешёл на республиканские позиции. Знакомство с книгой Бюри совпало по времени с увлечением Рылеева литературой, в которой идеализировались просвещённые монархи, способные облагодетельствовать своих подданных вниманием к ним, живущие едиными с простым народом законами. Характерно, что эти мотивы

нашли своё выражение и в некоторых поэти-ческих сочинениях Рылеева, например, в думе «Ольга при могиле Игоря» (1822) и оде «Видение» (1823).

Наряду с «Историей государства Российского» Карамзина, о которой Рылеев упоминал в письме из Петропавловской крепости, в его библиотеке были собраны исторические сочинения, посвящённые отдельным периодам прошлого. Подтверждением этому служит хранящееся в Туле «Сокращенное описание жизни Петра Великого, императора всея России», переведённое с французского языка и изданное в Петербурге в 1771 году.

Большой интерес представляют изданные в Москве в 1810 году «Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим»⁶. Мемуарист, известный государственный деятель России XVIII века подробно повествует о нравах современного ему петербургского высшего общества, даёт характеристики ряду исторических деятелей, среди которых Рылееву особенно импонировал сподвижник Петра Первого Артемий Петрович Вольтинский, казнённый в 1740 году императрицей Анной Иоанновной по ложному навету Бирона. Рылеев посвятил Вольтинскому одну из своих известных дум, в которой идеализировал его как человека, отстаивавшего русское начало при заполненном иностранцами дворе императрицы Анны. В думе «Вольтинский» Рылеев во многом следует за мемуаристом, писавшим о нём как о человеке, разговорами своими поселявшем «высокое мнение о любви своей к отечеству, о ревности ко славе монаршей и усердии к пользе общественной».

«Наказ Ея Императорского величества Екатерины Второй самодержицы Всероссийской, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями», изданный в Петербурге при Императорской академии наук в 1776 году, мог заинтересовать Рылеева не только как литератора, но и как заседателя Петербургской уголовной палаты. Экземпляр этот особенно интересен тем, что на лицевой стороне его изящного, из тонкой кожи переплёта отчетливо сохранилось золотое тиснение «Ф. Р.». Надо полагать, что книга эта перешла к Рылееву от отца, умершего в 1814 году. Криптоним «Ф. Р.» – не что иное, как начальные буквы его имени и фамилии – «Фёдор Рылеев». Как свидетельствуют исторические документы, отец поэта пользовался милостью у государыни, выполнял ее личные поручения.

«Санкт-Петербургский вестник», содержащий все указы императрицы и отпечатанный в 1780 году в петербургской вольной типографии Вейтбрехта и Шнора, вероятно, также служил Рылееву справочным пособием при разборе дел в уголовной палате. Сохранилась лишь одна, шестая, часть этого издания, содержащая императорские указы с июня по декабрь 1780 года. По всей вероятности, в библиотеке Рылеева был не один этот том, а целый комплект «Вестника».

Во время службы в Российско-Американской компании Рылеев наверняка пользовался «Хозяйственными записками, или Собранием полезных опытностей во всех частях хозяйства», ежемесячным сочинением, издававшимся Вольным экономическим обществом. В Туле сохранился второй том записок, выпущенный в Петербурге в 1815 году.

Есть в тульской коллекции рылеевских книг и художественные сочинения. В их числе «Сатиры Александра Сумарокова», оказавшиеся, вероятно по воле переплётчика, как это нередко бывало, под одной обложкой с «Сокращённым описанием жизни Петра Великого». Вслед за Н. И. Новиковым и А. Н. Радищевым Рылеев с глубоким уважением отзывался о Сумарокове. В стихотворном послании к Н. И. Гнедичу (1821) Рылеев дал суровую отповедь тем, кто подвергал Сумарокова несправедливой критике. Рылеев назвал Сумарокова в этом стихотворении «любимцем первым российской Мельпомены», со смертью которого у нас «трагедия осиротела».

Любимейший поэт молодого Рылеева – Гаврила Романович Державин – представлен в тульской коллекции рылеевских книг четырьмя разрозненными томами из «Сочинений Дер-

⁶ * Сохранилась вторая часть этого издания с владельческой надписью К.Ф.Рылеева.

жавина» (части I, III, IV и V). Первые четыре тома «Сочинений» были изданы в 1808 году в петербургской типографии Шнора, а пятый том – в 1816 году в типографии В. А. Плавильщикова. На шмуц-титule последнего, вышедшего в год смерти поэта тома, имеется его автограф – «Г. Державин».

Рылеев высоко ценил творчество Державина, искренне уважал его как человека и гражданина. Державину поэт-декабрист посвятил думу, опубликованную в 1822 году в журнале «Сын Отечества». Это произведение литературоведа и биографа Рылеева справедливо причисляют к программным. В нём с яркой силой раскрываются роль и предназначение поэта в мире, его высокий удел. Вместе с тем это и дань уважения патриоту, перед которым искренне преклонялись многие участники тайных декабристских организаций.

Не умер пламенный певец:
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Не в силах отказать и рок
Тебе в бессмертии, Державин!

К сожалению, остаётся загадкой происхождение державинско-го автографа на принадлежавшей Рылееву книге. Не исключено, что в 1816 году молодой артиллерийский офицер имел короткую встречу со знаменитым поэтом и тот подарил ему только что вышедший томик своих сочинений. Однако вероятнее всего другое: книга была приобретена Рылеевым уже с автографом поэта после его смерти. Предприимчивый петербургский книготорговец и издатель В. А. Плавильщиков, продолживший начатое в 1808 году Шнором издание «Сочинений Державина» выпуском их пятой части, по всей видимости, упросил автора поставить собственноручную подпись на части тиража, что в значительной степени способствовало более быстрому его распространению. Интересно, что известные советские библио-филы Н. П. Смирнов-Сокольский и И. Н. Розанов также имели в своих собраниях аналогичные издания с автографами Державина.

В Москве, в Государственном литературном музее, хранится принадлежавшая некогда Рылееву четвертая часть «Сочинений Богдановича», изданная в Московской университетской типографии в 1819 году. Вторая и третья части этого издания обнаружены в Туле. Рылеев называл автора знаменитой «Душеньки» «любимцем Муз и Граций», восхищался лёгкостью его литературного слога.

Любопытна ещё одна деталь, характеризующая Рылеева не только как знатока творчества И. Ф. Богдановича, но и как опытного библиофила. Среди хранящихся в рукописном фонде Института русской литературы черновых набросков Кондратия Федоровича к «Историческому словарю русских писателей» (замысел его не был осуществлён) есть упоминание о поэме «Душенька». «Второе издание оной редко, – отмечает Рылеев, – ибо последние экземпляры оною в 1808 году Академический комитет правления с прочими книгами продал на вес по 4 р. 5 к. за пуд».

Книги с владельческими надписями К. Ф. Рылеева по праву являются гордостью Тульской областной библиотеки. Но как попали они в город русских оружейников, какие попутные ветры занесли их сюда? Доподлинно известно, что сам поэт никогда не бывал в Тульском крае, хотя род Рылеевых и был внесен в VI часть родословной книги Тульской губернии. Не было

у него здесь и особо близких друзей, которые могли бы привезти сюда и сохранить для потомков часть рылеевской библиотеки.

В 1963 году в тульской областной газете «Коммунар» была помещена небольшая заметка тогдашнего директора библиотеки Николая Васильевича Забашты, посвящённая находке книг из собрания Рылеева. Её автор высказывал предположение, что рылеевские книги хранились ранее в библиотеке тульского помещика Р. А. Писарева. Писаревская библиотека была одним из трёх крупнейших книжных собраний из помещичьих усадеб, которые легли в основу открытой в мае 1919 года Тульской городской (позднее областной) публичной библиотеки. Однако предположение Забашты ничем не подкреплялось. Более того, автор статьи ошибочно принял за рылеевские две книги из библиотечного фонда, явно не имевшие никакого отношения к собранию поэта-декабриста.

Труд литературного следопыта очень схож с работой следователя-криминалиста. Разница лишь в том, что следователь имеет, как правило, дело с событиями, давность которых невелика. Литературный же следопыт восстанавливает истории многолетней, иногда даже многовековой давности.

Обычно, чтобы восстановить ход тех или иных событий, следователь разрабатывает определённую версию. Иногда их набирается две, три и более. Точно так же поступает и литературный следопыт.

Из всех возможных вариантов самым достоверным казалось предположение о том, что книги из библиотеки Рылеева, хранящиеся в Туле, остались после гибели поэта в его семье, относились к числу тех, которые не были проданы или подарены, а по совету Кондратия Федоровича оставлены его женой для дочери Настеньки. Казалось сомнительным, чтобы Наталья Михайловна Рылеева без особой на то нужды могла расстаться с великолепными изданиями сочинений Державина, Богдано-вича, Сумарокова... Человеком она была достаточно образованной, знала толк в книгах, да и вряд ли могла послушаться предсмертного совета мужа оставить лучшие книги библиотеки для дочери.

Дальнейшие поиски подтвердили правильность этого предположения: тульская коллекция книг из библиотеки Рылеева действительно является частью того, что осталось в семье казнённого поэта, что перешло к его дочери.

При этом открылись малоизвестные страницы биографии Анастасии Кондратьевны Рылеевой, черты ее нравственного облика. Оказалось, что дочь поэта-декабриста более 30 лет прожила в Туле и Тульской губернии, что именно здесь, на тульской земле, в каменной церкви села Кишкина бывшего Тульского уезда покоится её прах.

Но обо всем по порядку. Стремясь обеспечить своей осиротевшей дочери хорошее образование, Наталья Михайловна определила ее в подростковом возрасте в учебное заведение для бедных дворянских девушек – Петербургский патриотический институт. Здесь Анастасия Рылеева обучалась на пенсию, «милостиво» предоставленную ей убийцей отца – Николаем I.

В 1842 году, после окончания патриотического института, она вышла замуж за поручика-кирасира, небогатого тульского помещика Ивана Александровича Пущина, который приходился дальним родственником друга Пушкина и Рылеева, активного участника движения декабристов Ивана Ивановича Пущина. В середине 50-х годов XIX столетия, после отставки Ивана Александровича, военная карьера которого сложилась не очень удачно, супруги поселились в родовом имении Пущиных, деревне Кошелевке под Тулой. Здесь же у них хранился семейный архив К. Ф. Рылеева и оставшиеся книги из его библиотеки.

Жизнь дочери государственного преступника была нелёгкой. Но прожита она была достойно, с гордо поднятой головой. Сохранив в сердце священную память об отце, Анастасия Кондратьевна многие годы посвятила тому, чтобы восстановить в русской литературе, в отечественной истории светлое имя Рылеева и его товарищей-декабристов. Она дружила со мно-

гими видными деятелями русской культуры, знала товарищей отца, которым после амнистии 1856 года было разрешено переселиться из Сибири в Центральную Россию.

В марте 1858 года Анастасию Кондратьевну разыскал вернувшийся из сибирской глуши Иван Иванович Пущин. Написал ей письмо с желанием увидеться, переслал 430 рублей серебром, свой давнишний долг Кондратию Федоровичу. Анастасия Кондратьевна немедленно ответила. В её письме, хранящемся ныне в Государственном историческом музее в Москве, были такие строчки: «С глубоким чувством читала я письмо Ваше, не скрою от Вас, даже плакала. Я была сильно тронута благородством души Вашей и теми чувствами, которые Вы до сих пор сохранили к покойному отцу моему. Примите мою искреннюю благодарность за оные и будьте уверены, что я вполне ценю их. Как отрадно мне будет видеть Вас лично и услышать от Вас об отце моем, которого я почти не знаю. Мы встретим Вас как самого близкого родного».

Их встреча состоялась осенью 1858 года в Кошелевке. Об этом радостном для обоих событии старый декабрист незадолго до своей кончины писал: «В бытность мою в Тульской губернии я навестил Настеньку, или, лучше сказать, Настасью Кондратьевну Пущину. Муж её, отставной кирасир, живёт в деревне, а зимой в Туле, где старшие три сына учатся в гимназии. Все семейство состоит из 9 человек. Она приняла меня как родственника, и мы вместе поплакали о Кондратии, которого она помнит и любит. Мать её несколько лет тому назад, как умерла... Встреча наша необыкновенно перенесла меня в прошедшее. О многом вспомнили...».

Вглядываясь в черты Анастасии Кондратьевны, старый декабрист нашёл в ней немало сходства с отцом: та же быстрота взгляда, та же неукротимая внутренняя энергия.

Во время встречи встал вопрос об издании сочинений Рылеева. Имя поэта к тому времени в России было почти забыто, находилось под строгим цензурным запретом. Иван Иванович выразил горячее желание содействовать публикации сочинений Кондратия Фёдоровича, вышедших последний раз в роковом 1825 году, обещал привлечь к этому делу Е. И. Якушкина. Анастасия Кондратьевна была ему безмерно благодарна и перед отъездом передала ряд хранившихся у нее материалов, в том числе письмо Рылеева из крепости, его рукописи и портрет. После этого, чтобы ускорить издание, она лично обратилась за разрешением к министру просвещения, в ведении которого находилась светская цензура. Однако министерство осталось глухо к просьбе дочери опального поэта. В августе 1859 года Иван Иванович Пущин умер, и Анастасии Кондратьевне пришлось самостоятельно искать каналы для публикации произведений отца.

В конце 50-х – начале 60-х годов XIX века часть имевшихся в распоряжении Анастасии Кондратьевны материалов попадает за границу, где в это время создаётся вольная русская пресса, выходят издания с произведениями запрещённых в России авторов.

В 1861 году в Лондоне, в Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, с предисловием Огарёва вышел в свет сборник «Русская потаённая литература XIX столетия», в котором были опубликованы солдатские песни К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева-Марлинского. В 1862 году, в шестой книге альманаха «Полярная Звезда» Герцен опубликовал переписку Рылеева и Пушкина.

Одним из зарубежных центров, где печаталась бесцензурная русская литература, наряду с Лондоном был Лейпциг, город образцовой европейской полиграфии. Выпуск запрещённых в России произведений здесь был налажен стараниями Варвары Семёновны Миклашевич (псевдоним – Юрий Приваловский) и немецкого издателя Вольфганга Гергарда. В частности, в 1858 году в издательстве Гергарда был выпущен небольшой сборник стихотворений лучших русских авторов, где наряду со стихами Пушкина и Лермонтова были опубликованы и стихи Рылеева.

В 1862 году также в лейпцигском издательстве Вольфганга Гергарда была выпущена в карманном формате и подарочном, с золотым обрезом исполнения книга «Сти-

хотворения К. Ф. Рылеева с его жизнеописанием», включавшая 51 стихотворение поэта-декабриста, поэму «Войнаровский» и «Думы». Сборник открывается знаменитой рылеевской сатирой 1820 года «К временщику», сделавшей поэту имя в русской литературе. Он содержит в себе практически всё лучшее, что было создано поэтом за его короткую драматическую жизнь. Сборнику предпосланы довольно подробная биография Рылеева, написанная Павлом Фуксом (выяснить, кто это, мне, к сожалению, не удалось), и рассказ очевидца о казни декабристов.

Среди представленных в поэтическом сборнике Рылеева сочинений есть и дума «Дмитрий Донской», посвящённое Куликовской битве. Интересна она тем, что поэт вложил в уста московского князя призывы декабристского движения:

«Летим – и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцов свободу
И древние права граждан.
Туда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша – бог и меч!
Сразим Монголов и, как бремя,
Ярмо Мамаю сбросим с плеч!»

.....
– К врагам! за Дон! вскричали войски,
За вольность, правду и закон! —
И, повторяя клик геройский,
За Князем ринулися в Дон.

Это издание – одна из жемчужин моей библиотеки. Его не было даже в уникальном книжном собрании Н. П. Смирнова-Сокольского. А приобретена книга самым заурядным образом, в 1980 году, в одном из букинистических магазинов Москвы!

Есть в моей библиотеке и менее редкое, но весьма примечательное издание – первый том «Полного собрания сочинений Кондратия Фёдоровича Рылеева», отпечатанный в 1906 году в московской типографии «Сокол». Этой книгой открывалась серия «Библиотека декабристов», издание которой стало возможным в результате временной отмены в дни революции 1905 – 1907 годов предварительной цензуры. «Декабристы, – говорилось в редакционном предисловии к книге, – оставили по себе богатое наследие, но благодаря тому, что оно разбросано в малодоступных уже теперь журналах, заграничных изданиях, частных рукописях и архивных документах, оно подчас мало известно читателю; поэтому прямою задачей момента является собрать весь этот материал воедино, представить его в возможно полном виде и сделать его доступным всем и каждому».

Пояснениями к сочинениям Рылеева служили отрывок из статьи А. И. Герцена «Заговор 1825 года», воспоминания о Рылееве декабриста Н. А. Бестужева, статья редактора – издателя «Библиотеки декабристов» Г. Балицкого «Поэзия гражданской борьбы (К. Ф. Рылеев)».

К сожалению, из прекрасно задуманной серии издателю удалось выпустить лишь несколько книг, в том числе первый том Рылеева. С ослаблением революции цензура вновь была восстановлена во всех своих сомнительных правах.

Насколько причастна была Анастасия Кондратьевна Рылеева к лейпцигскому изданию стихотворений ее отца – судить не берусь. Однако без неё дело явно не обошлось. В статье П. Фукса, например, приводится ряд подробностей из жизни поэта, о которых могли знать лишь его родные и близкие, содержится текст предсмертного письма Рылеева жене.

В 60-е годы позапрошлого века Анастасия Кондратьевна познакомилась с известным ревнителем российской старины, замечательным библиографом и литературоведом, издателем «Русского архива» Петром Александровичем Ефремовым. Дочь декабриста помогала ему в сборе документальных материалов об участниках восстания на Сенатской площади, розысках их литературного наследия. Ею были подготовлены и переданы для публикации многие материалы рылеевского архива.

Анастасия Кондратьевна и в эти годы неоднократно обращалась с прошением к властям об издании поэтических сочинений К. Ф. Рылеева. Однако власти даже спустя многие десятилетия опасались произносить имя поэта-декабриста. Всякий раз на её просьбы они отвечали отказом. Известны такие случаи. В 1871 году цензурный комитет приостановил издание сборника П. И. Бартенева «19 век» только за то, что в нём содержались письма Рылеева и воспоминания о нём Е. П. Оболенского и Н. А. Бестужева. В том же году подготовленное к печати стихотворение Рылеева было изъято из октябрьской книжки журнала «Русская старина».

Уже отчаявшись издать произведения Рылеева в России, Анастасия Кондратьевна по совету П. А. Ефремова обращается к троюродному брату отца – флигель-адъютанту А. М. Рылееву, коменданту императорской главной квартиры, который пользовался особым доверием при дворе. А. М. Рылеев выступает ходатаем за казнённого брата перед Александром II и добивается всемилостивейшего разрешения на издание его сочинений.

В 1872 году «Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева» выходят в свет. На титульном листе книги значилось «Издание его дочери». Книга была беспощадно урезана цензурой, не содержала портрета автора, а также многих его стихотворений. Была урезана и переписка поэта-декабриста. Но и в таком виде книга прошла немало мытарств, прежде чем прийти к читателю. Ей не давали дороги, подвергали аресту, пытались уничтожить уже отпечатанный двухтысячный тираж. Когда же книга появилась, наконец, на прилавках книжных магазинов, о ней заговорили как о важном событии в культурной жизни страны.

В марте 1878 года с Анастасией Кондратьевной Рылеевой-Пущиной познакомился Лев Николаевич Толстой, собиравший в то время материалы к задуманному роману «Декабристы». Их встреча произошла в Туле, в доме Евгении Ивановны Пущиной, хорошо знавшей Льва Николаевича Толстого. В одном из писем жене Толстой писал, что во время встречи с дочерью декабриста «узнал много интересного».

После смерти Анастасии Кондратьевны в мае 1890 года архив и библиотека поэта-декабриста перешли к её детям. У Пущиных было трое сыновей и четыре дочери. По всей видимости, каждый из внуков Рылеева хотел иметь у себя в семье память о знаменитом деде. Так архив и библиотека поэта оказались разрозненными. От потомков Рылеева в разные годы архивные документы и книги поступили в разные государственные музеи и хранилища. Кто-то из них сделал дар Тульской областной библиотеке. Произошло это, по всей вероятности, в первые годы Советской власти, когда библиотека только создавалась. Приходится лишь сожалеть, что имя человека, передавшего рылеевские книги в дар Туле, осталось неизвестным.

На этом рассказ о тульской коллекции книг из библиотеки поэта-декабриста Кондратия Фёдоровича Рылеева и его замечательной дочери можно было бы завершить. Но неожиданно появилось продолжение. В один из дней 1976 года, вскоре после публикации в газете «Советская культура» моей статьи о рылеевских книгах, раздался телефонный звонок. Звонила Мария Борисовна Михановская:

- Не могли бы Вы приехать сейчас в библиотеку?
- Могу. А в чём, собственно, дело?

– К нам гость из Москвы, Николай Николаевич Органов. Эта фамилия, наверное, Вам ничего не говорит. Но он праправнук Кондратия Фёдоровича Рылеева и хотел бы с Вами познакомиться...

В небольшой комнатке, которую занимал тогда справочно-библиографический отдел библиотеки, навстречу мне из-за стола вышел высокий седой мужчина с доброй улыбкой и умными пронизательными глазами. Мой взгляд, очевидно, дольше, чем следовало бы, остановился на его лице.

Николай Николаевич заметил это.

– Что? Ищете сходство с Рылеевым? – пошутил он. – Не ищите, я на него совсем не похож. Ведь все родство с Кондратием Фёдоровичем у меня по женской линии, да потом столько поколений сменилось...

Несколько часов кряду разговаривали мы с ним о Рылееве, его друзьях-декабристах, о книгах из библиотеки поэта. Познакомиться с тульской коллекцией рылеевских книг Николай Николаевич приехал не ради любопытства, а по просьбе Государственного исторического музея.

– Культ Рылеева в нашей семье, – рассказывал Николай Николаевич, – существовал всегда, сколько я помню. Бережно хранились и передавались из поколения в поколение семейные реликвии, некогда принадлежавшие Кондратию Фёдоровичу. Хранились и книги из библиотеки поэта, документы. В разное время всё это передавалось в музеи, архивы. К сожалению, сам я стал всерьёз интересоваться своим знаменитым предком сравнительно недавно, когда ушёл на пенсию. До этого как-то не удавалось: то война, то работа.

Когда велась подготовка к 150-летию восстания на Сенатской площади, Николая Николаевича, как он сам выразился, «разыскали» вездесущие музейщики, привлекли к сбору документов и материалов о декабристах. К поручению сотрудников исторического музея Николай Николаевич отнесся с ответственностью. Незаметно и сам увлёкся интересным и благородным делом, отдав ему немало сил и времени.

Прощаясь, Николай Николаевич подарил мне на память альбом, выпущенный Государственным историческим музеем к 150-летию восстания на Сенатской площади, фотокопию хранившегося в семье редкого портрета Рылеева, а также набросанную им на листке из школьной тетради родословную семьи Рылеевых-Пушиных.

Книгами из библиотеки К. Ф. Рылеева одно время интересовался известный советский искусствовед, лауреат Государственной премии профессор И. С. Зильберштейн. В 1986 году в 14-м номере журнала «Огонек» он опубликовал статью на эту тему, в которой рассказал о своей работе над томами «Литературного наследия», посвящёнными декабристам-литераторам, о публикации статьи А. Г. Цейтлина «О библиотеке Рылеева», о своих поисках рылеевских книг в Париже. Благодаря Зильберштейну здесь отыскались два издания, принадлежавшие поэту-декабристу: трагедия Вольтера «Меропа», «переложенная в стихи из русской прозы Василием Майковым», изданная в 1775 году в Москве при государственной Военной коллегии, и первая часть издававшегося в 1815 году в Петербурге журнала Андрея Кропотова «Демокрит». О тульской коллекции книг из библиотеки Рылеева Зильберштейн, к сожалению, в своей статье почему-то не упомянул, хотя к этому времени о ней уже было известно научной общественности из моих публикаций в центральных и местных изданиях.

Познание России

Воспитанник Тульской духовной семинарии Иван Сахаров считался отроком до наук прилежным, только очень уж дотош-ным. Другим, бывало, что ни скажут семинарские преподаватели, какую книгу ни посоветуют, оно и достаточно. А этого всё тянуло к подробностям.

Семинарское начальство поглядывало на него искоса: «Ишь ты, какой выискался! Больше нашего знать желает. Не к добру все это. Молод ещё, зелен...».

Обидно было юноше слышать несправедливые упреки. Но ничего не поделаешь, никому не пожалуешься, не расскажешь о своих горечах. У других семинаристов отцы в разных чинах и званиях ходили, а у него отец умер. Старушка мать сына не понимала, смиренным быть советовала, не идти поперёк воли начальства.

Но Иван был настойчив. Видимо, шло это у него от праотцов, вольных русских землепашцев. Каждый свободный час отдавал пылливый юноша книгам. В наследство от отца, бедного тульского священника, досталась ему небольшая библиотека. Среди её книг были сочинения по истории и естествознанию, изящной словесности. Они-то и стали для Ивана Сахарова первой тропинкой к «вратам учёности».

Особенно привлекала семинариста русская история, ее захватывающие воображение былинные образы, героические страницы борьбы русского народа против иноземных завоевателей, богатая материальная и духовная культура Древней Руси. С усердием и старанием изучал юный семинарист исторические сочинения Н.М.Карамзина, бывшие в то время единственным полным сочинением о прошлом России. «Долго и много читал я Карамзина, – вспоминал впоследствии Сахаров. – Здесь-то узнал я родину и научился любить русскую землю и уважать русских людей».

Сочинения маститого историка пробудили в юноше горячее желание познать историю родного края. «Среди чтения истории Карамзина являлась всегда одна мысль: что же такое Тула и как жили наши отцы,» – признавался Сахаров много лет спустя.

Первым шагом на пути познания родного края стали выписки из карамзинских сочинений всего того, что касалось событий, связанных с Тулой. Однако вскоре этого оказалось недостаточно.

Как-то, совсем случайно, находясь в ризнице тульской Казанской церкви, где обычно во время богослужений, выражаясь языком современным, «проходили практику» семинаристы, Сахаров среди прочих старых бумаг обнаружил небольшой древний свиток. Взволнованно забилось сердце. Ведь это и была сама история!

Свиток оказался копией «Грамоты государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны на Тулу воеводе князю Шаховскому», дати-рованной апрелем 1688 года. Документ содержал интересные подробности тульской жизни конца XVII столетия. Он и навёл Сахарова на мысль о том, что изучать историю родного края надо не только по трудам историков, но и по сохранившимся историческим документам и памятникам.

С жаром юного сердца, с энтузиазмом первооткрывателя Сахаров начинает выявлять, изучать и систематизировать сохранившиеся в Туле древности. Пылливому юноше с большим трудом, но все же удаётся проникнуть в архивы Тульского городского магистрата и Императорского оружейного завода. Здесь под слоями вековой пыли он находит немало интересных и ценных исторических свидетельств.

В летние месяцы, когда семинаристов отпускали на каникулы, для Сахарова начиналась горячая пора. Перекинув через плечо котомку с нехитрым скарбом, прихватив с собой перо да бумагу, он отправлялся пешком по городам и весям Тульской губернии. Много неизвестных для историков и ценных для изучения прошлого края документов обнаружил и скопировал он

в церковных и монастырских архивах древних городов – Белёва, Венёва, Епифани, Одоева, в Жабьинской пустыни и других заповедных местах тульской старины.

Но не только старинные рукописи и книги прельщали юного краеведа. С большим вниманием и любовью собирал он народные песни и сказания, записывал подробности крестьянской жизни, бытовавшие обряды, «прислушивался к чудной русской речи».

По-разному относились к увлечению Сахарова окружавшие его люди. Семинарское и епархиальное начальство по-прежнему чинило препятствия. Особенно не по душе были занятия семинариста епископу Дамаскину. Наделённый высокими полно-мочиями невежда на каждом шагу твердил: «Занимался бы ты, Сахаров, своим делом! На что нам твоя история? Жили мы счастливо без неё до тебя, проживём и после...».

Но были у юного краеведа и покровители. К их числу относились преподаватель Тульского кадетского корпуса И. Ф. Афремов, преподаватель гимназии Ф. Г. Покровский, директор училищ Тульской губернии Е. Н. Воронцов-Вельяминов. Люди высокообразованные и культурные, они по достоинству оценили усердие начинающего историка.

К последнему курсу семинарии у Сахарова накопился солидный исторический материал, который он свёл в рукописную «Тульскую историю». В начале 1830 года друзья пытливого молодого человека стали настаивать на публикации в печати некоторых наиболее значительных его находок.

Безвестному семинаристу, не имевшему к тому же за душой и ломаного гроша, трудно было рассчитывать на выпуск отдельной книги или публикацию собранных материалов в солидном историческом издании. Другьям Сахарова удалось уговорить тульского книгопродавца Титова и владельца овощной лавки Назарова, часто бывавших в Петербурге и Москве по торговым делам, прихватить с собой при случае работы молодого краеведа и по возможности пристроить их в столичные журналы.

Торговцы взялись помочь краеведу. В Петербург с Титовым была отправлена копия с грамоты XVII века, найденной Сахаровым, а в Москву с Назаровым – отрывок из «Тульской истории». Публикация грамоты в Петербурге затянулась почти на три года. Она была напечатана лишь в 1832 году в историческом сборнике «Царствование царя Михаила Фёдоровича». Отрывок же из «Тульской истории» взял скромный московский журнал «Галатей», издателем которого был талантливый поэт и переводчик С. Е. Раич.

Появление майского номера «Галатеи» за 1830 год друзья и покровители семинариста встретили с восторгом. Радостную весть они разнесли по всему городу. В честь этого события в доме Воронцова-Вельяминова даже состоялся праздничный вечер, на котором присутствовал весь цвет местного образованного общества.

Первая удача ободрила Сахарова, и вскоре он посылает ряд своих статей и копий с обнаруженных исторических документов в популярный демократический журнал «Московский телеграф». Издатель журнала Н. А. Полевой с сочувствием отнесся к работам молодого исследователя и опубликовал их на журнальных страницах.

Только тульское духовенство не унималось. Велик был его гнев на ослушника. Епископ Дамаскин громы и молнии метал, грозился выгнать Сахарова из семинарии, не дать ему возможности получить свидетельство об образовании. Очевидно, так оно и случилось бы, не заступись за Сахарова директор Императорского оружейного завода Е. Е. Штаден, благосклонно относившийся к работам семинариста.

В августе 1830 года Сахаров, наконец, вырвался из тяготивших его стен семинарии. После успешной сдачи вступительных экзаменов он зачисляется на медицинский факультет Московского университета. Но, уезжая из родного города, краевед не порывает с ним связи. Вплоть до последних лет своей жизни (Сахаров умер в 1863 году в своей новгородской усадьбе Заречье) он остаётся верен делу изучения прошлого Тульского края.

В годы учебы Сахарова в Москве увидели свет наиболее значительные его труды по истории Тулы и Тульской губернии. В 1831 году в московской типографии Селивановского выходит отдельным оттиском брошюра краеведа «Достопамятности Венёва монастыря». В том же году «Московский телеграф» продолжает публикацию древних грамот, найденных Сахаровым. В 12-м номере журнала увидел свет ценнейший исторический источник по изучению прошлого Тулы – Писцовая книга Тульского посада.

Сахаров мечтает издать многотомный труд под названием «История общественного образования Тульской губернии». Однако материальные затруднения, которые испытывал историк-краевед, стали непреодолимой на пути к этому преградой. В 1832 году в типографии Селивановского вышел лишь первый том задуманной работы, включавший ряд интересных документов по истории Тулы и Тульского края XVI – XVII столетий, в том числе Писцовые книги Тульского посада 1624 и 1685 годов. К тому были приложены составленные Сахаровым «Хронологическое показание событий истории города Тулы», охватывающее несколько столетий, а также планы Тулы 1731 и 1831 годов и карта Тульской губернии первой трети XIX века.

Но даже в таком виде книга Сахарова не сразу и не всем тиражом пришла к читателю. В течение многих месяцев она лежала на типографском складе. Для выкупа издания нужны были деньги, а у Сахарова их не было. Когда же с помощью тульских друзей, организовавших в городе подписку, «История...» была, наконец, выкуплена и привезена в Тулу, судьба сыграла с ней злую шутку. Огромный пожар, охвативший город в 1834 году, проник и в помещение, где были сложены привезённые из Москвы книги. Из 600 отпечатанных экземпляров лишь 250 удалось спасти от огня.

Ныне «История общественного образования Тульской губернии» – большая библиографическая редкость. До наших дней сохранились лишь считанные экземпляры издания. Многие материалы, собранные в ней Сахаровым, не утратили познавательной ценности. К ним часто обращаются историки-краеведы и архивисты, преподаватели и студенты – все те, кто продолжает благородное дело изучения родного края, начатое славным земляком много лет назад.

Нельзя обойти вниманием и такие малоизвестные работы Сахарова, как брошюра «Писатели Тульской губернии», изданная в Петербурге в 1838 году, и книга «Памятники Тульской губернии», изданная там же в 1851 году. Работая в библиотеках и архивах, Сахаров установил имена 96 писателей, поэтов, учёных, так или иначе связанных с Тулой и Тульским краем. Им описаны старинные городища, курганы, земляные валы и крепостные укрепления, обнаруженные на тульской земле к середине XIX века, заповедные камни и археологические находки.

Неутомимый исследователь прошлого, собиратель произведений устного народного творчества оставил после себя обширное литературное наследие. К числу основных работ Сахарова относятся «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (части 1 – 3), вышедшие первым изданием в 1836 – 1837 годах в Петербурге, где после окончания университета Сахаров работал врачом почтового департамента. Большой интерес представляют опубликованные им в те же годы «Песни русского народа», а также вышедшие в 1841 году «Русские народные сказки».

Велики заслуги Сахарова перед русской культурой. Своими трудами он пробудил живой интерес русской общественности к изучению бесценных родников поэтического народного творчества. К работам Сахарова с уважением относился Виссарион Белинский, посвятивший разбору «Сказаний русского народа» специальную статью. Сахаров был дружен со многими видными русскими литераторами и общественными деятелями своего времени. Неизгладимое впечатление произвело на него знакомство с А. С. Пушкиным, которое произошло незадолго до трагической гибели поэта.

На моей книжной полке работы Сахарова стоят рядом с книгами его большого друга и наставника на поприще изучения истории Тульского края Ивана Фёдоровича Афремова – «Куликово Поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября

1380 года», изданной в 1849 году в Москве, в типографии В. Готье, и «Историческое обозрение Тульской губернии», изданной в 1850 году в той же московской типо-графии.

Исторические труды Афремова открыли новую страницу в изучении прошлого Тульского края.

Сын небогатого белёвского помещика Афремов в 1808 году 14-летним юношей поступил по семейной традиции в Петер-бургский морской кадетский корпус. Окончив учебу, молодой офицер почти десять лет служил на кораблях Северного морского флота, участвовал во многих плаваниях и морских походах.

В 1828 году, выйдя в отставку, Афремов возвращается в родные края. В Туле ему удаётся выхлопотать место инспек-тора-преподавателя Александровского кадетского корпуса, готовившего к военной карьере детей малообеспеченного провинци-ального дворянства. Кстати, среди выпускников кадетского корпуса, учеников Афремова, было немало людей интересных, в своё время достойно потрудившихся во славу России. Одним из них, к примеру, был генерал Альфонс Леонович Шанявский (1837 – 1906), исследователь Восточной Сибири, обществен-ный деятель и меценат, на средства которого в Москве и Петербурге был открыт ряд учебных заведений. Среди них знаменитый Московский городской народный университет, носивший его имя. Сегодня в здании этого университета частично расположены аудитории Российского государственного гуманитарного уни-верситета. Здесь я полтора десятилетия читал лекции студентам экономического факультета, не упуская при этом случая рас-сказать первокурсни-кам о генерале Шанявском и народном университете его имени.

Человек глубоко образованный, проявлявший интерес ко многим наукам, Афремов не ограничивался лишь своей препода-вательской работой. Он с увлечением занимался астро-номией, обрабатывал полученные ещё во время службы на флоте наблю-дения за поведением морских животных.

В Туле к Афремову приходит новое серьёзное увлечение – историческим прошлым Туль-ского края. Не последнюю роль при этом сыграло знакомство Афремова с юным семинаристом Сахаровым. Оказывая Сахарову моральную поддержку в его работе по сбору исторических документов и местного фольклора, Афремов и сам увлекся этим благородным занятием.

С начала 40-х годов XIX столетия в газете «Тульские губерн-ские ведомости» появляются первые публикации историка-крае-веда. Много времени он посвящает изучению истории Куликов-ской битвы. На основе анализа летописных источников и изучения рельефа местно-сти, где проходила битва, Афремов реставрирует план выдающегося сражения, за что 8 января 1847 года ему была объявлена благодарность на общем собрании членов Императорского Рус-ского географического общества. Два года спустя в Москве выходит упомянутая выше книга Афремова «Куликово Поле», получившая высокую оценку на страницах журналов «Современ-ник» и «Отечественные записки».

«Историческое обозрение Тульской губернии» – большая и серьёзная научная работа Афремова – явилось плодом более чем десятилетних стараний историка. Её уровень вполне соответст-вует достижениям передовой русской исторической науки сере-дины позапрошлого столетия.

В книге систематизированы все известные сведения об истории Тулы и других горо-дов губернии, их географии, занятиях населения. Книга содержит немало интересных наблю-дений, сделанных самим Афремовым, ей предпослан добротный научно-справочный аппарат. В качестве приложения к «Истори-ческому обозрению...» Афремов опубликовал карту города Тулы 1741 года, реставрированные планы тульских крепостей 1625 и 1685 годов и Куликов-ской битвы, а также родословные таблицы князей Новосильских, Одоевских, Белёвских, Воро-тынских и тульско-уральских заводчиков Демидовых.

Книга получилась объемистой – 352 печатные страницы, не считая приложенных к ней карт и планов. Но и это было не всё, что собрал Афремов. Историк рассчитывал выпустить

своё сочинение в нескольких частях и, вероятно, выполнил бы это намерение, если бы не трагическая участь, постигшая первую часть книги.

Уже будучи отпечатанным за счёт автора в количестве 500 экземпляров «Историческое обозрение Тульской губернии» попало на просмотр к известному своей ретивостью и вернопод-даничеством цензору А. Крылову. Решение было безапелляционным: книгу признать вредной. Весь тираж, за исключением десяти экземпляров, представленных в цензурный комитет, был арестован полицией прямо в типографии.

Формальным поводом к аресту послужило то, что в качестве эпиграфа к «Историческому обозрению...» Афремов привёл слова из критической статьи в журнале «Отечественные записки», ошибочно приписав их (статья была анонимной) В. Г. Белинскому. Сам по себе эпиграф не содержал никакой крамолы, зато имя великого критика звучало в годы жесточайшей николаевской реакции как вызов самодержавию. Появление его в печати власти считали нежелательным. Кроме того, в самом тексте книги цензор обнаружил ряд «неточных выражений», касающихся государственной и церковной власти.

Лишь через два года после смерти Николая I и через семь лет после напечатания книга Афремова «вышла на свободу», да и то лишь с поручительством тульского губернатора Петра Михайло-вича Дарагана, человека близкого к литературным кругам. Губернатор писал стихи, публикуя их в периодических изданиях. Его супруга Анна Михайловна Дараган, дочь видного учёного-экономиста и государственного деятеля, первого ректора Санкт-Петербургского университета Михаила Андреевича Балугьян-ского, была известной детской писательницей и талантливым педагогом.

Уже отчаявшийся увидеть свой труд Афремов воспрял духом. Несмотря на преклонный возраст, он сам вызвался ехать в Москву для того, чтобы доставить в Тулу тираж книги-узницы. Интерес к «Историческому обозрению...» был велик, и вскоре книга была распродана полностью. Полученные при этом деньги Афремов пожертвовал в фонд Тульской публичной библиотеки.

Афремов был в числе тех немногих людей из дворян, которые в противовес классовым предрассудкам выступали за освобождение крестьян из крепостной неволи с землёй и без всякого выкупа. В сентябре 1858 года Афремов подписал «особое мнение» группы тульских дворян на этот счёт. Примечательно, что рядом с его подписью стояли подписи И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

Иван Фёдорович Афремов умер в 1866 году в своём родовом имении Сальницы Белёвского уезда Тульской губернии. Но имя его не забыто. Туляки чтят память об Афремове не только как о человеке, посвятившем многие годы своей жизни изучению прошлого родного края, но и как о подлинном патриоте России, активно выступавшем против невежества и преступничества.

В 2002 году Приокское книжное издательство тиражом 5000 экземпляров переиздало книгу Ивана Афремова «Историческое обозрение Тульской губернии», несколько обновив её название – «История Тульского края». Предисловие к книге написал известный тульский архивист и историк-краевед Аркадий Аркадьевич Петухов. Держать в руках это издание и приятно, и трепетно: великолепная полиграфия, отличные иллюстрации, а главное – живёт в туляках память о прошлом, благодарные сердца бьются в унисон ритму истории, крепнет живая сила исторических традиций.

Тайны книжных переплётков

Переплётки старых книг имеют свойство ветшать, трескаться, рассыпаться, предвещая гибель издания. И тогда книголюб берёт в руки скальпель, клей и кисточку и начинает «лечить» своих питомцев. Так поступаю нередко и я, когда не требуется вмешательство профессионального переплётчика или опытного реставратора. Однако, прежде чем начать «лечить» старую книгу, стараюсь обязательно выяснить: что послужило основой для переплётки.

Интрига заключается в том, что в старину мастера-переплётчики, экономя дефицитный картон, часто для придания переплётке жесткости использовали обыкновенную писчую бумагу, кусочки бумажных обоев, сложенные в несколько слоев старые газеты, всякого рода бумажную утиль. Знаете ли вы, как любят палеонтологи и археологи, и вообще всякие копатели ходить после весенних паводков вдоль обрывистых речных берегов? И хождения эти часто завершаются удивительными находками: где-то обвалившийся берег вдруг откроет вашим взорам бивень мамонта, череп доисторического носорога, кубышку со старинными монетами...

Знакомство с обветшалыми книжными переплётками сродни подобным прогулкам. Периодически в газетах и журналах появляются сообщения об интересных находках... в переплётках старых книг. У меня на памяти несколько таких историй. Так, сравнительно недавно в библиотеке Пушкинского дома под переплёткой книги, принадлежавшей прадеду великого поэта, был обнаружен тайник, в котором хранилось около 20 писем Абрама Петровича Ганнибала.

До поры до времени ничего интересного обветшалые переплётки мне не приносили. Однако фантазия, зажжённая яркими рассказами Ираклия Андроникова о неожиданных находках бесценных рукописей в канареечных клетках и на пыльных чердаках, давала о себе знать.

Оговорюсь сразу: бесценных рукописей и автографов великих людей под книжными переплётками мне найти не удалось, да и вряд ли когда удастся, шансы, как говорится, близки нулю. Но кое-что интересное мне все же попадалось. Однажды, например, внутри обветшалого переплётки середины XIX столетия мне попался целый набор документов из архива какого-то сенатского чиновника. Другой раз были обнаружены фрагменты полуистлевшего от старости домашнего рукописного альбома начала того же века со стихами неизвестных мне поэтов-любителей и «Гимном русского народа» В. А. Жуковского.

Об одной находке хочу рассказать особо. Перебирая как-то стоящие на полке книги, журнальные и газетные подшивки, я вдруг обнаружил, что от не безупречного хранения и частого пользования стал шелушиться переплёт годового комплекта «хозяйственной газеты» «Экономические записки» за 1854 год, выходившей в Петербурге в издательстве некоего Королева и К°. Издание это само по себе для меня представляло известный интерес. Во-первых, «Экономические записки» издавались Императорским Вольным экономическим обществом и являлись еженедельным прибавлением (в современном понимании – приложением) к учёным Трудам этого общества, содержали массу полезных сведений из различных областей хозяйственной жизни. Во-вторых, 1854 год был первым годом издания «Экономических записок». К тому же мой комплект, за исключением немного обветшалого переплётки, имел прекрасную сохранность.

Переплёт «Экономических записок» решено было «подновить». Преступив в один из свободных дней к работе, я обнаружил, что основой переплётки послужил довольно качественный старинный картон. Однако поверх картона, точнее, между картоном и переплётной бумагой, имелась какая-то неровность, до этого мною не замеченная. Выяснить, что это такое, не составило особого труда. Аккуратно отделив переплётную бумагу от картона, я с удивлением извлёк на свет (словно из бумажного конверта!) фрагмент газеты «Санктпетербургские ведомости», вышедшей под номером 287 в пятницу 23 декабря 1849 года, неизвестно, как

и зачем туда попавший. Еще большее удивление вызвало то, что фрагмент газеты не был случайным обрывком, а являлся вырезкой газетной публикации, простирившейся сразу на три полосы и свидетельствующий о весьма важном в истории России XIX века событии.

Именно в этот день, в этом самом номере «Санкт-петербургских ведомостей», «газеты политической и литера-турной», был опубликован материал, читать который без душевного волнения оказалось невозможным даже полтора столетия спустя. На первой полосе под рубрикой «Внутренние известия» газета сообщала о результатах следствия по делу революционного кружка Буташевича-Петрашевского. В верхней части разворота второй и третий страниц публиковался поименный список 21 государственного преступника, участника тайной организации.

Сразу вспомнились строки из стихотворения Н. А. Некрасова 1871 года «Недавнее время»:

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нём.
Молодёжь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

Поскольку любителю отечественной истории добраться до «Санктпетербургских ведомостей» за 1849 год проблематично, позволю себе полностью привести текст официального сообщения по делу кружка петрашевцев, опубликованный в найденной газете.

«ВНУТРЕННИЕ ИЗВЕСТИЯ

Санктпетербург, 22 декабря

Пагубные учения, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве.

Но в России, где Святая Вера, любовь к Монарху и преданность к Престолу – основаны на природных свойствах народа и доселе хранятся непоколебимо в сердце каждого – только горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности поправить священнейшие права Религии, закона и собственности. Действия злоумышленников могли бы только тогда получить опасное развитие, если бы бдительность Правительства не открыла зла в самом начале.

По проведённому исследованию, обнаружено, что служивший в Министерстве иностранных дел титулярный советник Буташевич-Петрашевский, первый возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства, с тем чтобы основать оное на безначалии. Для распространения своих преступных намерений, он собирал у себя, в назначенные дни, молодых людей разных сословий. Богохуление, дерзкие слова против Священной Особы Государя Императора, представление действий правительства в искаженном виде, и порицание государственных лиц – вот те орудия, которые употреблял Петрашевский для возбуждения

своих посетителей! В конце 1848 года он приступил к образованию, независимо от своих собраний, тайного общества, действуя заодно с поручиком Л [ейб] —гв [ардии] Московского полка Момбели, штабс-капитаном Л [ейб] —гв [ардии] Егерского полка Львовым 2-м и неслужащим дворянином Спешневым. Из них, Момбели предложил учреждение тайного общества под названием: «Товарищества» или «Братства взаимной помощи и людей превратных мнений»; Львов – определил состав общества, а Спешнев – написал план для произведения общего восстания в Государстве.

У двух из сообщников Петрашевского: титулярного советника Кашкина и коллежского асессора Дурова, были также назначены, в известные дни, собрания, в том же преступном духе.

Для раскрытия всех соучастников в этом деле, Государю Императору благоугодно было учредить особенную секретную Следственную комиссию под председательством генерал-адью-танта Набокова, из следующих членов: действительного тайного советника князя Гагарина, генерал-лейтенанта Дубельта и генерал-адьютантов: князя Долгорукова 1-го и Ростовцова.

По представленному Его Величеству, после пятимесячных самых тщательных разысканий, докладу Комиссии, все лица, кои оказались вовлеченными в преступные замыслы, или случайно, или по легкомыслию, посредством других, были по Высочайшему поведению, освобождены от всякого дальнейшего преследования законов.

За тем, признаны подлежащими окончательному судебному разбору 23 человека, коих Высочайше повелено предать суду по Полевому Уголовному Уложению в особой Военно-Судной Комиссии, учрежденной под председательством генерал-адью-танта Перовского, из следующих членов: генерал-адьютантов графа Строгонова 2-го, Анненкова 2-го и Толстого 1-го и сенаторов: князя Лобанова-Ростовского, Дурасова и Веймарна.

Генерал-Аудиториат, по рассмотрению дела, произведенного Военно-Судною Комиссией, признал, что 21 подсудимый, в большей или меньшей степени, но все виновны: в умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка, – а потому и определил: подвергнуть их смертной казни расстрелянием; остальных же двух: отставного подпоручика Черносвитова, к обвинению которого юридических доказательств не оказалось, но обнаружившего самый вредный образ мыслей, оставить в сильном подозрении и сослать на жительство в одно из отдаленных мест Империи, а сына почетного гражданина Катенева, по случаю помешательства в уме, оставить в настоящее время, без произнесения над ним приговора, но по выздоровлении вновь передать Военному Суду.

Его Величество, по прочтении всеподданнейшего доклада Генерал-Аудиториата, изволил обратить Всемиловнейшее внимание на те обстоятельства, которые могут, в некоторой степени, служить смягчением наказания, и в следствие того Высочайше повелел: прочитав подсудимым приговор Суда, при сборе войск, и, по совершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что Государь Император, дарует им жизнь, и затем, вместо смертной казни, подвергнуть их следующим наказаниям...».

Далее следовал поименный список государственных преступников с изложением «обнаруженных» судом «главных видов преступлений», а также «Заключения Генерал-Аудиториата» и «Высочайшие конфирмации» по данному делу.

Первыми в списке стояли имена 28-летнего Михаила Буташевич-Петрашевского, его одногодка Николая Спешнева, 27-летнего поручика Николая Момбелли.

Десятым в списке преступников значился отставной инженер-поручик Фёдор Достоевский 27 лет, приговорённый секретной Следственной комиссией к смертной казни через расстрел, заменённый на основании «высочайшей конфирмации» лишени-ем всех прав состояния и ссылкой на каторжную работу «в крепостях на четыре года» с последующим определением в рядовые. Вина Фёдора Достоевского определялась так: «За участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, исполненного дерзкими выражениями против

Право-славной Церкви и Верховной власти, и за покушение к распро-странению, посредством домашней литографии, сочинений про-тив Правительства».

Начинающий литератор Достоевский, имя которого уже гремело по всему Петербургу после выхода в свет романа «Бедные люди», познакомился с первым русским социалистом Петрашев-ским, как свидетельствуют биографы писателя, можно сказать, случайно. Весенним днем 1846 года на Невском проспекте к Достоевскому подошёл некто в тёмном плаще и широкополой шляпе. Сходу задал вопрос: «Какая идея вашей будущей пове-сти?..». Это и был Петрашевский, любивший эксцентрические беседы и оригинальные манеры знакомства. Достоевский был несколько не удивлён подобному интересу к себе. О нём писали в столичной печати, говорили в литературных салонах, с ним искали знакомства.

Богатая эрудиция, удивительная свобода речи и полное самообладание незнакомца выдавали в новом знакомом Достоев-ского выпускника знаменитого Александровского (Царско-сельского) лицея. Его обаяние и интеллектуальный магнетизм, смелость политических высказываний в условиях жесточайшей тирании николаевского режима притягивали к себе передовую столичную молодежь, сделали Петрашевского организатором и идейным руководителем первого в России кружка последова-телей французского социалиста-утописта Шарля Фурье.

Вскоре выяснилось, что между Достоевским и Петрашевским немало общего. Это и положило начало их дружеским контактам. С весны 1847 года Достоевский стал регулярно посещать проводившиеся в доме Петрашевского по пятницам собрания молодежи, интересовавшейся новейшими социально-экономи-ческими вопросами. Пренебрегая дружбой с аристократическими почитателями его таланта, великосветскими салонами, где писатель и отставной чиновник Достоевский всегда чувствовал себя морально ущемлённым, он с юношеским пылом окупился в политические споры петрашевцев, в их тайную жизнь.

Собирались так, чтобы не привлечь к себе внимание вездесущих жандармов. Время было беспокойное. Европа жила в преддверии революционных потрясений. Россия же, претен-довавшая на роль общеевропейского жандарма, готовилась как к отпору европейской революции, так и к укреплению собстве-нных идеологических тылов на основе выработанной министром просвещения графом С. С. Уваровым славянофильской формулы: «Православие. Самодержавие. Народность».

Мелочно самолюбивый, невежественный и жестокий Николай I открыто заявлял при этом: «Я хочу поставить моё государство на такую степень высоты, что если в одно утро мой наследник проснётся с большой головой, то вся Европа будет дрожать...».

Совершенно по-иному представляли себе Россию в современ-ном и будущем мире молодые петербургские вольнодумцы. Они желали видеть ее свободной от крепостного и самодержавного гнёта, просвещенной и великой в своём стремлении следовать идеям человеческого братства, добра и справедливости. На вечерах у Петрашевского, как вспоминал впоследствии один из их участников, известный русский ученый и путешественник П. П. Семёнов-Тян-Шанский, немало говорилось о социальных экспериментах Роберта Оуэна, фаланстере Шарля Фурье, теории прогрессивного налога Прудона...

И вдруг арест, тюрьма, приговор, сначала расстрельный, а затем каторжный. Годы, проведённые на каторге и в солдатчине были для Достоевского временем прохождения через круги ада. Но всё в жизни относительно.

Прошло три десятилетия после того, как царский суд приго-ворил начинающего литератора Достоевского к смертной казни, и читающая Россия, склоняя голову над страницами «Преступ-ления и наказания», «Идиота», «Записок из мертвого дома», приговорила великого русского писателя и его творения к бессмертию. Страшно подумать, какая зияющая пустота была бы на отечественном литературном небосклоне, если бы в декабрьский день 1849 года действительно грянули выстрелы и отставной инженер-поручик Достоевский лишился жизни,

так и не создав того, что ему суждено было создать во славу его литературного гения, во славу России.

Достоевский, как известно, много и глубоко задумывался о проблемах добра и зла. Задумаемся об этом и мы, считающие себя его духовными последователями, учениками.

Зло, как известно, порождается злом, насилие – насилием. Несправедливое и жестокое отношение царизма к петрашевцам породило российский революционный экстремизм: нечестивщину, народовольцев-бомбистов, большевистский террор... Будь российские власти поумнее и посдержаннее, терпимее к чужому мнению, не пришлось бы нашей стране и её народу терпеть адские муки гражданской войны, насильственной коллективизации, сталинских лагерей...

О том, как попал фрагмент «Санктпетербургских ведомостей» под переплёт «Экономических записок», можно лишь предполагать. Вполне вероятно, что владелец «Ведомостей» хотел сохранить этот документ николаевской эпохи для потомков как напоминание о царившем в стране деспотизме, чудовищной несправедливости правящего режима.

Примечательно, что в Туле середины XIX столетия были известны сочинения петрашевцев, в частности знаменитый «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (СПб., 1845. Вып. I.). Он вполне открыто продавался в книжной лавке тульских купцов братьев Титовых. Только в 1850 году этот факт привлек к себе внимание местных блюстителей законности. Книгу, как полагается, конфисковали. Книготорговцам же было сделано соответствующее внушение, впрочем, не первое в истории их торгового дела. В 1836 году дело о старшем из братьев – тульском книгопродавце Степане Ивановиче Титове, торговавшем книгами, «не дозволенными цензурой», рассматривалось даже в Правительствующем Сенате. За допущенные нарушения книготорговец был подвергнут недельному аресту. Но впрямь ему это не пошло. Над властями он посмеивался, а книгу любил всякую, особенно мудрёную.

Памятник таланту

Алексей Степанович Хомяков, один из активных участников литературной борьбы 40-х и 50-х годов XIX века, основатель и вождь славянофильства, был человеком блестящего ума и необычайных способностей. Общественный деятель и философ, поэт и драматург, художник и врач-гомеопат, экономист, строивший планы уничтожения крепостничества, и механик-изобретатель соседствовали в нём, образуя цельную, незаурядную личность.

«Из Хомякова, – говорил полушутя-полусерьёзно Сергей Тимофеевич Аксаков, – можно выкроить десять человек, и каждый будет лучше его».

Острый ум и энциклопедические познания «великого спорщика Москвы», как часто называли Хомякова современники, заставляли изумляться и питать к нему уважение даже самых непримиримых его идейных противников из лагеря западников. С уважением отзывались о Хомякове такие его современники, как Герцен, Чернышевский, Лев Толстой.

В наши дни Хомякова помнят главным образом как идеолога славянофильства и в меньшей мере как поэта и драматурга. Впрочем, время от времени интерес к литературному творчеству Хомякова оживает. Этому способствуют пусть редкие, но все же не прекращающиеся переиздания его «Стихотворений и драм».

Неожиданно я открыл для себя ещё одно достоинство Хомякова. Оказалось, что Алексей Степанович был известен современникам и как талантливый историк. Сделать это открытие помогла книга Хомякова «Записки о всемирной истории», изданная в 1872 году и попавшая в мою библиотеку ещё в студенческие годы с книжного развала.

Исторические записки, над которыми Хомяков работал более двух десятилетий, с конца 30-х годов XIX века и вплоть до своей кончины в 1860 году, его друзья с «лёгкой руки» Николая Васильевича Гоголя называли «Семирамидой».

Издатель и автор предисловия к книге, известный в своё время историк-славист Александр Фёдорович Гильфердинг рассказывал: «Однажды Гоголь, застав его (Хомякова. – Б.Т.) за письменным столом и заглянув в тетрадку почтовой бумаги, которую друг его покрывал своим мельчайшим бисерным почерком, не оставляя на целом листе ни малейшего местечка неисписанным... прочёл тут имя Семирамиды. „Алексей Степанович Семирамиду пишет!“ – сказал он кому-то, и с того времени это название осталось за сочинением, занимавшим Хомякова».

Сподвижники и друзья Хомякова уже после его смерти вспоминали, каких больших усилий стоило им заставить своего духовного лидера взяться за перо и бумагу. Обладая изумительной памятью, сохранявшей до мельчайших подробностей всё прочитанное, и удивительной способностью превращать в уме полученные из книг сведения в стройную логическую систему, Хомяков не спешил заносить свои умозаключения на бумагу. Гораздо охотнее он передавал все прочитанное и усвоенное в устных разговорах друзьям или использовал в словесных дуэлях с западниками.

Друзья же постоянно ссорились из-за этого с Хомяковым, обвиняя его в отсутствии прилежания и пустой трате времени на разговоры и споры со всеми и каждым.

Особенно рьяно нападал на Хомякова молодой и энергичный Дмитрий Валуев, племянник жены Алексея Степановича Екатерины Михайловны (в девичестве Языковой), студент Императорского Московского университета. Валуев происходил из дворян Симбирской губернии, получил хорошее домашнее образование и научную подготовку в университете. Попав с юношеских лет под идейное влияние Хомякова, он не только активно пропагандировал взгляды своего учителя, но и разработал собственную концепцию славянофильства, согласно которой «освобождение от подчинения Западу» следует начинать прежде всего с глубокого изучения истории русского народа.

За свою короткую жизнь (Валуев умер в возрасте 25 лет) он немало сделал для этого. В 1844 году, например, Валуевым был издан получивший известность и высоко оцененный современниками «Симбирский сборник», содержащий материалы по истории Московской Руси. Его перу принадлежит опубликованное в этом сборнике «Исследование о местничестве». В 1845 году Валуев выпустил «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных». В предисловии к этому изданию молодой учёный изложил свои идеи, а в самом сборнике опубликовал статью о христианстве в Абиссинии. Совместно с другими авторами он резко и убеждённо выступал в защиту южных и западных славянских народов от порабощения их Турцией, Австрией и Пруссией. В 1843 году Валуев основал и при участии П. Г. Редкина редактировал интересное периодическое издание под названием «Библиотека для воспитания».

Именно Дмитрию Валуеву принадлежит заслуга в том, что Хомяков взялся за свою «Семирамиду». Набрав однажды в университетской книжной лавке кучу различных исторических сочинений, Валуев принёс их Хомякову и взял с него слово ежедневно, хотя бы в течение часа записывать все свои мысли от прочитанного. Хомяков сначала ленился, но постепенно втянулся в работу, не считаясь со временем. Им двигало сознание того, что доступные русскому читателю тех лет книги по всемирной истории были далеко не безупречными. Многие авторы ограничивались изучением и популяризацией прошлого европейских народов, забывая о том, что творцами истории и создателями цивилизации являлись многие народы планеты. Нередко в исторических сочинениях отсутствовали правдивые сведения о жизни славянских народов, их влиянии на евро-пейскую и мировую культуру.

Друзья, по свидетельству Гильфердинга, не ждали от Хомякова какого-то законченного исторического сочинения, а лишь добивались того, чтобы сохранить на бумаге рождавшиеся у него под влиянием прочитанного «блестящие мысли, сближения, догадки, которыми он сыпал в разговоре и которые изумляли его слушателей одинаково и остротою его ума, и громадностью его познаний».

Хомяков же относился к своей работе весьма скептически, считая себя не вполне подготовленным к созданию серьёзного исторического сочинения. Свою задачу он видел лишь в том, чтобы показать, как должна освещаться всемирная история.

Исторические книги и рукописи постоянно находились при нём и зимой, когда Хомяков жил в Москве, и летом в деревне Богучарово под Тулой.

Все, кто знал о работе Хомякова над историческими записками, неизменно интересовались, когда он завершит свою работу и намерен ли ее издать. На это Хомяков отвечал, что «работу свою он никогда не кончит и что при жизни своей издавать не будет».

«Может быть, после моей смерти, – шутил он, – кто-нибудь ее издаст».

Так оно и вышло. Записки о всемирной истории, хотя и остались незавершёнными (они обрываются на периоде Средневековья), были изданы спустя десять лет после смерти автора.

Любопытна такая деталь, характеризующая способности Хомякова. Прочитывая десятки исторических сочинений на многих языках (Хомяков был полиглотом), он никогда не делал никаких выписок, целиком полагаясь лишь на память. И память, как правило, не подводила его. Как исследователь Хомяков пунктуален, внимателен к деталям. Его записки изобилуют оригинальными суждениями, яркими художественными характеристиками исторических деятелей и эпох. Он приходит к важному выводу о том, что ни наука, ни искусство не создаются одним отвлечённым рассудком личности, а являются порождением «цельной жизни общества». И в наши дни убедительно звучит утверждение Хомякова о том, что личность, порвавшая связь с обществом, с народной жизнью, бесплодна в своих исканиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.